

Гражданская война 1918-1921 гг. - урок для XXI века

Оглавление

Введение.....	2
Глава 1. Русская революция и путь российской цивилизации.....	5
Между Февралем и Октябрем 1917 г.: суть выбора и предпосылки войны.....	5
Два типа государственности, ставших врагами.....	10
Глава 2. После Февраля 1917 г.: инкубационный период созревания войны.....	20
Отношение Временного правительства к вопросу о земле и создание «образа белых»	20
После Октября: надежды на мирный исход.....	25
Носители милитаризма в России.....	30
Глава 3. Ненависть изгнанных хозяев жизни.....	35
Как раскрутился маховик войны.....	35
Война Февраля с Октябрем.....	38
Социальная философия «верхов» – культурная предпосылка к войне.....	42
Расизм верхов - ненависть к «восставшему хаму».....	46
Глава 4. Вызревание ответной ненависти низов.....	56
Основания для социальной ненависти крестьян	56
Состояние хозяйства и созревание ненависти крестьян	60
Социальное и культурное положение крестьян – объективная предпосылка к войне. 74	
Назревание гражданской войны и Церковь	86
Крестьяне и Государственная дума.....	92
Глава 5. Кризис монархической государственности и скольжение к войне.....	98
Утрата авторитета государственной власти – духовная предпосылка к гражданской войне.....	98
Разрушение местной власти и системы самоуправления.....	113
Революция 1905-1907 гг. как подготовительные курсы Красной армии.....	120
«Культура насилия» как пусковой механизм гражданской войны.....	130
Глава 6. Выход России из войны: порядок из хаоса.....	135
Гражданская война, патриотизм и собиранье России.....	135
Красные и «обуздание революции».....	142
Почему белые потерпели поражение.....	149

Бумажную версию этой и других книг Сергея Кара-Мурзы можно купить в сетевых книжных магазинах и подарить любимому учителю истории или библиотеке.

Труды Кара-Мурзы в интернете:

- Книги на сайте www.kara-murza.ru
- Статьи в газете «Точка ру» www.orossii.ru
- Видео на сайте sgkm-club.ru

Введение

Важнейшим испытанием XX века, когда наш народ был снова, как и после Февраля 1917 г., поставлен перед выбором, стали *гражданская война* и *иностранный интервенция* 1918-1921 гг.

Война - самое крайнее, острое выражение политики, когда выявляется суть всех институтов государства, политических движений и программ. Война - эксперимент над государством и обществом, открывающий современникам и историкам важное знание. Советское государство прошло через две тотальные войны, когда столкновение с противником было совершенно непримиримым. Первой была гражданская война 1918-1921 г., сопряженная с иностранной военной интервенцией. Вторым испытанием было нашествие целой европейской орды, собранной фашистской Германией, на которое СССР ответил Отечественной войной.

Однако наша Гражданская война была неразрывно связана с войной за *независимость* России - войной против интервенции Запада. Роль Запада в порождении Гражданской войны у нынешних поколений как-то недооценивается, а это - важнейший фактор на первом этапе советской истории. В то время роль Запада была всем очевидна. Ленин говорил 2 декабря 1919 г. как о вещи общеизвестной: «Всемирный империализм, который вызвал у нас, в сущности говоря, гражданскую войну и виновен в ее затягивании...» (Соч., т. 39, с. 342). Вальтер Шубарт писал в книге «Европа и душа Востока»: «С 1914 года мы вошли в столетие западно-восточной войны». В 1918-1921 гг. Запад вел ее в основном руками российских «белых», а потом руками поляков.

Гражданская война - катастрофа более страшная, чем война с внешним врагом. Она раскалывает народ, семьи и даже саму личность человека, она носит тотальный характер и наносит тяжелые душевные травмы, которые надолго определяют жизнь общества. Поскольку в гражданской войне нет тыла, она разрушает всю ткань хозяйства, все жизнеустройство в целом. В ходе гражданской войны в России погибло несколько миллионов человек (количественные оценки резко различаются). Подавляющее большинство погибших потеряли жизнь не от «организованного насилия» - на поле боя или от репрессий, - а от голода, болезней и особенно эпидемий (тифа), а также от «молекулярных», местных конфликтов, не связанных с целями воюющих сторон.

Гражданская война самым страшным образом повлияла на весь дальнейший ход событий нашей истории. Она завершила разрушение хозяйства, подорванного мировой войной и отбросила страну в состояние крайней материальной скудости, повлиявшей на все стороны жизни и мышление. Форсированное промышленное развитие («за десять лет то, что другие страны сделали за сто лет»), необходимое для выживания в войне, привело, образно говоря, к переутомлению народа, которое сказывается и сейчас.

Эта война привела к истреблению большей части самых энергичных, активных и образованных людей с обеих сторон баррикады и надолго определила страшный кадровый голод. Это привело, среди прочего, к ужесточению и упрощению системы управления всеми общественными процессами (как говорили, к «бюрократизации», хотя это слово надо понимать как метафору, речь шла именно об упрощении и огрублении, к замене знаний и навыков простыми инструкциями и запретами). Перевод в 1918 г. всей жизни советского общества на военные рельсы придал ей черты «казарменного» уклада и привел к крайнему огосударствлению, из которого оказалось невозможно выйти за срок, отпущенный историей до новой войны. Это убило значительную часть творчества масс, прежде всего, те структуры самоуправления трудящихся, в которых мог раскрыться огромный потенциал российской общинной культуры. Из гражданской войны выросли жесткость, суровость и склонность к грубому разрешению противоречий, которые очень дорого обошлись нам и продолжают дорого обходиться и сегодня.

Эта книжка - не рассказ о ходе гражданской войны, о боях, бедствиях и преступлениях. Это - размышления о тех противоречиях, которые в ходе этой войны решались, о причинах, приведших к катастрофе братоубийства, и о смысле того выбора, который и предопределил исход войны. Писать об этом приходится потому, что, как показал опыт последних пятнадцати лет, мы в целом не поняли ни этих причин, ни этого выбора. Официальная советская история как будто «берегла» нас от тяжелых размышлений и кормила упрощенными, успокаивающими мифами. И мы не вынесли из той войны исторического урока, который она в себе заключала - и остались сегодня у разбитого корыта. Необходимость раскопок видна уже из того, с каким лихорадочным старанием знание о гражданской войне забрасывают сегодня грязью антисоветских мифов.

Наш народ прижимают в угол, речь уже идет о гибели или спасении. Все зависит от того, как быстро мы сможем восстановить трезвое мышление и определить, хотя бы грубо, то направление, по которому надо выбираться из ямы. Исторические уроки тут не решают всего дела, но они очень помогают решению. Гражданская война - один из самых дорогих уроков, и он не должен пропасть.

В этой книжке я выделил бы следующие главные вопросы.

- Гражданская война как «война Февраля с Октябрем» - продолжение, военными средствами, противостояния между двумя революционными проектами России, означавшими два разных цивилизационных пути.

- «Мирные инициативы» рабоче-крестьянской России после Февраля 1917 г. Почему они были отвергнуты «белой костью»?

- Социальный расизм влиятельной части российской элиты и ответ «низов»; роль культурных факторов в разжигании гражданской войны.

- Значение революции 1905-1907 гг. как «университета» гражданской войны.

- Гражданская война и восстановление единства России (СССР).

- Почему Белое движение было обречено.

Таким образом, ограничим вопрос, который будет рассмотрен в книге.

Гражданская война была сложным конфликтом множества сил с разными интересами и идеалами. Мы здесь рассмотрим лишь один конфликт - между *белыми* и *красными*. Участие в Гражданской войне стальных сил лишь слегка затронем. Это, конечно, сильно упрощенный подход, но с него придется начинать, чтобы не запутаться в слишком сложной системе. Выводы будут огрубленными, но, считаю, в первом приближении верными. От каких же важных «срезов» гражданской войны мы отвлечемся или рассмотрим их в слишком кратком виде?

Прежде всего, не будем рассматривать прямую военную интервенцию Запада и Японии. Примем ее как фактор «внешней среды», усугубляющий наш внутренний конфликт. Сюда же можно отнести интервенцию Польши, которая вызвала крупномасштабную и тяжелую *межгосударственную* войну. Не будем мы останавливаться и на войне Красной армии с силами антисоветских антироссийских националистических движений, которая происходила практически на всех западных окраинах, на Кавказе и в Средней Азии.

Во-вторых, не будем рассматривать роли исключительно важного, но лежащего вне плоскости войны белых и красных фактора - движения «*зеленых*». Это, в основном крестьянское, движение, определено было *антилиберальным*, то есть несовместимым с программой Белого движения. Но оно находилось и в оппозиции к программе *модернизации*, лежащей в основе советского проекта. Во многом идейными установками «зеленых» были вдохновлены восстания против Советской власти, происходившие на исходе гражданской войны (в Кронштадте, Сибири, в Тамбовской губернии и др.).

Наконец, отвлечемся от того глубокого, хотя во многом скрытого конфликта, который возник в самом лагере красных и был вызван некоторыми важными несовместимыми

представлениями о России (а также о ее месте в мире) у большевиков-«космополитов» и большевиков-«почвенников». Главное, весьма кровопролитное столкновение между этими течениями произошло позже, в 30-е годы и особенно в 1937-1938 гг.

Вновь подчеркну, что исключение этих важных составляющих гражданской войны из рассмотрения значительно обедняет и огрубляет картину - но не вносит недопустимых искажений в главные выводы относительно того конфликта, который самым прямым и срочным образом определял путь развития России-СССР в XX веке.

Глава 1. Русская революция и путь российской цивилизации

Между Февралем и Октябрем 1917 г.: суть выбора и предпосылки войны

Начало марта 1917 г. – праздник революции. Но то, что главный спор – впереди, чувствовалось всеми, кто наблюдали развитие этого спора, начиная с крестьянских восстаний 1902 г. 3 марта 1917 г. Валерий Брюсов написал стихотворение «В мартовские дни». Оно все полно смысла и предчувствий.

*Приветствую Свободу... Свершился приговор...
Но знаю, не окончен веков упорный спор,
И где-то близко рыщет, прикрыв зрачки, Раздор.*

Наше общепринятое представление о гражданских войнах сильно деформировано официальным советским (а теперь и антисоветским) обществоведением. Поэтому мы даже при нынешней крайней нестабильности легко и беззаботно проглатываем совершенно ложные утверждения политиков. Вспомним, например, важное выступление Б.Н.Ельцина по телевидению 14 марта 1991 г. Он сказал тогда: «Не надо опасаться гражданской войны, потому что у нас нет противоречий между социальными слоями». А в ноябре 1993 г., после кровавых событий 3-4 октября, он же говорит: 6-7 октября в стране должна была начаться гражданская война, и, дескать, лишь при помощи расстрела Дома Советов ее удалось предотвратить. И оба эти ошибочные заявления принимаются значительной частью общества как вполне убедительные.

Говоря об угрозе войны, обычно упирают на чисто *классовые* причины, говорят о войне за *собственность*. На деле классовые интересы – лишь фон. Страшная гражданская война в США – насколько она была *классовой*? И почему в нашей гражданской войне офицерство, выходцы из одного и того же класса, разделилось между красными и белыми ровно пополам? Сам вид крови соотечественника становится важнейшим фактором войны, по сравнению с которым часто бледнеет исходная причина. Важно умело разжечь первый очаг пожара. Босния – пример искусственного, почти лабораторного разжигания войны вообще без классовых предпосылок. Думаю, в истории вообще не было гражданских войн, вызванных «противоположными классовыми интересами трудящихся и эксплуататоров». Воюют не из непосредственно понимаемого классового интереса, а «за правду».

Гражданская война в России была порождена не только классовым, но и *цивилизационным* конфликтом – по вопросу о том, как надо жить людям в России, в чем *правда* и *совесть*. В важной работе П.А.Сорокина «Причины войны и условия мира», опубликованной в 1944 г., он пишет:

«Гражданские войны возникали от быстрого и коренного изменения высших ценностей в одной части данного общества, тогда как другая либо не принимала перемены, либо двигалась в противоположном направлении. Фактически все гражданские войны в прошлом происходили от резкого несоответствия высших ценностей у революционеров и контр-революционеров. От гражданских войн Египта и Персии до недавних событий в России и Испании история подтверждает справедливость этого положения» [1].

Февральская революция сокрушила одно из главных оснований российской цивилизации – ее государственность, сложившуюся в специфических природных, исторических и культурных условиях России. Тот факт, что Временное правительство, ориентируясь на западную модель либерально-буржуазного государства, разрушало структуры традицион-

ной государственности России, был очевиден и самим пришедшим к власти либералам. Французский историк Ферро, ссылаясь на признания Керенского, отмечает это *уничтожение российской государственности* как одно из *важнейших явлений* февральской революции.

Напротив, рабочие организации, тесно связанные с Советами, стремились укрепить *государственные* начала в общественной жизни в самых разных их проявлениях. Меньшевик И.Г.Церетели писал тогда об особом «*государственном инстинкте*» русских рабочих и их «*тяге к организации*». При этом организационная деятельность рабочих комитетов и Советов определенно создавала модель государственности, альтернативную той, что пыталось строить Временное правительство. Историк Д.О.Чураков пишет:

«Революция 1917 г., таким образом, носила не только социальный, но и специфический национальный характер. Но это национальное содержание революции 1917 г. резко контрастировало с приходом на первые роли в обществе либералов-западников. Что это могло означать для страны, в которой национальная специфика имела столь глубокие и прочные корни? Это означало только одно – рождение одного из самых глубоких социальных конфликтов за всю историю России. И не случайно эта новая власть встречала тем большее сопротивление, чем активнее она пыталась перелицезвать «под себя» традиционное российское общество» [2, с. 77].

Народ России в разгар войны был расколот примерно пополам (значит, не по классовому признаку). В армии Колчака, например, были воинские части из ижевских и воткинских рабочих - разве они считали, что воюют против рабочего класса? Очень важен для понимания характера конфликта раскол культурного слоя, представленного офицерством старой царской армии. В Красной армии служили 70-75 тыс. этих офицеров, т.е. 30% всего старого офицерского корпуса России (из них 14 тыс. до этого были в Белой армии). В Белой армии служили около 100 тыс. (40%) офицеров, остальные бывшие офицеры уклонились от участия в военном конфликте.

В Красной армии было 639 генералов и офицеров Генерального штаба, в Белой - 750. Из 100 командармов, которые были в Красной армии в 1918-1922 годах, 82 были ранее «царскими» генералами и офицерами. Можно сказать, что цвет российского офицерства разделился между *красными* и *белыми* пополам. При этом офицеры, за редкими исключениями, вовсе не становились на «классовую позицию» большевиков и не вступали в партию. Они выбрали *красных* как выразителей определенного цивилизационного пути, который принципиально расходился с тем, по которому пошли *белые*.

Чистым, почти экспериментальным случаем можно считать политику *меньшевиков*, которые пришли к власти в Грузии. Руководил ими талантливый марксист Жордания, в прошлом член ЦК РСДРП (кстати, как и Сталин, исключенный из духовной семинарии). В отличие от меньшевиков в России, Жордания в Грузии убедил партию не идти на коалицию с буржуазией и взять власть. Сразу была образована Красная гвардия из рабочих, которая разоружила солдатские Советы, которые поддерживали большевиков (в этих Советах русские были в большинстве).

В феврале 1918 г. эта Красная гвардия подавила демонстрацию большевиков в Тифлисе. Само собой, турки пошли в наступление, легко разбили грузин, и тем пришлось призвать на помощь немецкую армию, а потом и британскую. Какова же была внутренняя политика правительства Жордания? Типично *социалистическая*. В Грузии была проведена стремительная аграрная реформа – земля помещиков конфискована без выкупа и продана в кредит крестьянам. Затем национализированы рудники и почти вся промышленность (по

найму у частных собственников к 1920 г. в Грузии работало всего 19% занятых). Была введена монополия на внешнюю торговлю.

Таким образом, возникло типично социалистическое правительство под руководством марксистской партии, которое было непримиримым врагом Октябрьской революции. И это правительство вело войну против большевиков. Как это объясняется? Жордания объяснил это в своей речи 16 января 1920 г.:

«Наша дорога ведет к Европе, дорога России – к Азии. Я знаю, наши враги скажут, что мы на стороне империализма. Поэтому я должен сказать со всей решительностью: я предпочту империализм Запада фанатикам Востока!» [3, с. 533].

Дело, конечно, не в речи. Важнее, например, что Жордания, следуя ортодоксальному марксизму, считал крестьянство частью буржуазии, и аграрная реформа свелась к приватизации земли на началах чистого индивидуализма и с сознательным подрывом всяких общинных отношений в деревне.

Другим примером может служить Юзеф Пилсудский, ставший диктатором Польши и начавший, под давлением Антанты, войну против Советской России в 1920 г. Он был революционером и социалистом, поклонником Ф.Энгельса, руководителем Польской социалистической партии. Но главным пунктом в его политической программе была «глубокая ненависть к России». Он был сослан по тому же делу о подготовке покушения, по которому был казнен брат Ленина Александр Ульянов. Находясь в ссылке в Сибири, он, по его признанию, «вылечился от остатков тогдашнего русского влияния, очистился для западно-европейского влияния». В 1895 г. он написал брошюру «Россия», в которой говорит почти дословно то же самое, что говорили наши демократы спустя сто лет, в начале 90-х годов XX века. Даже не верится, как можно с такой точностью повторять старые тезисы.

Кстати, чтобы знали нынешние украинские патриоты, правовым основанием для войны против РСФСР Пилсудский считал подписанный 21 апреля 1920 г. тайный договор с С.Петлюрой, которого сегодня так чтят наши украинские друзья. Петлюра был интернирован в Польше и подписал с Пилсудским договор, согласно которому «Украинская Народная республика» уступала Польше Галицию и ряд других областей – до границ 1772 года! За это Польша бралась восстановить власть Директории на Украине. Текст договора можно прочесть в 5-м томе изданных в 1989 г. в Варшаве документов Пилсудского.

Конечно, делая здесь упор на *цивилизационном* характере Гражданской войны в России, мы ни в коем случае не должны забывать назревшего в обществе социального («классового») конфликта – конфликта, связанного с происходившей в России борьбой экономических *формаций*. Вторжение капитализма подорвало старое сословное общество и его государственность. Пафос этого наступления был воплощен во время Гражданской войны в идеологии белых. Те силы, которые не принимали капитализма, но чувствовали необходимость модернизации, шли за красными. Выход из исторического тупика, в который зашла Россия в формационном конфликте начала XX века, эти силы видели в установлении социалистического советского строя – новой, но не капиталистической формации.

Однако никакого противоречия между цивилизационным и формационным планами в нашем рассмотрении не возникает. Л.А.Гриффен пишет:

«Каждый раз становление новой общественно-экономической формации сопровождалось также образованием новой «цивилизации», т.е. «общественно-экономическая формация» Маркса и «цивилизация» Тойнби представляют собой различные стороны одного и того же социального ор-

ганизма, рассматриваемого преимущественно в первом случае в общественно-экономическом, а во втором в политико-культурологическом аспектах» [4, с. 284].

Таким образом, советский строй возникал как новая общественно-экономическая формация и в то же время приобретал важные новые цивилизационные черты по сравнению с дореволюционной Россией.

Уникальность русской революции 1917 г. в том, что с первых ее дней в стране стали формироваться два типа государственности - буржуазная республика и Советская власть. Эти два типа власти были не просто различны по их идеологии, социальным и экономическим устремлениям. Они находились на двух разных и *расходящихся* ветвях цивилизации. То есть, их соединение, их «конвергенция» в ходе государственного строительства были невозможны. Разными были фундаментальные, во многом неосознаваемые идеи, на которых происходит становление государства - прежде всего, представления о мире и человеке. Кстати сказать, поначалу особых идеологических различий между двумя типами власти и не было видно. Временное правительство не скупилось на «социалистическую» риторику.

Суть Октября как *цивилизационного* выбора отметили многие левые идеологи России и Европы. Лидер эсеров В.М.Чернов считал это воплощением «фантазий народников-максималистов», лидер Бунда М.И.Либер (Гольдман) видел корни стратегии Ленина в славянофильстве, на Западе сторонники Каутского определили большевизм как *«азиатизацию Европы»*. Стоит обратить внимание на это настойчивое повторение идеи, будто советский проект и представлявшие его большевики были силой *Азии*, в то время как и либералы-кадеты, и даже марксисты-меньшевики считали себя силой *Европы*. Они подчеркивали, что их столкновение с большевиками представляет собой *войну цивилизаций*. Предвосхищая взгляды евразийцев, Н.Бердяев неоднократно и в разных вариациях высказывал, с примесью страха и отвращения, такую мысль: «Большевизм гораздо более традиционен, чем принято думать. Он согласен со своеобразием русского исторического процесса. Произошла русификация и ориентализация марксизма» [5, с. 89].

В этой книжке я буду приводить много выдержек из дневника писателя М.М.Пришвина, вовлеченного в гущу событий в деревне и в столицах. Будучи крупным писателем, он был тесно связан с культурной средой, в том числе ее политически активной частью - Горьким, Блоком, Мережковским. С другой стороны, в начале 1917 г. он работал в Министерстве земледелия в отделе, ответственном за снабжение хлебом, и близко наблюдал развитие Февральской революции. Затем он поехал в деревню как делегат Временного комитета Государственной думы по Орловской губернии, где и провел основное время до Октября и годы гражданской войны, наблюдая близко развитие взглядов и дела главных социальных действующих сил.

Когда летом 1917 г. начались крестьянские волнения, М.М.Пришвин пронизательно записал в дневнике (5 июля), что либеральная революция потерпела крах, Россия пошла по какому-то совершенно иному пути:

«Елецкий погром - это отдаленный раскат грома из Азии, и уже этого удара было довольно, чтобы все новые организации разлетелись, как битые стекла.

Эта свистопляска с побоями - похороны революции.

Дни революции в Петрограде вспоминаются теперь как первые поцелуи единственного, обманувшего в юности счастья».

Еще более определенно оценили цивилизационный смысл Октябрьской революции

западные традиционалисты. Вальтер Шубарт в своей известной книге 1938 г. «Европа и душа Востока» пишет:

«Самым судьбоносным результатом войны 1914 года является не поражение Германии, не распад габсбургской монархии, не рост колониального могущества Англии и Франции, а зарождение большевизма, с которым борьба между Азией и Европой вступает в новую фазу... Причем вопрос ставится не в форме: Третий Рейх или Третий Интернационал и не фашизм или большевизм? Дело идет о мировом историческом столкновении между континентом Европы и континентом России ...

Сегодня Европа чувствует себя под серьезной угрозой русского большевизма. Если бы она пристальнее взгляделась в его облик, она обнаружила бы в нем свои собственные западные идеи, которые большевики лишь увеличили и огрубели до пародии, - идеи атеизма, материализма и прочий сомнительный хлам прометеевской культуры. То, чего Запад боится, - это не самих идей, а тех чуждых и странных сил, которые за ними мрачно и угрожающе вырисовываются, обращая эти идеи против Европы. Большевистскими властителями тоже руководит настроение противоположения Западу. То, что случилось в 1917 году, отнюдь не создало настроений, враждебных Европе, оно их только вскрыло и усилило. Между стремлениями славянофилов и евразийцев, между лозунгами панславизма и мировой революции разница лишь в методах, но не в цели и не в сути. Что касается мотивов и результатов, то все равно, будут ли призываться к борьбе славяне против немцев или пролетарии против капиталистов. В обоих случаях мы имеем дело с инстинктивной русской попыткой преодолеть Европу часть за частью, а затем и всю» [6].

Западнические иллюзии начали очень быстро линять после Февраля даже в столицах. Разница между «февральской» и «горбачевской» демократией заключается в том, что в 1917 г. людей реально поставили перед выбором, и в обществе возник диалог. Он шел непрерывно и в разных формах. Дневники М.Пришвина (как, кстати, и записки И.Бунина), содержат множество эпизодов. Вот, у Пришвина, запись от 1 марта 1917 г.:

«Рыжий политик в очках с рабочим. Рыжий:

- Так было везде, так было во Франции, так было в Англии и... везде, везде.

Рабочий задумчиво:

- А в России не было.

Рыжий на мгновение смущен:

- Да, в России не было. - И потом сразу: - Ну, что же... - и пошел, и пошел, вплоть до Эльзас-Лотарингии».

—
В целом, за отведенный ему историей срок буржуазное государство кадетов и социалистов приобрести легитимности не смогло - фактически, ни в какой крупной социальной группе России. Главные причины коренятся в сути самого проекта, а также в незрелости тех сил, что формировали Временное правительство. Из этого вытекали и внешние, политические причины. Вдохновители Февраля были западниками, их идеалом была буржуазная республика с опорой на гражданское общество и рыночную экономику - на то, чего в России не было. М.Вебер отмечал, что критерием господства «духа капитализма» является состояние умов рабочих, а не буржуа. В то время рабочие сохраняли мироощуще-

ние общинных крестьян - главного противника буржуазии в ходе буржуазных революций¹.

Сам идеал буржуазного государства был несовместим с устремлениями всех остальных, помимо буржуазии, классов и сословий России. Великий моралист Адам Смит определил его так:

«Приобретение крупной и обширной собственности возможно лишь при установлении гражданского правительства. В той мере, в какой оно устанавливается для защиты собственности, оно становится, в действительности, защитой богатых против бедных, защитой тех, кто владеет собственностью, против тех, кто никакой собственности не имеет».

Насколько это было далеко от массовой мечты российского населения об обществе-семье! Вот, 13 марта 1917 г. М.М.Пришвин повстречал в банке старика-купца из провинции:

- Республика или монархия?

- Республика, потому что сменить можно.

-А как же помазанники?

-В писании сказано, что помазанники будут от Михаила до Михаила - последний Михаил, и кончились. А теперь настало время другое, человек к человеку должен стать ближе, может быть, так и Бога узнают, а то ведь Бога забыли».

Не к гражданскому обществу свободных индивидов стремились люди после краха словенной монархии, а к христианской коммуне (обществу-семье). В столкновении этих двух разных образов будущего – то семья, из которого, к общему горю, выросла гражданская война.

Два типа государственности, ставших врагами

Известно, что «классическая» гражданская война может возникнуть в двух случаях: или когда раскалывается примерно пополам армия и на одной территории возникает две разных враждебных государственности, или когда возникает неформальная вооруженная сила, по мощи сравнимая с армией. Первый случай был в Испании в 1936 г. Если армия переходит на сторону мятежников как целое, происходит не война, а переворот, как в Чили в 1973 г.

В России после распада армии в 1917 г., когда солдаты вернулись по домам с оружием, возникла комбинация обоих типов ситуации, чреватой гражданской войной. При этом надо помнить исторический факт – развал армии, ставший важной предпосылкой гражданской войны, был произведен либеральным Временным правительством. 16 июля 1917 г. Деникин заявил в присутствии Керенского: «Когда повторяют на каждом шагу, что причиной развала армии послужили большевики, я протестую. Это неверно. Армию развалили другие... Развалило армию военное законодательство последних месяцев». Как писал генерал А.М.Зайончковский, автор фундаментального труда о I Мировой войне, «ар-

¹ М.М.Пришвин, близкий к либералам и эсерам, писал незадолго до революции, что “рабочие - посланники земли”: “Характерно для нашего движения, что рабочие в массе сохраняют деревенскую мужицкую душу. Пример Алекс. Вас. Кузнецов: он 25 лет был в Петербурге и вернулся к земле на свой хутор более мужиком, чем настоящие мужики; за это время мужики в деревне более подверглись влиянию города, чем он в городе”.

мия развалилась при деятельной к этому помощи обоих неудачных революционных министров Гучкова и Керенского» [7, с. 177].

Надо сказать, что либерально-буржуазные политики, пришедшие к власти в результате Февральской революции, не могли не развалить армию царской России, как один из главных институтов монархической государственности. Сам ее «культурный генотип» был несовместим с мировоззрением и цивилизационными установками либералов-западников. В этом плане особенно красноречивы действия А.И.Гучкова, ставшего военным министром Временного правительства. Он был человеком умным и решительным, близким к армии и имевшим очень высокий авторитет среди офицерства и генералитета. Тем не менее он, следуя логике процесса, давал распоряжения и приказы, разрушавшие армию (например, за март было уволено около 60% высших офицеров). Правда, он объяснял это тем, что «мы не власть, а видимость власти, физическая сила у Совета рабочих и солдатских депутатов». Но баланс сил – лишь видимая часть проблемы. Министр финансов и затем министр иностранных дел Временного правительства М.И.Терещенко впоследствии сказал:

«Будущие историки, знакомясь с историей нашей революции, действительно с изумлением увидят, что в течение первых ее месяцев, в то время, когда во главе военного ведомства стоял человек, который, вероятно, более всех других штатских людей в России и думал, и мыслил об армии, и желал ей успеха, поставил свою подпись под рядом документов, которые несомненно принесли ей вред» [7, с. 119].

Дело было в том, что революционный процесс в самой армии шел столь же стихийно, как и в других частях общества, и либералы могли лишь пытаться в какой-то мере взять его под свой контроль, не выступая прямо против этого процесса. Например, выехав 5 апреля на фронт, военный министр был поражен тем, что генералы подумывали о том, чтобы вступить в партию эсеров, тогда самую популярную. Он писал:

«Такая готовность капитулировать перед Советом даже со стороны высших военных, делавших карьеру при царе, парализовала всякую возможность борьбы за укрепление власти Временного правительства» [7, с. 121].

Таким образом, министр Временного правительства с самого начала говорит о взаимоотношениях с Советами в терминах **войны**. На этом надо остановить внимание, потому что уже начиная с Февраля политиками, не принявшими цивилизационный вектор советского проекта, создавался весь механизм гражданской войны. Она просто находилась в латентном, «инкубационном» периоде. Один из кандидатов на должность военного министра во Временном правительстве полковник Б.А.Энгельгардт писал в марте 1917 г.:

«Чтобы остановить развивающееся движение, есть лишь одно средство: окунуть руки по локоть в крови, но в настоящую минуту я не вижу для этого ни возможностей, ни охотников» [7, с. 122].

Конечно, рассуждение полковника нелогично – как может быть *средством* то, к применению чего нет *возможностей*! Для нас здесь важна именно констатация непримиримого конфликта между Временным правительством и стихийным движением масс. Этот конфликт перерос в гражданскую войну именно тогда, когда «дети Февраля» получили для этого возможности и собрали «охотников». В их среде изначально существовала установка на гражданскую войну.

Уже в Феврале в России возникло два типа государства, каждый из которых представлял особый цивилизационный путь – буржуазно-либеральное *Временное правительство* и «самодержавно-народные» *Советы*. Поначалу они сотрудничали, хотя столкновения начались быстро. И кадеты, и правые либералы были едины в своей ориентации на Запад и в намерении продолжать войну. В апреле военный министр А.И.Гучков заявил на большом совместном заседании правительства, Временного комитета Госдумы и Исполкома Петроградского Совета: «Мы должны все объединиться на одном – на продолжении войны, чтобы стать равноправными членами международной семьи».

В ответ 21 апреля в Петрограде прошла демонстрация против этой политики правительства, и она была обстреляна – впервые после Февраля. Как писали, «дух гражданской войны» повеял над городом [7, с. 124]. Потом, к октябрю, Советы взяли верх, а структуры буржуазной государственности перебрались на периферию и стали готовиться к мятежу в союзе с интервентами с Запада. Активная часть офицерства бывшей армии раскололась примерно поровну.

Как «созревали» для войны оба типа государства? Историки (например, В.О.Ключевский) еще с 1905 г. предупреждали, что попытки сразу перейти от монархии к «партийно-политическому делению общества при народном представительстве» будут обречены на провал, но кадеты этого не поняли. В августе 1917 г. М.В.Родзянко говорил: «За истекший период революции государственная власть опиралась исключительно на одни только классовые организации... В этом едва ли не единственная крупная ошибка и слабость правительства и причина всех невзгод, которые постигли нас». Иными словами, буржуазная государственная надстройка, будь она принята обществом, стала бы его раскалывать по классовому принципу, как это и следует из теории гражданского общества.

В отличие от этой буржуазно-либеральной установки, Советы (рабочих, солдатских и крестьянских) депутатов формировались как органы не классово-партийные, а *общинно-сословные*, в которых многопартийность постепенно вообще исчезла. Эсеры и меньшевики, став во главе Петроградского совета, и не предполагали, что под ними поднимается неведомая теория государственности крестьянской России, для которой монархия стала обузой, а правительство кадетов - недоразумением.

На уровне государства Советы были, конечно, новым типом, но на уровне самоуправления это был именно традиционный тип, характерный для аграрной цивилизации - тип военной, ремесленной и крестьянской демократии доиндустриального общества. Либералы-западники видели в этом архаизацию, даже «азиатизацию» России, возрождение ее древних архетипов, лишь прикрытых позднефеодальными и буржуазными наслоениями. М.М.Пришвин записал в дневнике 29 апреля 1918 г.: «Новое революции, я думаю, состоит только в том, что она, отменяя старое, этим снимает заслон от вечного, древнего».

В России Советы вырастали именно из крестьянских представлений об идеальной власти. Исследователь русского крестьянства А.В.Чаянов писал: «Развитие государственных форм идет не логическим, а историческим путем. Наш режим есть режим советский, режим крестьянских советов. В крестьянской среде режим этот в своей основе уже существовал задолго до октября 1917 года в системе управления кооперативными организациями».

Становление системы Советов было процессом «молекулярным», хотя имели место и локальные решения. Так произошло в Петрограде, где важную роль сыграли кооператоры. Еще до отречения царя, 25 февраля 1917 г. руководители Петроградского союза потребительских обществ провели совещание с членами социал-демократической фракции Государственной думы в помещении кооператоров на Невском проспекте и приняли совместное решение создать Совет рабочих депутатов – по типу Петербургского совета 1905 г. Выборы депутатов должны были организовать кооперативы и заводские кассы взаимо-

помощи. После этого заседания участники были арестованы и отправлены в тюрьму – всего на несколько дней, до победы Февральской революции.

Поначалу обретение Советами власти происходило даже вопреки намерениям их руководства (эсеров и меньшевиков). Никаких планов сделать советы альтернативной формой государства у создателей Петроградского совета не было. Их целью было поддержать новое правительство снизу и «добровольно передать власть буржуазии».

Говоря о становлении после февраля 1917 г. советской государственности, все внимание обычно сосредоточивают именно на Советах, даже больше того – на Советах рабочих и солдатских депутатов («совдепах»). Но верно понять природу Советов нельзя без рассмотрения их низовой основы, системы трудового *самоуправления*, которая сразу же стала складываться на промышленных предприятиях. Ее ячейкой был *фабрично-заводской комитет* (фабзавком). Развитию этой системы посвящена очень важная для нашей темы книга Д.О.Чуракова «Русская революция и рабочее самоуправление» (М., 1998).

В те годы фабзавкомы возникали и в промышленности западных стран, и очень поучителен тот факт, что там они выросли из средневековых традиций цеховой организации ремесленников, как объединение индивидов в корпорации, вид ассоциаций гражданского общества. А в России фабзавкомы выросли из традиций крестьянской общины. Из-за большой убыли рабочих во время Мировой войны на фабрики и заводы пришло пополнение из деревни, так что доля «полукрестьян» составляла до 60% рабочей силы. Важно также, что из деревни на заводы теперь пришел середняк, составлявший костяк сельской общины. В 1916 г. 60% рабочих-металлистов и 92% строительных рабочих имели в деревне дом и землю. Эти люди обеспечили господство в среде городских рабочих общинного крестьянского мировоззрения и общинной самоорганизации и солидарности.

Фабзавкомы, в организации которых большую роль сыграли Советы, быстро сами стали опорой Советов. Прежде всего, именно фабзавкомы финансировали деятельность Советов, перечисляя им специально выделенные с предприятий «штрафные деньги», а также 1% дневного заработка рабочих. Но главное, фабзавкомы обеспечили Советам массовую и прекрасно организованную социальную базу, причем в среде рабочих, охваченных организацией фабзавкомов Советы рассматривались как безальтернативная форма государственной власти. Общеизвестна роль фабзавкомов в организации рабочей милиции и Красной гвардии.

Именно там, где были наиболее прочны позиции фабзавкомов, возник лозунг «Вся власть Советам!» На заводе Михельсона, например, это требование было принято уже в апреле, а на заводе братьев Бромлей – 1 июня 1917 г. На заводах и фабриках фабзавкомы быстро приобрели авторитет и как организация, поддерживающая и сохраняющая производство (вплоть до поиска и закупки сырья и топлива, найма рабочих, создания милиции для охраны материалов, заготовки и распределения продовольствия, налаживания трудовой дисциплины), и как центр жизнеустройства трудового коллектива. В условиях революционной разрухи их деятельность была так очевидно необходима для предприятий, что владельцы в общем шли на сотрудничество (67% фабзавкомов финансировались самими владельцами предприятий). Как писал печатный орган Центрального союза фабзавкомов «Новый путь», «при этом не получится тех ужасов, той анархии, которую нам постоянно пророчат... Отдельные случаи анархических проявлений так и остаются *отдельными*».

По своему охвату функции фабзавкомов были столь широки, что они сразу стали превращаться в особую систему самоуправления, организованного по производственному признаку (в этом, среди прочего, и их коренное отличие от аналогичных комитетов западных стран). Вот некоторые примеры. В конце августа 1917 г. комитет Шуйской мануфактуры постановил: «Открыть прачечную для рабочих своей фабрики со всеми удобствами для стирки... Просить правление о расширении школы, ввиду того, что не хватает мест для детей рабочих всей фабрики». На заводе Михельсона при завкоме была культурная

комиссия с театральной, библиотечной и лекционной секциями. Занимались фабзавкомы проблемами гигиены труда и охраны здоровья рабочих. Вот, например, объявление рабочего комитета Иваново-Вознесенской мануфактуры в начале осени 1918 г.:

«Ввиду усиленной эпидемии заболевания ОСПОЙ среди рабочих нашей фабрики, где уже зарегистрировано более 30 случаев заболевания среди взрослых рабочих, предлагаем всем желающим принять прививку... Товарищи! Для скорейшей борьбы с этой нежелательной гостьей убедительно просим не уклоняться от прививки, т.к. прививка за собой не несет никакой особенной боли на руке» [2, с. 43].

В августе-сентябре 1917 г. стали частыми случаи взятия фабзавкомами управления предприятием в свои руки. Это происходило, когда возникала угроза остановки производства или когда владельцы отказывались выполнять те требования, которые фабзавком признавал разумными. В случаях, когда фабзавком брал на себя руководство фабрикой, отстраняя владельца, обычно принималось постановление никаких особых выгод из этого рабочим не извлекать. Весь доход после выплаты зарплаты и покрытия расходов на производство поступал в собственность владельцев предприятия [2, с. 55].

В целом, как сказал на I Всероссийской конференции фабзавкомов, в ответ на обвинения их в соглашательстве с капиталистами, видный организатор этого движения Н.А.Скрыпник, «путем вмешательства в хозяйственные дела предприятия рабочие борются с *определенной системой, системой экономического взрыва* революции» [2, с. 52]. Принцип «чем хуже, тем лучше», был абсолютно несовместим с советским мировоззрением. При этом ценностные ориентации фабзавкомов были определенно антибуржуазными, и именно их позиция способствовала завоеванию большевиками большинства в Советах.

Важно, то, что эта антибуржуазность органов рабочего самоуправления была порождена не классовою ненавистью, а именно вытекающей из мироощущения общинного человека ненавистью к классовому разделению, категорией не социальной, а цивилизационной. Фабзавкомы предлагали владельцам стать «членами трудового коллектива», войти в «артель» – на правах умелого мастера с большей, чем у других, долей дохода (точно так же, как крестьяне в деревне, ведя передел земли, предлагали и помещику взять его трудовую норму и стать членом общины). Ленин писал об организованном в рамках фабзавкома рабочем: «Правильно ли, но он делает дело так, как крестьянин в сельскохозяйственной коммуне» [см. 2, с. 86]. И всякое согласие представителей бывших привилегированных слоев находило отклик.

Вот пример. В завком большого Тульского оружейного завода поступила, уже зимой 1918 г., письменная просьба протоирея Кутепова – собрать с рабочих отчисления на нужды собора, поскольку большинство молящихся в соборе были рабочими этого завода. Завком постановил:

«Ввиду отделения церкви от государства и возложения обязанности содержания причтов и храмов на основаниях добровольных отчислений, признать для заводского комитета невозможным предлагать рабочим завода делать процентные отчисления на нужды Успенского собора и предложить причту Успенского собора непосредственно обратиться со своей просьбой к посещающим собор». Однако, учитывая, что «церковь завода самая древняя в Туле, основана в 1649 году и представляет собой памятник старины», а также то, что «причт работает не только в самой церкви, но и непосредственно в мастерских», завком решил «выделить ему оплату как всякому служащему» [2, с. 126-127].

Из материалов, характеризующих устремления, идеологические установки и практические дела фабзавкомов в Центральной России, где ими было охвачено 87% средний предприятий и 92% крупных, определенно следует, что рабочие уже с марта 1917 г. считали, что они победили в революции и перед ними открылась возможность устраивать жизнь в соответствии с их представлениями о добре и зле. В постановлениях фабзавкомов, многие из которых написаны эпическим стилем, напоминающем крестьянские наказания и приговоры, нет абсолютно никакой агрессивности, а видна спокойная и даже радостная сила. Рабочие именно предлагали мир и братство и надеялись на эту возможность. Здесь не мог зародиться дух войны. Но когда войной на самую возможность справедливого жизнеустройства пошел с Юга союз всяческих господ, то именно эти рабочие и составили костяк Красной Армии. И их поход стал походом не против экономической эксплуатации, а против *зла*.

Чтобы понять суть конфликта в Гражданской войне и его глубину, надо вспомнить, что с самого начала организованного этапа борьбы она рассматривалась и рабочими, и крестьянами как *народное дело*. Они не считали ее ни бунтом, ни «политикой» – чисто западным явлением борьбы классов и групп за свои интересы. Народное святое дело!

Когда после Кровавого воскресенья, 29 января 1905 г. была учреждена комиссия для рассмотрения, совместно с промышленниками, требований рабочих («комиссия Шидловского»), то выдвижение политических требований на этой комиссии заранее было объявлено неприемлемым. Рабочие с этим согласились. Вот как они давали наказания своему представителю:

«Ты там в комиссии-то насчет политики не больно... Ну ее к лешему! - О политике? Да Боже меня сохрани, но чтобы свободу слова дали... И нужно еще будет сказать, чтоб арестованных выпустили. Еще я думаю, - сказать, чтоб наши заседания в газетах печатались и все полностью, конечно... Нужно, мол, нам свободу союзов, собраний, а самое главное, свободу стачек... Насчет государственного страхования... - Не забудь чего-нибудь... Как сегодня все говорили, так там и валяй... А политики не нужно» [8, с. 75]².

А вот опубликованная в то время запись одного разговора, который состоялся весной 1906 г. в вагоне поезда. Попутчики спросили крестьянина, надо ли бунтовать. Он ответил:

“Бунтовать? Почто бунтовать-то? Мы не согласны бунтовать, этого мы не одобряем... Бунт? Ни к чему он. Наше дело правое, чего нам бунтовать? Мы землю и волю желаем... Нам землю отдай да уברי господ подале, чтобы утеснения не было. Нам надо простору, чтобы наша власть была, а не господам. А бунтовать мы не согласны”.

Один из собеседников засмеялся:

“Землю отдай, власть отдай, а бунтовать они не согласны... Чудак! Кто же вам отдаст, ежели вы только желать будете да просить... Чудакки!”. На это крестьянин ответил, что за правое дело народ “грудью восстанет, жизни своей не жалеючи”, потому что, если разобраться по совести, это будет “святое народное дело” [9, с. 19].

² Кстати, комиссию в результате правительство созывать не стало, что привело к новой волне забастовок.

Другой важный момент, который высвечивает история рабочего самоуправления в 1917 г., состоит в том, что появление фабзавкомов вызвало весьма острый мировоззренческий конфликт в среде социал-демократов, а после Октября и в среде большевиков. Меншевики, ориентированные ортодоксальным марксизмом на опыт рабочего движения Запада, сразу же резко отрицательно отнеслись к фабзавкомам как «патриархальным» и «заскорузлым» органам. Они стремились «европеизировать» русское рабочее движение по образцу западноевропейских профсоюзов. Поначалу фабзавкомы (в 90% случаев) помогали организовать профсоюзы, но затем стали им сопротивляться. Например, фабзавкомы стремились создать *трудовой коллектив*, включающий в себя всех работников предприятия, включая инженеров, управленцев и даже самих владельцев. Профсоюзы же разделяли этот коллектив по профессиям, так что на предприятии возникали организации десятка разных профсоюзов из трех-четырёх человек.

Часто рабочие считали профсоюзы чужеродным телом в связке фабзавкомы-Советы. Говорилось даже, что «профсоюзы – это детище буржуазии, завкомы – это детище революции». В результате к середине лета 1917 г. произошло размежевание – в фабзавкоммах преобладали большевики, а в профсоюзах меньшевики. III Всероссийская конференция профсоюзов (21-28 июня 1917 г.) признала, что профсоюзы оказывают на фабзавкомы очень слабое влияние и часто на предприятиях просто переподчиняются им. Д.О.Чураков пишет:

«В реальности, происшедшее было во многом не чем иным, как продолжением в новых исторических условиях знакомого по прошлой российской истории противоборства традиционализма и западничества. Соперничество фабзавкомов и профсоюзов как бы иллюстрирует противоборство двух ориентаций революции: стать ли России отныне «социалистическим» вариантом все той же западной цивилизации и на путях государственного капитализма двинуться к своему концу или попытаться с опорой на историческую преемственность показать миру выход из того тупика, в котором он оказался в результате империалистической бойни» [2, с. 85].

После Октября конфликт марксистов с фабзавкомками обострился и переместился в ряды большевиков, часть которых заняла ту же позицию, что и меньшевики. Это выразилось в острой дискуссии по вопросу о рабочем контроле. Установка на государственный капитализм не оставляла места для рабочего самоуправления. Ленин с большим трудом провел резолюцию в поддержку рабочих комитетов, но пересилить неприязни к ним влиятельной части верхушки партии не смог.

Д.О.Чураков пишет об этой «неосознанной борьбе с национальной спецификой революции»:

«Свою роль в свертывании рабочего самоуправления сыграли и причины доктринального характера. Если проанализировать позицию, которую занимали Арский, Гросман, Трахтенберг, Вейнберг, Зиновьев, Троцкий, Рязанов, Ципирович, Лозовский, Энгель, Ларин, Гастев, Гольцман, Вейцман, Гарви и многие другие, станет ясно, что многие деятели, самым непосредственным образом определявшие политику по отношению к рабочему самоуправлению, не понимали специфики фабзавкомов как организаций, выросших на российских традициях трудовой демократии, не разбирались, в чем именно эти традиции состоят» [2, с. 166].

После Октября, особенно когда дело стало двигаться к гражданской войне, вся Советская часть России стала сдвигаться к военному коммунизму (превращаться в «военный лагерь») с неизбежной централизацией и огосударствлением. Рабочее самоуправление было свернуто, выбор власти был сделан в пользу управляемых из центра профсоюзов. Однако в дальнейшем, в процессе индустриализации, когда на стройки и на заводы пришла крестьянская молодежь, профсоюзы все же приобрели сущность *фабзавкомов*. Они не разделяли работников завода по профессиям, а всех объединяли в один трудовой коллектив. Конечно, если бы это процесс шел не стихийно и осознавался не на интуитивном уровне, а с пониманием национальной цивилизационной специфики, было бы меньше издержек и в 30-е годы, и не произошло бы катастрофы 90-х годов.

Но вернемся к 1917 году. Та сила, которая стала складываться после Февраля сначала в согласии, а потом и в противовес Временному правительству и которую впоследствии возглавили большевики, была выражением массового *стихийного* движения. Идейной основой его был не марксизм и не вообще не идеология как форма сознания, а народная философия более фундаментального уровня. Сила эта по своему типу не была и «партийной». Иными словами, способ ее организации был совсем иным, нежели в западном гражданском обществе. Ленин летом 1917 г. в работе «Русская революция и гражданская война» писал:

«Что стихийность движения есть признак его глубины в массах, прочности его корней, его неустрашимости, это несомненно. Почвенность пролетарской революции, беспочвенность буржуазной контрреволюции, вот что с точки зрения стихийности движения показывают факты».

В этом и заключается кардинальная разница между большевиками, которые были частью глубинного народного движения, помогая строить его культурную матрицу, и их противниками и оппонентами, в том числе в марксизме, которые воспринимали это глубинное движение как своего врага, как бунт, как отрицание революции - как *контрреволюцию*. М.М.Пришвин записал в дневнике 21 сентября 1917 г.: «Этот русский бунт, не имея в сущности ничего общего с социал-демократией, носит все внешние черты ее и систему строительства».

Конечно, в этой быстрой записи автор не точен - как может не быть «в сущности ничего общего» у двух общественных явлений, если они имеют одинаковые внешние черты (форму) и «систему строительства»? Напротив, здесь подмечено как раз наличие глубокого взаимодействия, синтеза русской революции и социал-демократии (большевизма). Но главный смысл этого наблюдения М.М.Пришвина все же в том, что революция накануне Октября уже воспринималась либеральной интеллигенцией как *русский бунт* - явление стихийное и враждебное программе Февраля. 10 октября 1917 г. М.М.Пришвин дописал:

«Теперь всюду и все говорят о революции как о пропащем деле и не считают это даже революцией».

— *Неделю, - скажут, - была революция или так до похорон [то есть до похорон жертв революции 23 марта 1917 г. - С.К-М], а потом это вовсе не революция».*

Понятно, что для Пришвина «всюду и все» означает ту петроградскую либеральную публику, в которой он в тот момент вращался.

Принимая от большевизма формы и «систему строительства», народная революция, конечно, наполняла их существенно новым содержанием. Так произошло, например, с по-

нятием «диктатура пролетариата». к этому понятию, почерпнутому из марксизма, крестьяне были подготовлены самой их культурой. Она воспринималась русскими людьми как диктатура тех, кому нечего терять, кроме цепей - тех, кому не страшно постоять за правду. Н.А.Бердяев в книге «Истоки и смысл русского коммунизма» писал:

«Марксизм разложил понятие народа как целостного организма, разложил на классы с противоположными интересами. Но в мифе о пролетариате по-новому восстановился миф о русском народе. Произошло как бы отождествление русского народа с пролетариатом, русского мессианизма с пролетарским мессианизмом» [5, с. 88].

Столь же далеким от марксизма было представление о буржуазии. Пришвин пишет (14 сентября 1917 г.): «Без всякого сомнения, это верно, что виновата в разрухе буржуазия, то есть комплекс «эгоистических побуждений», но кого считать за буржуазию?.. Буржуазией называются в деревне неопределенные группы людей, действующие во имя корыстных побуждений».

Таким образом, Октябрь открыл путь стихийному процессу продолжения Российской государственности от самодержавной монархии к советскому строю минуя государство либерально-буржуазного типа. М.М.Пришвин записал в дневнике 30 октября 1917 г.: «Просто сказать, что попали из огня да в полымя, от царско-церковного кулака к социалистическому, минуя свободу личности». Это - бессильная ругань, но смысл событий в ней ухвачен верно.

Ругайся не ругайся, а приходится признать, что после Октября в России установилась *народная* власть, и эта власть восстанавливала те принципы жизнеустройства, которые отвечали чаяниям подавляющего большинства людей и лежали на исторической траектории России. Вот, М.М.Пришвин, мечтавший о либеральном строе, проклинает испортивших дело либералов: «Виноваты все интеллигенты: Милуков, Керенский и прочие, за свою вину они и провалились в Октябре, после них утвердилась власть темного русского народа по правилам царского режима. Нового ничего не вышло». За ворчанием здесь скрывается важная мысль: после Октября *утвердилась власть русского народа*; большевики выступили как реставраторы, даже как контрреволюционеры относительно либералов - именно из-за усилий большевиков *нового ничего не вышло*.

Год спустя сам М.М.Пришвин признает, что образ создаваемого Советского государства зарождался в самых глубинных слоях сознания и был новым воплощением традиционного представления о самодержавной власти. М.М.Пришвин записал в дневнике 14 декабря 1918 г.: «Это небывалое обнажение dna социального моря. Сердце болит о царе, а глотка орет за комиссара».

И хотя в условиях революционной смуты и разрухи у каждой отдельной личности не могло не быть обид на любую власть – озлобленную, без ресурсов и без контроля устоявшимся правом – в крестьянской среде возникло общее чувство, что именно Советская власть выражает их *чаяния*. М.М.Пришвин записал в дневнике 28 декабря 1918 г.: «Иван Афанасьевич сказал мне в ответ на мысль мою о невидимой России: «Это далеко - я не знаю, а село свое насквозь вижу, и не найдется в нем ни одного человека, кто бы против коммунистов говорил без чего-нибудь своего, личного». На другой день Пришвин приписал к этому такую свою мысль: «А что никто не может возвысить голос против коммунистов по существу - это показывает, что или коммунисты правы, или не существует совести народной».

Понятно, что попытка отодвинутых в Октябре буржуазно-либеральных движений силой вернуть Россию на траекторию создания общества и государства по типу западного капитализма (хотя бы периферийного) не могла не вызвать гражданской войны.

Принятие большевиками главных требований крестьян и идеи Советской государственности означали важный отход от марксизма и от установки на усиление *классовой* структуры общества. Это чутко уловил А.М.Горький, который колебался между либерализмом и марксизмом. Он писал:

«Когда в 17 году Ленин, приехав в Россию, опубликовал свои «тезисы», я подумал, что этими тезисами он приносит всю ничтожную количественно, героическую качественно рать политически воспитанных рабочих и всю искренно революционную интеллигенцию в жертву русскому крестьянству» [10].

Тяжело переживая крах либеральных иллюзий, Пришвин так выразил суть Октября: «горилла поднялась за правду». Но что такое была эта «горилла»? Стал Пришвин размышлять, из чего же она возникла. И уже 31 октября выразил эту правду почти в притче. Возник в трамвае спор о правде (о Керенском и Ленине) - до рычания. И кто-то призвал спорщиков: «Товарищи, мы православные!».

В бессильном отрицании признает Пришвин, что советский строй («горилла») - это соединение невидимого града православных с видимым градом на земле товарищей: «в чистом виде появление гориллы происходит целиком из сложения товарищей и православных».

Глава 2. После Февраля 1917 г.: инкубационный период созревания войны

Отношение Временного правительства к вопросу о земле и создание «образа белых»

После короткого периода общего ликования на «празднике революции» Временное правительство стало испытывать нарастающее отчуждение, а потом и сопротивление не только крестьян и рабочих, но и части имущих классов. Противоречивость политики Временного правительства становилась вопиющей. Концы с концами не вязались ни в одном главном вопросе. Для возникновения гражданского общества требовалось сломать сословные барьеры и крестьянскую общину - но правительство, признав крах реформы Столыпина, не решалось на *демократическую земельную реформу*, тем более с ущемлением помещичьего землевладения.

Недооценка и даже, скорее, непонимание сущности вопроса о земле в крестьянской России и консерваторами, и либералами, и социалистами-западниками, стало нашей национальной бедой. И тогда, и сейчас городской обыватель считает, что крестьяне России желали «отнять землю у помещиков». Это совершенно ошибочный стереотип. С момента реформы 1861 г. крестьяне вовсе не требовали и не желали экспроприации земли у помещиков, они понимали национализацию как средство справедливо разделить землю согласно трудовому принципу – чтобы и помещикам оставить, но столько, сколько он может возделывать своим трудом. Например, М.М.Пришвин решил жить в своей усадьбе и трудиться на земле – и ему оставили его «трудовую норму» в 16 десятин пашни. А.Н.Энгельгардт писал:

«Газетные корреспонденты ошибочно передавали, что в народе ходят слухи, будто с предстоящей ревизией земли от помещиков отберут и передадут крестьянам. Толковали не о том, что у одних отберут и отдадут другим, а о том, что будут равнять землю. И заметьте, что во всех этих толках дело шло только о земле и никогда не говорилось о равеннии капиталов или другого какого имущества...»

Именно толковали о том, что будут равнять землю и каждому отрежут столько, сколько кто может обработать. Никто не будет обойден. Царь никого не выкинет и каждому даст соответствующую долю в общей земле. По понятиям мужика, каждый человек думает за себя, о своей личной пользе, каждый человек эгоист, только мир да царь думают обо всех, только мир да царь не эгоисты. Царь хочет, чтобы всем было равно, потому что всех он одинаково любит, всех ему одинаково жалко. Функция царя - всех равнять...

Крестьяне, купившие землю в собственность или, как они говорят, в вечность, точно так же толковали об этом, как и все другие крестьяне, и нисколько не сомневались, что эти «законным порядком за ними укрепленные земли» могут быть у «законных владельцев» взяты и отданы другим. Да и как же мужик может в этом сомневаться, когда, по его понятиям, вся земля принадлежит царю и царь властен, если ему известное распределение земли невыгодно, распределить иначе, поравнять. И как стать на точку закона права собственности, когда население не имеет понятия о праве собственности на землю?» [11, с. 402-403].

Надо подчеркнуть, что и в духовно-религиозном плане частная собственность на землю всегда трактовалась крестьянами как небогоугодное устройство. В этом своем

убеждении крестьяне опирались не только на представления стихийного «народного» Православия, но и на поучения отцов Церкви. Вот, например, поучения преподобного Симеона Нового Богослова (949-1022). В Девятом «Огласительном слове» он говорит:

«Существующие в мире деньги и имущества являются общими для всех, как свет и этот воздух, которым мы дышим, как пастбища неразумных животных на полях, на горах и по всей земле. Таким же образом все является общим для всех и предназначено только для пользования его плодами, но по господству никому не принадлежит. Однако страсть к стяжанию, проникшая в жизнь, как некий узурпатор, разделила различным образом между своими рабами и слугами то, что было дано Владыкою всем в общее пользование. Она окружила все оградями и закрепила башиями, засовами и воротами, тем самым лишив всех остальных людей пользования благами Владыки. При этом эта бесстыдница утверждает, что она является владельницей всего этого, и спорит, что она не совершила несправедливости по отношению к кому бы то ни было».

В другом месте Девятого «Слова» осуждение частной собственности носит еще более резкий характер:

«Дьявол внушает нам сделать частной собственностью и превратить в наше сбережение то, что было предназначено для общего пользования, чтобы посредством этой страсти к стяжанию навязать нам два преступления и сделать виновными вечно наказания и осуждения. Одно из этих преступлений - немилосердие, другое - надежда на отложенные деньги, а не на Бога. Ибо имеющий отложенные деньги... виновен в потере жизни тех, кто умирал за это время от голода и жажды. Ибо он был в состоянии их напитать, но не напитал, а зарыл в землю то, что принадлежит бедным, оставив их умирать от голода и холода. На самом деле он убийца всех тех, кого он мог напитать»³.

Таким образом, отрицание помещичьей собственности на землю приобретало не только политический, но и религиозный характер. Поэтому конфликт в земельном вопросе направлял Россию в русло непримиримого столкновения, которое и наблюдается во всех гражданских войнах с религиозной компонентой. Вопрос о земле был не только экономическим и его невозможно было разрешить исходя из рационального расчета - речь шла о мировоззрении и представлении о желаемом жизнеустройстве в целом, в том числе и о путях развития, модернизации России. М.М.Пришвин записал в дневнике 27 декабря 1918 г.:

«Что же такое это земля, которой домогались столько времени? Земля - уклад. «Земля, земля!» - это вопль о старом, на смену которого не шло новое. Коммунисты - это единственные люди из всех, кто поняли крик «земля!» в полном объеме».

³ Перевод сделан архиепископом Василием (Кривошеиным). Впервые опубликован в 1961 г. в «Вестнике Русского Западно-Европейского Патриаршего Экзархата», № 38-39. Терминология перевода кажется слишком осовремененной (например, «частная собственность»), однако автор перевода приводит греческие слова оригинала и доказывает, что именно эти, кажущиеся современными нам, термины являются наиболее адекватными.

Вот чем, по большому счету и была predeterminedена победа Октября и победа красных в гражданской войне. Надо считать несчастьем России тот факт, что главные политические и философско-политические течения начала века, оттеснившие на обочину народников, следовали евроцентристским представлениям о человеке, собственности, хозяйстве. Не понимая мировоззрения крестьян, они невольно углубили общественный раскол, придали ему характер поистине религиозного конфликта.

В связи с земельным вопросом возникло нарастающее противостояние Временного правительства с крестьянством. В своей первой Декларации от 2 марта Временное правительство ни единым словом не упоминает о земельном вопросе. Лишь телеграммы с мест о начавшихся в деревне беспорядках заставляют его заявить 19 марта, что земельная реформа «несомненно станет на очередь в предстоящем Учредительном собрании», предупредив: «Земельный вопрос не может быть проведен в жизнь путем какого-либо захвата». Первые действия крестьян не были радикальными, они захватывали лишь те поля помещиков, что остались необработанными.

Но помещики верно поняли вектор, направление хода событий. Часть их радикализовалась быстро, и в их среде сложилась доктрина *мицения*. Это – важная идеологическая предпосылка гражданской войны. Вот прокламация одного из помещичьих союзов, изданная в мае 1917 г. (опубликована в газете «Дело народа» в августе 1917 г.). Она начинается словами: «Будущие пролетарии - русские землевладельцы, - соединяйтесь!»

В заключение сказано:

«Народ, отменивший смертную казнь как преступное убийство и вводящий в свои законы другое преступление - грабеж и захват как основу своего ленивого благосостояния, как не имеющий государственного смысла, - не должен и не может иметь своего государства. Как социалисты не признавали самодержавия, даже когда оно пользовалось всеобщим признанием, так и мы не можем признать преступной грабительской республики. При таких условиях нам не уйти от гибели, а нашим детям - от голода, потому что мы никогда не подчинимся велениям и законам преступного государства, которое хочет узаконить грабительский захват. Мы не найдем себе места в нашем бесшабашном отечестве, как не находили его социалисты. Но социалисты прибегали к мести и террору, другого средства борьбы у них не было. Очевидно, по этому ужасному пути придется идти также нам и нашим детям. Это так неизбежно, хотя горько и ужасно: сотни тысяч обнищавших землевладельцев непременно выделят из своей среды десятую часть, т.е. десятки тысяч самых несчастных и пылких, а эти несчастные в одну темную ночь пойдут с коробкой спичек и с пузырьком керосина к десяткам тысяч грабительских сел и деревень, в которых будут скоро заседать в трогательном единодушии советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, убежавших туда после банкротства фабрик и заводов, и произведут всероссийскую иллюминацию, не щадя ни домов, ни лесов, ни посевов. Темным грабителям легче будет делить голую землю. А мы только в этом ужасном, неизбежном мицении обретем единственное утешение свое.

Союз несчастных землевладельцев» [см. 12, с. 250-251].

Отказ пойти навстречу крестьянам был со стороны Временного правительства совершенно неправильной политикой - война довела крестьян до точки. Введя 23 сентября 1916 г. продразверстку, царское правительство формально установило твердые цены, но применялись они с сословной дискриминацией. И вот вывод раздела «Сельское хозяйство» справочного труда «Народное хозяйство в 1916 г.»:

«Во всей продовольственной вакханалии за военный период всего больше вытерпел крестьянин. Он сдавал по твердым ценам. Кулак еще умел обходить твердые цены. Землевладельцы же неуклонно выдерживали до хороших вольных цен. Вольные же цены в 3 раза превышали твердые в 1916 г. осенью» [12, с. 227].

С самых первых дней революции крестьянство выдвинуло требование издать закон, запрещающий земельные сделки в условиях острой нестабильности. Это требование было настолько разумно, что помещик и либерал Пришвин записал уже 26 марта 1917 г.:

«Что в аграрном нашем вопросе можно сплеча решить, не копаясь в статистике и в аграрной науке всякой, - это чтобы земля, во-первых, не была подножием политической власти земельного класса и, во-вторых, чтобы земля не была предметом спекуляции... Невозможно землю отобрать у частных владельцев, но возможно запретить ее продавать иначе как государству. Причем для мелкого землевладения и среднего можно сделать облегченные налоги, для крупного - такие большие, что продать ее государству будет необходимостью».

Всероссийский съезд крестьянских депутатов - сторонник Временного правительства - потребовал немедленно запретить куплю-продажу земли. Причина была в том, что помещики начали спекуляцию землей, в том числе ее дешевую распродажу иностранцам. Землю делили малыми участками между родственниками, закладывали по бросовой цене в банках. На хищнический сруб продавали леса, так что крестьяне нередко снимали стражу помещиков и ставили свою.

В первый же месяц революции число крестьянских выступлений составило 1/5 от числа за весь 1916 г. За апрель их число выросло в 7,5 раз. Правительство требует от комиссаров наведения порядка силой, а те в ответ телеграфируют, что это невозможно. Военные участвовать в усмирении отказываются, а милиция даже способствует выступлениям крестьян. К концу апреля крестьянские волнения охватили 42 из 49 губерний европейской части России. Декларация коалиционного правительства от 5 мая обещала начать преобразование землепользования «в интересах народного хозяйства и трудящегося населения», не дожидаясь Учредительного собрания, но правительство так и не издало ни одного законодательного акта во исполнение этой Декларации.

В день вступления в должность 3 мая новый министр земледелия эсер В.Чернов обещал издать закон о запрете купли-продажи земли, а министр юстиции даже разослал инструкцию нотариусам о приостановлении сделок. Но закон так и не был издан, и министр юстиции 25 мая отменил свое распоряжение. Попытка запрета земельных сделок была главным источником конфликтов и в самом правительстве. На него давили и Совет объединенных дворянских обществ (запрет продаж - «посягательство на гражданскую свободу»), и финансовый капитал в лице Комитета съездов представителей акционерных обществ. Товарищ министра земледелия писал: «Неоднократно мы вносили на обсуждение законопроекты, но как только внесем, кабинет трещит и разлетается».

Возникли беспорядки на селе, крестьяне пресекали сделки стихийно, и 12 июля Временное правительство передало вопрос о разрешении сделок земельным комитетам. Конфликт был перенесен вниз, так же, как и вопрос об арендной плате. В результате помещики организовались для борьбы с земельными комитетам, начались массовые

аресты их членов и предание их суду. «Если так будет продолжаться, - заявил Чернов, - то придется посадить на скамью подсудимых три четверти России».

Новое коалиционное правительство в Декларации от 8 июля уже пообещало «полную ликвидацию разрушительной и дезорганизующей деревню прежней землеустроительной политики», опять предупредив против земельных захватов. Но В.Чернову удалось провести лишь постановление «о приостановлении землеустроительных работ», посредством которых проводилась столыпинская реформа. Это было вызвано тем, что крестьяне уже переключились с погрома помещичьих усадеб на погром «раскольников» - хуторян. Т.Шанин пишет:

«Главная внутрикрестьянская война, о которой сообщали в 1917 г., была выражением не конфронтации бедных с богатыми, а массовой атакой на «раскольников», т.е. на тех хозяев, которые бросили свои деревни, чтобы уйти на хутора в годы столыпинской реформы» [3, с. 278].

С августа начались крестьянские восстания с требованием национализации земли. Восстания подогрел крупный обман. 6 августа Временное правительство официально объявило, что установленные 25 марта твердые цены на урожай 1917 г. «ни в коем случае повышены не будут». Крестьяне, не ожидая подвоха, свезли хлеб. Помещики же знали, что в правительстве готовится повышение цен, которое и было проведено под шумок, в дни корниловского мятежа. Цены были удвоены, что резко ударило по крестьянству нехлебобородных губерний и по рабочим.

К осени 1917 г. крестьянскими беспорядками было охвачено 91% уездов России. Для крестьян (и даже для помещиков) национализация земли стала единственным средством прекратить войны на меже при переделе земли явочным порядком. Из дневников М.М.Пришвина видно, что тотальная гражданская война началась в России именно летом 1917 г. - из-за нежелания Временного правительства решить земельную проблему. К лету 1918 г. она лишь разгорелась, обретя противостоящие идеологии.

Пойти на национализацию земли Временное правительство не могло, поскольку уже в 1916 г. половина всех землевладений была заложена, и национализация земли разорила бы банки (которые к тому же почти все были иностранными). Вечером 24 октября Предпарламент небольшим большинством принял резолюцию левых фракций о передаче земли в ведение земельных комитетов - впредь до решения вопроса Учредительным собранием. Ночью, уже 25 октября, эту резолюцию отвезли в Зимний дворец, чтобы потребовать от правительства ее утвердить.

Как пишет лидер меньшевиков Ф.Дан, вручавший резолюцию Керенскому, левые надеялись, что правительство даст согласие, сразу же будут отпечатаны и расклеены по городу афиши, а в провинции разосланы телеграммы о передаче крестьянам всех помещичьих земель и начале переговоров о мире. Но Керенский ответил, что правительство «в посторонних советах не нуждается, будет действовать само и само справится с восстанием». В тот же день, 25 октября, это правительство было без боя смещено. А.Ф.Керенский перед смертью честно написал о себе: «Ушел один, отринутый народом».

За период с февраля по октябрь 1917 г. крестьяне могли составить для себя совершенно четкое представление об отношении буржуазно-либерального государства (даже в коалиции с социалистами) к земельному вопросу в России. Появление Белого движения как военной силы, угрожающей провести программу Временного правительства в жизнь, в то же время означало для крестьян угрозу утратить полученную от Советской власти землю. Эта угроза была важным фактором раскручивания маховика гражданской войны.

После Октября: надежды на мирный исход

Статья А.Грамши «Революция против «Капитала», написанная в январе 1918 г., содержит такую важную мысль:

«Создается впечатление, что в данный момент максималисты [большевики] были стихийным выражением [действия], биологически необходимого для того, чтобы Россия не претерпела самый ужасный распад, чтобы русский народ, углубившись в гигантскую и независимую работу по восстановлению самого себя, с меньшими страданиями перенес жестокие стимулы голодного волка, чтобы Россия не превратилась в кровавую схватку зверей, пожирающих друг друга» [13].

Грамши видит в том факте, что Россия просто, без боя и без выборов, отдала власть большевикам, биологическую закономерность – неосознаваемое в рациональных понятиях ощущение, что это – единственный путь к спасению в национальной катастрофе. Об этом чувстве в разных вариациях писал и Пришвин. Огромная тяга к миру, возникшая сразу после Февральской революции, вовсе не означала только стремления к выходу из империалистической войны - люди надеялись на мир в самой России, в ее «мире». М.М.Пришвин записал в дневнике 31 марта 1917 г.:

«Многим непонятен призыв к миру Совета, думают, что этот мир значит слабость, а на деле это призыв сильный, более сильный, чем «Война!»: мир всего мира - то, о чем молятся только в молитве «О мире всего мира!», - это признается рабочими... Это совершенно то же самое, о чем с детства столько лет мы слышали в церкви, когда дьякон, потряхивая кудрявыми волосами, возглашает: «О мире всего мира Господу помолимся!»

Я сказал об этом своему соседу в Совете депутатов, и он ответил мне на это:

– Правда ваша, но только теперь к Богу приближает нас не молитва, а правда и дело!»

Бескровно получив власть в октябре 1917 г., Советское правительство, естественно, делало все возможное, чтобы избежать гражданской войны. Тем более войны не желали массы крестьян и рабочих. Это общий принцип – разрешить конфликт крайними средствами, то есть войной, стремится сторона, понесшая невосполнимую утрату, особенно если она ощущает себя загнанной в угол. Рабочие и крестьяне считали, что они победили в революции и все их помысла уже были направлены на то, чтобы обустроить жизнь согласно их представлениям о справедливом порядке. Никаких побудительных мотивов к войне у них быть просто не могло. Война для них могла быть лишь вынужденной обороной против тех сил, которые угрожали лишить их завоеваний революции.

Известный тезис о «превращении войны империалистической в войну гражданскую» имел чисто теоретический характер и, поскольку до Февраля большевики политического влияния не имели, никакого воздействия на общественную практику не оказал. После Февраля он был снят и заменен лозунгом *справедливого демократического мира*. После Октября, во время наступления немцев, был выдвинут лозунг «Социалистическое Отечество в опасности».

С целью предотвратить столкновение было сделано много примирительных жестов: отмена смертной казни (это был первый декрет II Съезда Советов), освобождение

без наказания участников первых антисоветских мятежей, в том числе их руководителей; многократные предложения левым партиям образовать правительственную коалицию; отказ от репрессий по отношению к членам Временного правительства и перешедшим в подполье депутатам Учредительного собрания, даже отказ от репрессий против участников опасного мятежа левых эсеров в июле 1918 г. в Москве (были расстреляны лишь 13 сотрудников ВЧК, причастных к убийству посла Мирбаха) и амнистия в честь первой годовщины Октября.

В.В.Кожин подробно разбирает показательный пример того, как в начале 90-х годов создавался миф о том, что большевики с самого начала вели дело к гражданской войне. В книге «При свете дня» (М., 1992) В.Солоухин уверяет, что «по личным распоряжениям, по указаниям, приказам Ленина уничтожено несколько десятков миллионов россиян». Для убедительности этого нелепого утверждения он начинает счет прямо с ночи 25 октября 1917 г., когда якобы по приказу Ленина арестованных в Зимнем дворце министров Временного правительства «не мешкая ни часу, ни дня, посадили в баржу, а баржу потопили в Неве».

В ответ В.В.Кожин излагает реальную судьбу министров, большинство которых прожило долгую жизнь. Все они были вскоре после ареста освобождены. Из пятнадцати министров восемь эмигрировали, семь остались в России. Из них в результате репрессий погиб в 1938 г. один - министр земледелия С.Л.Маслов. До этого он был видным деятелем Центросоюза и преподавал в МГУ. Кстати, из пятнадцати наркомов первого Советского правительства в ходе репрессий погибло десять, а еще трое не успели попасть под репрессии, т.к. умерли раньше.

Военный министр генерал А.А.Маниковский во время Гражданской войны был начальником снабжения Красной армии. Морской министр Д.Р.Вердеревский уехал во Францию, а в 1945 г. явился в посольство СССР и принял советское гражданство. Министр путей сообщения А.В.Ливеровский стал в СССР видным специалистом по транспорту, строил «Дорогу жизни» к блокадному Ленинграду. Один из министров, С.Н.Третьяков, эмигрировал во Францию, стал виднейшим агентом советской контрразведки (с 1929 г.) и в 1943 г. был казнен немцами [14, с. 262-264].

В.В.Кожин не касается того вопроса, который нас здесь интересует, но связь очевидна: то, как Советская власть обошлась с арестованными министрами свергнутого Временного правительства, говорит именно об установке на мирное развитие событий, а никак не отражает поджигательских устремлений. Было бы, кстати, уместно вспомнить, что, придя к власти, Временное правительство арестовало старейшего сановника Б.В.Штюрмера, бывшего с января по ноябрь 1916 г. председателем Совета министров, министром внутренних и министром иностранных дел. Его заключили в Петропавловскую крепость, где он и умер.

Есть еще один вполне научный способ взглянуть на то, как отнеслась Советская власть после октября 1917 г. к деятелям высшего ранга в царском и Временном правительстве. В последние годы многие исторические книги издаются снабженными прекрасными указателями. Иногда именные указатели снабжены краткими биографиями. Вот, например, очень интересная книга А.С.Сенина о лидере партии октябристов А.И.Гучкове [7]. Человек исключительной воли и энергии, любимец армии, он с 1895 г. находился в гуще всех политических событий и тесно общался с большим числом виднейших государственных и общественных деятелей. Поэтому именной указатель книги А.С.Сенина с краткими биографическими сведениями по объему составляет почти половину от собственно текста книги. Перечисленные в нем персоны – представительная выборка. Когда прочитаешь этот указатель, поражает судьба всех этих деятелей после Октября 1917 г. Как же исказила наше представление официальная советская история!

Ведь большая часть тех, кто пережил Гражданскую войну, сыграли огромную роль в государственном, хозяйственном и научном строительстве СССР.

Почти подряд идут такие фигуры. А.Н.Крылов – председатель правления Путиловских заводов, проектировщик первых русских линкоров, академик, с 1919 г. начальник Морской академии Рабоче-крестьянского Красного Флота, лауреат Сталинской премии 1941 г. А.Н.Куропаткин, военный министр в 1898-1904 гг., после Октябрьской революции (в возрасте 70 лет) на преподавательской работе. Н.Н.Кутлер, министр землеустройства и земледелия, управляющий главными поземельными банками (Дворянским и Крестьянским), зам. Министра внутренних дел, с 1921 г. член правления Госбанка РСФСР, разработчик денежной реформы 1922-1924 гг.

После Октября в целях примирения Советская власть смотрела сквозь пальцы на нарушение официальных запретов: летом 1918 г. издавалась газета запрещенной партии кадетов, выходили газеты меньшевиков и анархистов. Даже после разгрома ВЧК «анархистских центров» в Москве Н.Махно летом 1918 г. приезжал в Москву и имел беседы с Лениным и Свердловым.

Первые месяцы Советской власти породили надежды на мирный исход революции без крупномасштабной войны. О том, что эти надежды советского руководства были искренними, говорят планы хозяйственного и культурного строительства и особенно начавшаяся реализация крупных программ. Например, открытие в 1918 г. большого числа (33) научных институтов, организация ряда геологических экспедиций, начало строительства сети электростанций или программа «Памятники республики»⁴. Никто не начинает таких дел, если считает неминуемой близкую войну.

13 декабря 1917 г. были опубликованы «Тезисы об Учредительном собрании» - важнейшая после Апрельских тезисов работа В.И.Ленина о государственном строительстве в русской революции. В ней говорилось, что возможность сосуществования двух типов государственности исчерпана, поскольку крестьянство и армия определенно перешли на сторону Советской власти, а буржуазные силы начали с ней вооруженную борьбу (восстание Каледина, действия буржуазных режимов на Украине, в Белоруссии, в Финляндии и на Кавказе).

Отказ правых эсеров от сотрудничества с Советской властью направил события в худший коридор. Признание эсерами Советской власти, по мнению В.И.Ленина, предотвратило бы гражданскую войну. Он писал:

«Если есть абсолютно бесспорный, абсолютно доказанный фактами урок революции, то только тот, что исключительно союз большевиков с эсерами и меньшевиками, исключительно немедленный переход всей власти к Советам сделал бы гражданскую войну в России невозможной».

Но признать власть Советов эсеры и меньшевики не согласились, и та часть народа, что поддерживала эту ветвь социалистического движения в революции, сложилась в достаточную для гражданской войны «критическую массу».

Сделаем маленькое отступление, связанное с деятельностью ВЧК. Довольно часто ее поминают как институт советского государства, который своими жестокими репрессиями способствовал разжиганию Гражданской войны. Это представление, на мой взгляд, ошибочно. О ВЧК созданы «симметричные» мифы - официальный героический, а

⁴ Эта программа была предписана Декретом СНК и утверждена 30 июля 1918 г. Только в Москве и Петрограде предполагалось установить 167 памятников великим революционерам и деятелям мировой и русской культуры (например, Андрею Рублеву, Тютчеву, Врубелю).

сегодня официальный черный. Если вдуматься, оба они предельно неправдоподобны. Для нас сейчас важнее черный миф, о нем и речь.

Достаточно задать себе простой вопрос: могло ли реально советское правительство, сидящее в Петрограде и Москве - без аппарата, без денег (банки отказывались оплачивать счета правительства), без кадров и без связи создать в одночасье мощную всеохватывающую спецслужбу, способную провести по всей стране репрессии в таких масштабах, чтобы породить гражданскую войну? Спросим друг друга: сколько сотрудников насчитывала ВЧК, скажем, в начале 1918 г.?

Число сотрудников ВЧК в конце февраля 1918 г. не превышало 120 человек, а в 1920 г., к концу войны - 4500 человек. По всей стране! Провести широкие репрессии, которые приписывают ВЧК, она не могла просто в силу своей величины. В ноябре 1920 г. на ВЧК была возложена *охрана границ* (до этого граница охранялась «завесами» - подвижными отрядами). Тогда численность персонала ВЧК к 1921 г. достигла максимума - 31 тыс. человек. Если посмотреть на одно только здание ФСБ в Москве, то можно понять, насколько ничтожной по масштабам была эта страшная ВЧК, о которой создан миф как о палаче России⁵.

Другое дело, что на местах начали действовать губернские и уездные ЧК, которые создавались уже в обстановке войны. Это значит, что они никак не могли стать ее «пусковым механизмом». Известно, что в их «молекулярных» делах было много эксцессов, произвола и преступлений. Правовая система только-только формировалась, местные органы власти, в том числе ревтрибуналы, руководствовались «классовым чутьем» и здравым смыслом. Потому нередки были приговоры типа «к расстрелу условно». Но наивно думать, что местные ЧК следовали какой-то переданной из Москвы инструкции и находились под контролем центра. Даже среди сотрудников ВЧК высшего уровня были фракции, которые не подчинялись Держинскому и Ленину (они пошли с удостоверениями ВЧК и убили посла Германии Мирбаха).

Вообще, государственная вертикаль складывалась медленно и уже *после* войны. А в 1918 г., бывало, отдельные волости объявляли себя республикой и учреждали Народный комиссариат иностранных дел. М.М.Пришвин оставил заметки о том, как происходило местное законотворчество до принятия в июле 1918 г. первой Конституции РСФСР. Вдумаемся в такой факт, важный для нашей темы - 25 мая 1918 г. Елецкий Совет Народных Комиссаров постановил «передать всю полноту революционной власти двум народным диктаторам, Ивану Горшкову и Михаилу Бутову, которым отныне вверяется распоряжение жизнью, смертью и достоинством граждан» («Советская газета». Елец. 1918. 28 мая, № 10).

В целом, Советское государство усиленно создавало механизм, подавляющий тенденцию к гражданской войне, но сила его оказалась недостаточной. Даже для тех действий, которые сегодня многие относят к разряду ошибочных или преступных, в тот момент было трудно предсказать итоговый эффект с точки зрения разжигания или гашения войны. К таким действиям относится *красный террор*.

Надо сделать общую оговорку. Подходить к социальным конфликтам масштаба революции с позиции абстрактного гуманизма в лучшем случае наивно. Более того, отказ государственной власти от насилия (философский образ такой власти в русской истории представлен царем Федором Иоанновичем) ведет к Смуте и самым большим по масштабам страданиям населения. В условиях кризиса государственности принципом

⁵ Кстати, нелишне вспомнить, что консультантом ВЧК был генерал-лейтенант и генерал-майор свиты В.Ф.Джунковский (1865-1938), в 1913-1915 гг. товарищ министра внутренних дел и командующий Отдельным корпусом жандармов. Хотя он и был в 1919 г. приговорен к 5 годам лишения свободы, ему для работы консультантом были созданы условия. После освобождения из тюрьмы он занимался педагогической работой.

реального гуманизма является политика, ведущая к *минимуму* страданий и крови, а не к их отсутствию.

Террор (от фр. слова *ужас*) государства обычно имеет целью подавить эскалацию действий его внутренних врагов созданием обстановки страха, парализующего волю к сопротивлению. Для этого проводится краткая, но интенсивная и, главное, наглядная, вызывающая шок репрессия. Принцип террора - неотъемлемая часть революционной традиции Нового времени, он юридически обоснован Робеспьером и философски - Кантом. Робеспьер писал: «В революцию народному правительству присущи одновременно добродетель и террор: добродетель, без которой террор губителен, и террор, без которого добродетель бессильна». В России все революционные партии принимали идею террора, социал-демократы отрицали лишь террор индивидуальный. Противниками любого террора были именно консерваторы и «реакционеры» (в частности, «черносоптенцы»).

Советское государство объявило красный террор как ответ на обострившийся летом 1918 г. белый террор, после покушения на В.И.Ленина 30 августа (в организации белого террора, были, кстати, замешаны английские спецслужбы, что признает в своих мемуарах посол Локкарт). Станкевич В.Б., занимавший в 1917 г. пост комиссара Временного правительства при Верховном главнокомандующем, в эмиграции писал, отвечая тем, кто возлагал вину за террор на большевиков: «[говорят]: «Мы защищались». Но ведь и большевики тоже защищаются. И террор, и массовые казни появились лишь после того, как мы объявили им войну». Строго говоря, «белый» и «красный» террор – не отдельные явления, а две части единой системы, они питали друг друга. Белый террор летом 1918 г. был самым реальным и необратимым объявлением гражданской войны – террор всегда является прологом к гражданским войнам, «сожжением мостов». Он повязывает кровавой круговой порукой «своих» и создает психологическую обстановку «кровной мести» у противника.

Государственным документом, введившим красный террор, было воззвание ВЦИК (от 2 сентября), выполняющим его органом - ВЧК. Самой крупной акцией был расстрел в Петрограде 512 представителей высшей буржуазной элиты (бывших сановников и министров, даже профессоров). Списки расстрелянных вывешивались (по официальным данным, всего в Петрограде в ходе красного террора было расстреляно около 800 человек)⁶. Прекращен красный террор был постановлением VI Всероссийского съезда Советов 6 ноября 1918 г. В большинстве районов России он был фактически закончен в сентябре-октябре 1918 г., то есть, продолжался один-два месяца.

Видимо, красный террор, скорее, подтолкнул к расширению гражданской войны, чем отвратил от нее. Парализовать сопротивление Советской власти с помощью страха не удалось. Если же считать террор акцией *уже начавшейся* войны, то он привел к резкому размежеванию и «очистил тыл» - вызвал массовый отъезд активных противников Советской власти в места формирования Белой армии и районы, где Советская власть была свергнута (например, в Казани во время красного террора было расстреляно всего 8 человек, т.к. «все контрреволюционеры успели сбежать»).

Сегодня, когда хорошо изучен процесс разжигания и эскалации примерно десятка гражданских войн последних десятилетий (Ливан, Нигерия, Шри Ланка, Югославия и др.), когда выявлена роль в этом процессе государства, можно реконструировать весь период от февраля 1917 г. до конца 1918 г. как систему *становления и воспроизводства* гражданской войны (более строго, становление этой системы следовало бы рассматри-

⁶ Надо подчеркнуть, что занижать число расстрелянных не имело смысла, ибо цель террора – именно *запугать* противника (в отличие, например, от репрессий 1937 г., цель которых заключалась в том, чтобы ликвидировать реальных или мнимых противников, в том числе потенциальных). Потому и вывешивались списки.

вать начиная с 1905 г.). Советское государство было *одним из* действующих элементов этой системы – элементом, располагающим очень небольшими средствами для воздействия на фундаментальные процессы самоорганизации.

За годы перестройки критика политики Советского государства в тот период делала упор на известных дефектах и эксцессах. Критики, к сожалению, не выявили тех пороговых точек, на которых, по их мнению, был сделан принципиально неверный *выбор*. Такой структурный анализ был бы очень полезен. Даже частные решения, которые многие современные авторы представляют как явно ошибочные, выглядят по-иному, как только их помещаешь в более широкий контекст. Так, «демократизация» армии после Октября, - выборность командиров и отмена символов иерархии (погон) - конечно, завершала разрушение старой армии и создавала большую опасность. Однако известно, что те корпуса и армии, где эти меры провести не удалось (1-й Польский корпус, Чехословацкий корпус, армии Румынского фронта), стали готовой и организованной ударной силой, которая начала гражданскую войну.

По-видимому, на всех фатальных «перекрестках», на которых ему приходилось делать выбор из очень малого набора вариантов, Советское государство не сделало тяжелых, а тем более *очевидных тогда* ошибок. Причина национальной катастрофы России - в совокупности массивных, фундаментальных факторов. Вопрос о том, могло ли Советское правительство посредством более тонкой и точной политики предотвратить гражданскую войну, имеет чисто академический интерес. Скорее всего, ресурсов для этого у новой власти было недостаточно. Реальную ценность сегодня имеет выявление тех факторов, которые вели процесс к войне.

Носители милитаризма в России

Мы видели, что к 1918 г. в России созрел множественным и многоплановый социальный конфликт. Он разрядился Гражданской войной. Срыв в войну происходит в момент неустойчивого равновесия, когда его можно сдвинуть буквально одним пальцем. В такие моменты, бывает, решающую роль играют не фундаментальные *предпосылки*, а действие «поджигателей» – тех поначалу сравнительно небольших, но активных общественных групп, которые создают напряженность высокого накала и служат «запалом» (или пусковым двигателем, стартером механизма войны).

Из каких же общественных групп и субкультур исходил в 1918 г. импульс войны? Рассмотрение всех активных политических сил показывает, что «воля к войне» концентрировалась именно в тех силах, что соединилась в Белом движении. Это рассмотрение уместно провести в рамках методологического подхода, который был применен при исследовании генезиса I Мировой войны. Недавно опубликован хороший обзор этих исследований, и его главные выводы вполне соответствуют, по своей структуре, нашей задаче [15]. Начало этому важному направлению в социологии положено такими учеными, как Макс Вебер в Германии и Торстен Веблен в США.

Является общепринятым, что разные общественные группы в разной степени склонны к военным методам разрешения конфликтов. И эмпирические наблюдения, на которых основан этот вывод, подкреплены историческим и логическим анализом. Вывод этот дополняется новыми аргументами в самое последнее время, уточняется, но не отвергается.

Так, например, признано, что само становление современного капитализма, для которого была абсолютно необходима экспансия – овладение источниками сырья и рынками сбыта – было сопряжено с длительными крупномасштабными войнами. Эти войны были связаны с захватом колоний, подавлением или уничтожением местного населения, войной между самими колонизаторами за контроль над территориями и рынками, захватом и обращением в рабство больших масс людей в Африке и т.д. Все эти войны

стали частью процесса формирования *буржуазии*. В результате в ее мышлении и даже мироощущении военный способ достижения целей занимает важное место.

Именно в буржуазной культуре естественный человек представлен как существо, ведущее «войну всех против всех», и именно здесь родился афоризм «война – это продолжение политики другими средствами». Более того, в смягченной форме идея военного решения конфликтов лежит в основе концепции деловой конкуренции и торговых войн. Как говорят, *буржуазия – агент войны*. Не вызывает сомнения, что, начиная с 1918 г., российская буржуазия как класс была на стороне Белого движения.

На деле надо говорить о тесном союзе российской буржуазии с буржуазией стран Антанты как активных «агентов» и организаторов I Мировой войны, накопивших огромную инерцию этой «генерирующей войну» деятельности. Так, важная буржуазная общественная организация *военно-промышленные комитеты* уже с лета 1918 г. занималась материально-техническим снабжением Добровольческой армии, а 31 октября 1918 г. совещание ее руководства постановило передать все капиталы Центрального военно-промышленного комитета Ростовскому ВПК, т.е. Деникину [7, с. 134-135].

Но, как считают историки, воля к войне буржуазии многократно возрастает в тех случаях, когда буржуазия может создать союз с *традиционной аристократией* и *феодалным государством*. Такой «сплав» возник, например, в Германии во времена Бисмарка. Очень похожая конструкция сложилась в зонах Белого движения в 1918 г. Буржуазия, помещики-землевладельцы и осколки сословного бюрократического аппарата монархического государства. Не так уж важно при этом, что осколки лишившегося власти аристократического чиновничьего аппарата, будучи включенными в Белое движение, не ставили задачи реставрации монархии. Их реванш был бы успешным и в случае возврата на траекторию Временного правительства, поскольку оно было вполне готово интегрировать этот аппарат в либерально-буржуазную государственность. История показывает, что в случае всех буржуазных революций аппарат монархического государства в слегка модернизированном виде сохраняется и при экономическом господстве буржуазии⁷.

Для землевладельцев и феодальной иерархии военные действия – культурно близкий способ достижения целей. По мнению ряда исследователей войн, эта культурная особенность складывалась исторически в течение длительного времени. В начале это была свойственная феодалам привычка к *набегам* как способу демонстрации силы и установления желаемого порядка⁸. Архетипы набега с передвижением вооруженной силы особенно характерны для культуры землевладельцев, в то время как для буржуазии более важны виртуальные набеги в виде торговых агрессий и денежных спекуляций. В Белом движении роль этого архетипа усилилась благодаря соединению в нем дворян-помещиков с казаками, для которых набег как образ действий даже еще не ушел в коллективное бессознательное, а сохранился на уровне стереотипа. Тактика белых во многом и базировалась на рейдах-набегах.

⁷ А.С.Донде ссылается на книгу американского историка А.Майера, который считает Великую войну 1914-1945 гг. ««последней судорогой»» европейских Старых режимов. За исключением России, где Старый режим был замещен принципиально иным типом государственности (Советы), в Европе главные политические институты, и прежде всего армия, остались носителями культуры Старого порядка. Чувствуя себя исторически обреченным, этот порядок стал очень агрессивным. В России 1918 г. носители Старого порядка явно собрались в Белом движении, придав ему большой заряд агрессивности.

⁸ А.С.Донде в своем обзоре отмечает, что ««культура набега (налета) в наше время почти адекватно воспроизводится в уголовной практике»». Это надо учесть тем, кто размышляет о вариантах развития событий в нынешней криминализованной России.

Наконец, важным элементом дворянской культуры, предопределяющим ее милитаризм, исследователи считают понятие *чести*. В основании его у дворянства лежит старый смысл: сохранить честь – значит «не уступить». Вспомним хотя бы логику приведенного выше воззвания «бедных землевладельцев» – «в одну темную ночь пойти с коробкой спичек и с пузырьком керосина к десяткам тысяч сел и деревень и произвести всероссийскую иллюминацию, не щадя ни домов, ни лесов, ни посевов».

Кроме того, обостренное понятие чести притупляет инстинкт самосохранения, что резко облегчает сползание к войне. Если же возникает локальное сообщество, в котором референтной группой (авторитетным ядром) оказывается дворянское офицерство с его традиционным культом воинской доблести – поручики Голицыны и корнеты Оболенские – то, как сказано в обзоре, «получается настоящая горячая смесь».

Символом этого сплава воинской чести, дворянской ненависти и интеллигентского мессианизма стали выраженные в художественных образах *каппелевцы* с их психической атакой на рабоче-крестьянское быдло -

*С папироской смертельной в зубах
Офицеры последней выточки*

Причем наиболее воспламеняемой ее частью оказывается т.н. «ницшеанская интеллигенция», которая отводит себе роль преемника аристократии и начинает вещать в понятиях «этнической чести». Мол, русское поле, русское по-о-ле, я твой тонкий колосок!

Именно такая горячая смесь и собралась на юге России в 1918 г. Интеллигенция, как прошедшая войну в качестве офицеров, так и вступившая в Добровольческую армию из мессианского понимания своего долга перед Россией, сыграла в разжигании войны большую роль (эта роль интеллигенции подчеркивается в исследовании всех гражданских войн последних десятилетий). Макс Вебер специально подчеркивал, что из-за склонности к морализаторству интеллигенция превращает ценности в объект конфронтации и нагнетает напряженность. Слишком уж она ревнива и подозрительна, падка до сведения счетов.

Это было характерно для русской интеллигенции начала XX века, с ее неукорененностью ни в одном сословии и очень неопределенным статусом. Таким образом, во время выборов во II Государственную думу одна либеральная газета писала:

«Побывайте на предвыборных собраниях – и вы увидите картину вражды и озлобления в лагере русской интеллигенции. Цвет мысли и образования, люди с именами и авторитетом выступают, чтобы взаимно облить друг друга ядом недоверия, чтобы посеять в народных массах подозрение к чужому толку» [7, с. 152].

Массивные социальные группы и классы, – рабочие и крестьяне – составившие базу советского движения, не включаются социологами в число «агентов войны». Для них война всегда была *бедствием*. У них всегда было другое дело, и большой набег белых с их союзниками-интервентами сделал войну трагической необходимостью:

*Слушай, рабочий,
Война началась.
Бросай свое дело,
В поход собирайся*

Одним из социальных компонентов Белого движения, обладавших ярко выраженной «волей к войне», была революционная интеллигенция, воспитанная в партии социалистов-революционеров. Как было сказано выше, именно эта партия и сделала формальное объявление войны Советской власти. Ю.Давыдов в предисловии к книге Б.Савинкова «Воспоминания террориста» пишет:

«Он блокировался с направлениями любого оттенка, лишь бы анти-большевистское. Даже и с монархистами, полагая, что наши бурбоны чему-то научились. Савинков готов был признать любую диктатуру (включая, разумеется, собственную), кроме большевистской... Он бросался за помощью к англичанам, французам, белочехам и белополякам. Он командовал отрядами карателей, бандами подонков, наймитами, шпионами. Пути-дорожки «савинковцев» чадили пожарницами, дергались в судорогах казненных» [16, с. 15].

Наконец, свой вклад в нагнетание напряженности сделала и радикальная еврейская интеллигенция, разошедшаяся по разные стороны всех баррикад во время русской революции. После поражения белых из официальной истории исчезли упоминания об участии еврейской буржуазии и интеллигенции в Белом движении, но понятно, что их роль оставалась очень важной и в антисоветских партиях (эсеров и меньшевиков), и в деятельности анархистов, и в экономическом обеспечении белых. Достаточно вспомнить, что директор-распорядитель Всероссийского горнопромышленного общества М.С.Маргулис с декабря 1917 по июнь 1918 г. был председателем Центрального Военно-промышленного комитета и непосредственно занимался финансированием формирования Добровольческой армии [7, с. 134].

До какой степени довлел в сознании белых этот агрессивный принцип «не уступить», показывает политическое поведение той части эмиграции после поражения в Гражданской войне, которая продолжила дело Белого движения. Ими владело стремление *не дать подняться* России под властью Советов. Если уж нас выгнали – так получайте! В январе 1922 г. Врангель пытался мобилизовать торгово-промышленные и банковские круги эмиграции на срыв экономических переговоров западных держав с Советской Россией в Генуе. Затем была сделана ставка на террор.

После убийства 10 мая 1923 г. в Лозанне советского дипломата Воровского эмиграция буквально подкупила суд, оправдавший белогвардейцев-террористов (адвокатом был «видный создатель швейцарского фашизма» Т.Обер). Как писал проводящий через кадетов сбор денег А.И.Гучков, «подсчитано, что для всей этой инсценировки требуется до 50 тыс. французских франков». После суда он писал Питириму Сорокину:

«Никогда еще в истории вообще и, в частности, в истории нашего отечества не был в такой степени указан террор, как средство борьбы с властью, как именно в настоящий момент в России» [7, х. 143].

В 1927 г., в разгар антисоветской кампании в Великобритании, Гучков писал П.Б.Струве о необходимости «физически уничтожить правящую из Кремля кучку,... организовать коллективное политическое убийство». При этом никакой нравственной проблемы в обращении к террору бывший лидер либерально-консервативной партии октябристов не видел. Он спокойно обсуждал это с либеральным философом, кадетом Струве, писал ему о терроре:

«Никогда и нигде эти методы борьбы не находили себе такого блестящего оправдания и с точки зрения морали, и с точки зрения патриотизма, и с точки зрения целесообразности» [7, с. 144].

Тут он явно ошибся во всех трех пунктах. Как бы в компенсацию за такое его злое отношение к Советской России его дочь В.А.Гучкова стала сотрудничать с советской разведкой – исключительно из идейных соображений (она была богатой и знатной дамой высшего света русской эмиграции).

Глава 3. Ненависть изгнанных хозяев жизни

Как раскрутился маховик войны

Вялотекущая гражданская война началась в момент Февральской революции, когда произошел слом старой государственности. Строго говоря, произошло именно то *превращение войны империалистической в войну гражданскую*, о котором говорили большевики. Они это именно *предвидели*, а вовсе не «устроили» - никакой возможности реально влиять на события в Феврале 1917 г. большевики вообще не имели.

Если уж в практическом плане говорить о превращении империалистической войны в войну революционную, гражданскую, то в качестве *политической* доктрины эту идею взяла на вооружение именно либерально-буржуазная партия кадетов. В одном письме августа 1917 г. лидер кадетов П.Н.Миллюков писал:

«Вы знаете, что твердое решение воспользоваться войной для производства переворота принято нами вскоре после начала этой войны, знаете также, что ждать мы больше не могли, ибо знали, что в конце апреля или начале мая наша армия должна была перейти в наступление, результаты коего сразу в корне прекратили бы всякие намеки на недовольство, вызвали бы в стране взрыв патриотизма и ликования» [7, с. 153].

Насчет успеха весеннего наступления и ликования народа – это домыслы профессора-кадета. А на деле этапы превращения внешней войны в гражданскую ощущались обществом. М.М.Пришвин записал в дневнике 21 мая 1917 г.:

«По городам и селам успех имеет только проповедь захвата внутри страны и вместе с тем отказ от захвата чужих земель. Первое дает народу землю, второе дает мир и возвращение работников. Все это очень понятно: в начале войны народ представлял себе врага-немца вне государства. После ряда поражений он почувствовал, что враг народа - внутренний немец. И первый из них, царь, был свергнут. За царем свергли старых правителей, а теперь свергают всех собственников земли. Но земля неразрывно связана с капиталом. Свергают капиталистов - внутренних немцев».

Хочу подчеркнуть эту очень важную мысль, которую высказал М.М.Пришвин: в ходе вызревания гражданской войны будущий враг («капиталисты и помещики») стал обретать образ *инога народа*, «внутренних немцев». Это – не часть русского народа, даже напротив, этот «внутренний немец» – *враг народа*. Поэтому призрак грядущей гражданской войны утрачивал неприемлемые черты братоубийства, запрещенного традицией и христианской моралью. То, что в рациональном сознании являлось превращением внешней, международной войны в войну гражданскую, в народном сознании испытывало обращение, инверсию – гражданская война воспринималась как война с иным, враждебным народом. Более того, в сознании крестьян еще во время революции 1905-1907 гг. война за землю принимала черты *Отечественной войны*, а «кровопийные помещики» становились «внутренними французами».

По мере того, как идеологи буржуазно-либеральной программы и те социальные слои, которые ее поддерживали, приходили к выводу, что она идет в разрез с настроениями большинства, зарождался и соблазн подавить эту «реакционную массу» через войну, объявленную ей «авангардом». Этот соблазн возник *до* Октября. М.М.Пришвин записал в дневнике 8 сентября 1917 г.:

«Всюду говорят, что большевики трусы, а почему-то все их очень боятся. Все старики эсеры и все меньшевики-оборонцы говорят, что большевизм основан на проповеди мира, то есть эгоизма материального,

утробного, и этому они ничего не могут противопоставить, кроме слов. Их слова лопаются в воздухе, как мыльные пузыри. Словам не за что уцепиться... Что же это сильное, что рано или поздно противопоставится чертовому искушению народа? Будет это новое имя старого Бога (прежнее имя не действует) или дубинка здорового народа, который восстановит лицо свое в гражданской войне?».

Через полгода белые, белая кость, и стали тем «здоровым народом», о котором мечтал либерал Пришвин и который поднял дубинку гражданской войны против «нездорового, эгоистического» большинства русских.

Военные столкновения и вспышки насилия большей или меньшей интенсивности происходили до конца 1917 г., и события октября не выделялись из этой череды. Например, «корниловский мятеж» в августе по своим размерам был гораздо более крупной войсковой операцией. Но в тот период еще не существовало необходимой для войны психологической основы – стороны расходились миром или дело ограничивалось небольшими стычками. Взаимная ненависть назревала постепенно. Важным моментом в этом процессе было образование на Юге России Добровольческой армии «белых».

Во время перестройки много писали (да и еще пишут) о «рассказывании» и, наоборот, о возрождении казачества сегодня. Но при этом обходят молчанием тот примечательный факт, что именно на Дон и Кубань, в казачьи области сбежали из столиц генералы, предполагавшие организовать гражданскую войну против Советской власти. Конечно, раны Гражданской войны затянулись во время индустриализации и Отечественной войны, и не хотелось бы поминать старые разломы, но надо, раз уж мы хотим извлечь урок из истории.

Казачья в начале XX века представляли собой особую, относительно остальной части России очень богатую часть земледельческого населения. Они обладали большими наделами самой плодородной земли и значительными льготами. Достаточно сказать, что в 1909 г., когда в половине губерний с населением 60 млн. человек зерна, за вычетом семян, было произведено по 15 пудов на душу, на Кубани такой остаток зерна составлял 58,8 пуда, а в области Войска Донского 74,8 пуда. Это огромная разница, и ради сохранения этих преимуществ казаки в массе своей были готовы поддержать антисоветское движение.

Да и до этого экономическая сторона «бытия» во многом определяла сознание казаков и побуждала их быть надежной карательной силой царского правительства во время крестьянских волнений в Центральной России. В свою очередь, и крестьяне воспринимали казаков как *карателей*, что отражено в многочисленных наказах и приговорах крестьян в 1905-1907 гг. Понятно, что отношение основной массы крестьян к Белому движению, зародившемуся в казачьих областях, изначально было враждебным.

Первая задача любой революционной власти - предотвратить ее ликвидацию военным путем, пока новая власть не оформилась и не получила минимума поддержки населения. Самый опасный период - первые часы и дни, когда даже информация о взятии власти еще не распространилась в обществе. Сразу же после 25 октября 1917 года Советской власти пришлось отражать наступление на Петроград войск Керенского-Краснова, а в самом Петрограде ликвидировать выступление юнкеров. Эти контрреволюционные выступления не были успешными, в них был виден упадок сил и духа всего проекта Временного правительства, исчерпавшего свой потенциал.

После Октябрьской революции *вооруженные силы* страны составляли отряды Красной гвардии, рабочей милиции, части старой армии, которые поддержали Советскую власть. Красная гвардия к моменту Октябрьской революции была уже ощутимой

силой: накануне восстания она насчитывала по стране более 100 тысяч человек, ее отряды имелись в более чем 100 городах. Одной из причин падения Временного правительства было нежелание солдат продолжать войну. Ввиду явной опасности, что с фронта вглубь страны хлынет неорганизованный поток вооруженных дезертиров, Советское государство сразу приступило к демобилизации старой армии.

Одновременно был начат процесс создания новой постоянной и регулярной армии (обсуждалась и возможность реорганизации старой армии *без ее демобилизации*, но она была признана нереальной). 15 января 1918 г. СНК принимает декрет «О рабоче-крестьянской Красной Армии», которая создавалась на классовой основе и на принципе добровольности (29 января 1918 г. вышел декрет о создании рабоче-крестьянского Красного флота на тех же основах, что и Красная Армия). Для вступления в ряды Красной Армии необходимы были рекомендации войсковых комитетов, парторганизаций и профсоюзов или, по крайней мере, двух членов этих организаций. При вступлении целыми частями требовалась круговая порука всех и поименное голосование.

Принцип добровольности был вызван тем, что война надоела народу и общественное сознание отвергало идею воинской повинности. Но весной 1918 г. началась иностранная военная интервенция, и ВЦИК ввел всеобщую воинскую повинность. Созданные на местах военкоматы вели комплектование армии. К концу 1918 г. в стране действовал 7431 военкомат. Важным шагом в становлении армии было введение в ноябре 1918 г. формы для военнослужащих, а в январе 1919 г. - знаков различия для командного состава. В сентябре 1918 г. был учрежден орден Красного Знамени, которым награждались за храбрость и мужество в боях. Все это говорит о том, что становление советской государственности и ее вооруженных сил произошло очень быстро, так что устранить их без гражданской войны было уже невозможно. И представители потерявших свои привилегии сословий и классов вместе с правящими кругами Запада сделали ставку на *войну*.

Фактически, решение о войне было принято на Западе и реализовано в виде интервенции. Хрупкое равновесие было сломано. Первым актом систематической войны была высадка английских войск на Севере и мятеж чехословацкого корпуса в Поволжье. Подготовка к войне, хотя бы на уровне доктрины и подбора кадров, велась задолго до Октября. Колчак писал в личном письме: «17 июня я имел совершенно секретный и важный разговор с посланцем США Руттом и адмиралом Гленноном... я ухожу в ближайшем будущем в Нью-Йорк. Итак, я оказался в положении, близком к кондотьеру». В начале августа Колчак приехал в Лондон, где встречался с морским министром, затем в США, где совещался с министрами и самим президентом Вудро Вильсоном. Его назначение Верховным правителем России было подготовлено уже тогда.

Надо вспомнить важнейший исторический факт принятия *вполне сознательного* решения о начале гражданской войны. Она вовсе не выросла из стихийных волнений крестьян или казаков против Советской власти – эти волнения были фоном всей политической жизни России с марта 1917 г. и вовсе не обязательно должны были «сложиться» в войну. Внутри России критическим моментом стал мятеж чехословацкого корпуса. Именно это и послужило *для эсеров* сигналом к объявлению войны Советскому государству. Вот слова В.М.Чернова об этом решении, которое последовало после начала мятежа белочехов:

«В этих условиях в июне 1918 г. Поволжский областной комитет ПСР [партии социалистов-революционеров] заключил с уральским казачьим войском союз для ликвидации большевистской диктатуры и провозглашения власти Учредительного собрания в Поволжье и Приуралье. Центральный комитет ПСР... этот союзный договор утвердил» [17].

Далее белочехи заняли Самару, и 8 июня эсеры образовали Комитет членов Учредительного собрания, который объявил себя верховной властью в России, а затем начал мобилизацию в армию. 30 июня 1918 г. в Омске при участии интервентов было создано Сибирское правительство из меньшевиков, эсеров и кадетов. Оно провозгласило «государственную самостоятельность Сибири». В ноябре здесь же Колчак был провозглашен Верховным правителем России. Запад поставил ему около миллиона винтовок, несколько тысяч пулеметов, полмиллиона комплектов обмундирования – под залог в виде трети золотых запасов России. Цепь этих акций и была началом полномасштабной гражданской войны.

Таким образом, для всего понимания этого периода истории мы обязаны твердо запомнить и обдумать этот факт: гражданская война против Советской власти была не выросла стихийно, она была начата и даже *объявлена* в результате вполне конкретных решений, принятых вполне конкретными политиками. И начата была эта война *социалистической революционной* партией. Но той партией, которая вступила в союз с российской буржуазией и с Западом – против того большого проекта, который был порожден традициями и историей русского народа, а возглавлен большевиками.

Война Февраля с Октябрем

Важно подчеркнуть, что война «белых» против Советского государства не имела целью реставрировать Российскую империю в виде монархии. Это была *«война Февраля с Октябрем»* - столкновение двух *революционных* проектов⁹. Против большевиков стояли березовские и собчаки начала века вместе с кровавым мясником Б.Савинковым. Тут, надо признать, сильно повредила и официальная советская пропаганда, которая для простоты сделала из слова «революция» священный символ и представляла всех противников Ленина «контрреволюционерами». А братья Покрасс нам даже песню написали, как «Белая армия, черный барон снова готовят нам царский трон».

В столкновении Гражданской войны «белые» вовсе не были патриотами, которые хотели спасти царя-батюшку и Русь-матушку от злых большевиков-марксистов, агентов еврейского социализма. Монархически настроенные офицеры в Белой армии были отеснены в тень, под надзор контрразведки (в армии Колчака действовала «тайная организация монархистов», а в армии Деникина, согласно его собственным воспоминаниям, монархисты вели «подпольную работу»). Это подробно разобрано в книге В.В.Кожина [18, с. 57]. В частности, В.В.Кожин приводит слова виднейшего деятеля Белой армии генерала Слащова-Крымского (он послужил прообразом генерала Хлудова в пьесе М.Булгакова «Бег»), который писал, что по своим политическим убеждениям эта армия представляла из себя следующее:

«Мешанинай кадетствующих и октябриствующих верхов и меньшевистско-эсерствующих низов... «Боже Царя храни» провозглашали только отдельные тупицы, а масса Добровольческой армии надеялась на «учредилку», избранную по «четырёххвостке», так что, по-видимому, эсеровский элемент преобладал».

⁹ Вторым сходным по ожесточению, но краткосрочным столкновением, уже внутри лагеря «красных», были репрессии 1937-38 гг. Это была одна из кампаний большой гражданской войны в России. И в этом случае речь шла о непримиримых *цивилизационных* противоречиях (во всяком случае, более глубоких, нежели противоречия между большевиками и монархистами).

Во всех созданных белыми правительствах верховодили деятели политического ма- сонства России, которые были непримиримыми врагами монархии и активными орга- низаторами Февральской революции. Противником сильной царской империи был и Запад, который на деле и определял действия белых. Некоторые историки специально подчеркивают этот фактор. Так, С.В.Волков, сам явно симпатизирующий Белому дви- жению, пишет витиевато, но вполне определенно:

«Белые армии в огромной степени зависели от помощи союзников по первой мировой войне, чьи правительства под давлением внутренних сил относились к возможности выдвижения лозунга восстановления монархии крайне отрицательно» [19].

Те белые армии, которые выступили под монархическими знаменами (Южная и Астраханская), уже к осени 1918 г. были полностью ликвидированы. В целом же, как отмечал сам Деникин, белое офицерство «политикой и классовый борьбой интересова- лось мало. В основной массе своей оно являлось элементом чисто служилым, типич- ным «интеллигентным пролетариатом» (там же, с. 74). Но очевидно, что ожидать от «интеллигентного пролетариата» монархических настроений уж никак нельзя было ожидать. А вот враждебность к монархии, по инерции Февральской революции была. Хотя она и ослабевала по мере ожесточения войны, а также перетока «интеллигентного пролетариата» в Красную Армию (в эмиграции белые генералы и офицеры стали гораз- до более монархистами, чем в России). Но вспомним исходные условия для Гра- жданской войны.

Тогда враждебность будущих вождей Белого движения к российской монархиче- ской государственности проявлялась не только в их программных заявлениях и общей направленности действий, но и в исключительно красноречивых символических же- стах. В.В.Кожин приводит такой эпизод. Критическим событием, положившим нача- ло Февральской революции, был бунт 27 февраля учебной команды лейб-гвардии Во- лынского полка, которая отказалась выйти для пресечения «беспорядков». Начальника команды, штабс-капитана, солдаты выгнали из казармы, а фельдфебель Кирпичников выстрелом в спину убил уходящего офицера. В хаосе начавшейся революции этот эпи- зод канул бы в историю, но ему было придано именно символическое значение – ко- мандующий Петроградским военным округом генерал-лейтенант Л.Г.Корнилов лично наградил Кирпичникова Георгиевским крестом - наградой, которой удостоивали только за личное геройство [14, с. 206-207]. Одно это событие нанесло тяжелый удар по армии.

В 1995 г. была опубликована стенограмма допроса генерала Л.Г.Корнилова в чрез- вычайной комиссии Временного правительства после провала его мятежа. О своих по- литических взглядах Л.Г.Корнилов сказал:

«Я заявлял, что всегда буду стоять за то, что судьбу России и во- прос о форме правления страны должно решать Учредительное собрание... я заявлял, что никогда не буду поддерживать ни одной политической ком- бинации, которая имеет целью восстановление дома Романовых, считал, что эта династия в лице ее последних представителей сыграла роковую роль в жизни страны».

Он сказал, что 26 августа, перед началом попытки переворота, он собрал узкое со- вещение, на котором был обсужден состав будущей хунты. Вот слова Корнилова:

«Был набросан проект Совета Народной обороны с участием Верховного Главнокомандующего в качестве председателя, А.Ф.Керенского - Министра-заместителя, г. Савинкова, генерала Алексеева, адмирала Колчака и г. Филоненко. Этот Совет обороны должен был осуществить коллективную диктатуру, так как установление единоличной диктатуры было признано нежелательным. На посты других министров намечались гг. Тахтамышев, Третьяков, Покровский, граф Игнатъев, Аладьин, Плеханов, князь Г.Е.Львов, Завойко» [20] [выделено мною – С.К-М].

Таким образом, в списке будущих министров при диктаторе Корнилове мы видим, помимо его близких соратников, имя основоположника российской социал-демократии, виднейшего марксиста Г.В.Плеханова. В это надо вдуматься, чтобы понять суть противостояния между белыми и красными, между меньшевиками и большевиками.

Вот другой примечательный эпизод. Как известно, между Временным правительством и Советами быстро возник непримиримый конфликт относительно проблемы мира и войны. В мае 1917 г. общественная организация крупной буржуазии, Центральный военно-промышленный комитет, создала в сотрудничестве с правительством Отдел пропаганды. Он должен был наладить массовый выпуск листовок, воззваний и брошюр для пропаганды политики продолжения войны. Искали лучших и авторитетных авторов, и вот с кем была достигнута договоренность: Г.В.Плеханов, В.И.Засулич, В.Н.Фигнер, Л.Г.Дейч, Н.С.Чхеидзе, Г.А.Лопатин, Б.В.Савинков. Все это виднейшие деятели революционного движения и даже основатели российской социал-демократии. По главнейшему тогда вопросу они стояли на антисоветской позиции.

В 1937 г., к двадцатилетию Белого движения, в Нью-Йорке Главным правлением Союза русских военных инвалидов была выпущена книга «Белая Россия», своего рода манифест, собрание тезисов о смысле Движения. В.В.Кожин взял из нее красноречивые выдержки. Так, генерал С.В.Денисов, сподвижник наиболее консервативного из организаторов движения, П.Н.Краснова, пишет в этой книге:

«Все без исключения Вожди, и Старшие и Младшие..., приказывали подчиненным содействовать Новому укладу жизни и отнюдь, никогда не призывали к защите Старого строя и не шли против общего течения... На знаменах Белой Идеи было начертано: к Учредительному Собранию, т.е. то же самое, что значилось и на знаменах Февральской революции... Вожди и военачальники не шли против Февральской революции и никогда и никому из своих подчиненных не приказывали идти таковым путем».

Как сказано в другом месте в той же книге, в программе Белого движения «нет и тени каких бы то ни было реставрационных вожделений». В.В.Кожин приводит выдержки из дневника генерал-лейтенанта А.П.Богаевского. Это один из видных деятелей Белой армии, дворянин из казаков, ближайший сподвижник Деникина и Врангеля, войсковой атаман Войска Донского, одно время бывший председателем «Правительства Юга России». Это – один из наиболее консервативных вождей белого движения. Каковы же его установки, как он видит российскую государственность? Попад в 1920 г. в Севастополь, он вспоминает Россию времен Николая I: «Тяжкой памятью в истории России останутся годы бесчеловечного рабства,.. жесток был гнет полицейско-жандармского режима». Это – рассуждения типичного либерала. 1 марта 1920 г. он пишет:

«Сформировано Южнорусское правительство... вместе дружно работают – социалист П.М.Агеев (министр земледелия) и кадет В.Ф.Зеелер

(министр внутренних дел)... Дело стало за Парламентом, как полагается во всех благовоспитанных демократических государствах» [14, гл. 6].

И это, повторяю, один из наиболее консервативных, наиболее «монархических» белых вождей. Главнокомандующий Русской армией (белых войск в Крыму) П.Н.Врангель назначил министром иностранных дел белого правительства бывшего марксиста-кадета П.Б.Струве. Ни о каком возрождении России-матушки при таких вождях не могло быть и речи. Тут полная несовместимость с идеалами и интересами подавляющего большинства населения России.

Важным фактором, сыгравшим фатальную роль в возникновении гражданской войны, был и «наполовину европейский» тип мышления значительной части культурного слоя России - той части буржуазно-дворянской элиты, что и приняла решение разорвать гражданский мир и объявить войну Советскому государству. Этот тип мышления толкнул Россию к революционному и, соответственно, симметричному контрреволюционному способу разрешения противоречий в 1905 г. и в феврале 1917 г. Теперь он толкнул к гражданской войне.

Из «освоенного наполовину» европейского рационализма интеллигенция восприняла *детерминизм* - уверенность в том, что общественным процессом, как разновидностью машины, можно управиться силой, как рычагами. Надо только сковырнуть слабую, верхушечную «машину управления» большевиков. Невидимый и мощный процесс самоорганизации народа идеологи гражданской войны игнорировали (или, во всяком случае, недооценили). Возникла иллюзия слабости Советской власти, которая и повлекла за собой отказ от гражданского мира.

В то же время, следуя догмам европейского рационализма, идеологи Белого движения видели лишь *социальный* конфликт, игнорируя его *национальный* смысл. Иллюзия слабости противника усугубилась недооценкой внутренней слабости своего проекта – он оказался, независимо от субъективных намерений отдельных личностей, антинациональным, антирусским. Сейчас кажется поразительным, как они могли не видеть несовместимости двух главных целей своего движения, которые они декларировали (либерально-буржуазный порядок - и «единая и неделимая Россия»). Но они действительно ее не видели.

Наконец, идеологи Белого движения питали необоснованные иллюзии относительно помощи Запада. Строго говоря, белые «втянулись» в полномасштабную гражданскую войну вслед за иностранной интервенцией, как ее «второй эшелон». Белыми были неверно оценены и мотивы, и возможности западной помощи. Не имея здесь места, чтобы развивать эту тему, отметим лишь факт: как только правящие круги Запада убедились, что белые овладеть ситуацией в России не смогут, они прекратили их поддержку¹⁰.

Более того, правящие круги Запада быстро оценили тот риск, который представляло для положения в их собственных странах пребывание их войск на территории Советской России – пребывание в обстановке *успешной социалистической революции*. Они благоразумно предпочли отвести свои войска, пока они не стали переносчиками «заразы».

Неверная оценка верхушкой белых соотношения сил толкнула их к войне. Официальная советская история героизировала гражданскую войну и создала ряд упрощаю-

¹⁰ Этим Гражданская война в России кардинально отличается, например, от большой гражданской войны в Испании 1936-1939 гг. Там фашистские Германия и Италия с согласия Англии и Франции осуществили полномасштабную военную агрессию на стороне «белого» генерала Франко, что и предопределило исход войны.

щих мифов. Сегодня, в условиях общего культурного кризиса, легче эти мифы преодолеть. Легче - не значит легко, но это надо сделать.

Социальная философия «верхов» – культурная предпосылка к войне Вспомним снова слова П.А.Сорокина:

«Гражданские войны возникали от быстрого и коренного изменения высших ценностей в одной части данного общества, тогда как другая либо не принимала перемены, либо двигалась в противоположном направлении».

Именно это и произошло в России в начале XX века. По мере наступления капитализма западного типа подрывались социально-философские основы сословного общества России, менялись высшие ценности и «привилегированных классов», и трудящихся - представления о человеке и его правах. Понятно, что эти изменения в системе ценностей сразу приводили к очевидным для всех изменениям в жизнеустройстве - совершался отход от патерналистских установок помещиков, владельцев предприятий и царского правительства. В культуру правящих классов просачивался *социал-дарвинизм*, идеология западной буржуазии.

Та небольшая часть капиталистов России, которая смогла войти в симбиоз с “импортированным” зрелым западным капитализмом, после 1905 г. заняла столь радикальную социал-дарвинистскую антидемократическую позицию, что вступила в конфликт с господствующими в подавляющем большинстве населения России культурными нормами. Так, группа московских миллионеров, выступив в 1906 г. в поддержку столыпинской реформы, заявила в беседе с корреспондентом журнала «Экономист России»:

“Мы почти все за закон 9 ноября... Дифференциации мы несколько не боимся... Из 100 полугодных будет 20 хороших хозяев, а 80 батраков. Мы сентиментальностью не страдаем. Наши идеалы - англосаксонские. Помогать в первую очередь нужно сильным людям. А слабеньких да нытиков мы жалеть не умеем” [цит. в 21, с. 79].

Когда после поражения революции 1905-1907 г. и утраты веры в успех столыпинской реформы единственная буржуазно-либеральная партия в России (кадеты) стала уповать на буржуазию (“русских Круппов” и “крепкое мещанство”), она предприняла большую пропагандистскую кампанию, направленную на преодоление враждебного отношения интеллигенции к буржуазии. Вели ее бывшие марксисты (авторы книги “Вехи” Струве, Бердяев, Изгоев). При этом им неизбежно пришлось отвергнуть сам идеал *равенства*. Струве писал, что основанием прогрессивного общества “является всегда человеческая личность, отмеченная *более высокой степенью годности*” [выделено мной - С.К-М].

Это был сдвиг к и социал-дарвинистскому представлению о человеке, а значит, к полному разрыву с той антропологией, на которой стояло общинное мировоззрение крестьян (“архаический аграрный коммунизм”). Таким образом, либеральная интеллигенция также потеряла возможность служить культурным мостиком между частями общества, в которых назревала взаимная ненависть. Она все больше становилась для крестьян (и рабочих, сохранивших крестьянское мироощущение) *религиозным* врагом.

Этот поворот бывшего марксиста Струве к социал-дарвинизму был очень радикальным, и в поддержку ему сразу выступил Бердяев:

“Скажут, Струве хочет обуржуазить Россию, привить русской интеллигенции буржуазные добродетели. И Россию необходимо “обуржуазить”, если под этим понимать призыв к социальному творчеству, переход к высшим формам хозяйства и отрицание домогательств равенства”.

Но для крестьян «переход к высшим формам хозяйства и отрицание домогательств равенства» означало их ликвидацию как культурного и социального типа – *раскрестьянивание*. Эта угроза неизбежно настраивала их на оборонительную гражданскую войну. Нарастание революционных настроений в крестьянстве вызвало резкий сдвиг социальной философии элиты вправо. Социальный расизм стал характерен даже для умеренно левых философов, которые перешли на сторону противников революции. Например, Н.А.Бердяев излагал совершенно определенные расистские представления. В книге «Философия неравенства» он писал:

«Культура существует в нашей крови. Культура - дело расы и расового подбора... «Просветительное» и «революционное» сознание... затемнило для научного познания значение расы. Но объективная незаинтересованная наука должна признать, что в мире существует дворянство не только как социальный класс с определенными интересами, но как качественный душевный и физический тип, как тысячелетняя культура души и тела. Существование «белой кости» есть не только сословный предрассудок, это есть неопровержимый и неустрашимый антропологический факт».

При таком отношении к «черной кости» крестьяне, которые исповедовали, по выражению М.Вебера, «архаический крестьянский коммунизм», не могли принять либералов в качестве посредников в назревающей гражданской войне. М.М.Пришвин писал в дневнике летом 1917 г.: “Никого не ругают в провинции больше кадетов, будто хуже нет ничего на свете кадета. Быть кадетом в провинции - это почти что быть евреем”.

Дело было, конечно, не в интеллектуальных аспектах социальной философии либеральной интеллигенции, а в вытекающей из нее экономической доктрине. Либеральная аграрная реформа, которой требовали кадеты, “по всей вероятности мощно усилит в экономической практике, как и в экономическом сознании масс, архаический, по своей сущности, коммунизм крестьян”, - вот вывод Вебера. Таким образом, по его словам реформа по программе либералов еще больше, нежели реформа Столыпина, должна была, по словам Вебера, «замедлить развитие западноевропейской индивидуалистической культуры”. Поэтому военный мятеж, социально-философскую платформу которого представляли кадеты, неминуемо имел ответом нарастающее сопротивление крестьян.

Углубляющаяся пропасть между главными философскими представлениями крестьян и даже умеренных, симпатизирующих «народу» либеральных слоев общества предопределила остроту зреющего конфликта. В общественной мысли была утрачена умеренная середина – стали возможны лишь взаимоисключающие решения. А это и есть признак надвигающейся гражданской войны. Видный либеральный деятель Е.Трубецкой писал:

“В других странах наиболее утопическими справедливо признаются наиболее крайние проекты преобразований общественных и политических. У нас наоборот: чем проект умереннее, тем он утопичнее, неосуществимее. При данных исторических условиях, например, у нас легче, возможнее осуществить “неограниченное народное самодержавие”, чем манифест 17 октября. Уродливый по существу проект “передачи всей земли народу”

безо всякого вознаграждения землевладельцев менее утопичен, т.е. легче осуществим, нежели умеренно-радикальный проект “принудительного отчуждения за справедливое вознаграждение”. Ибо первый имеет за себя реальную силу крестьянских масс, тогда как второй представляет собой беспочвенную мечту отдельных интеллигентских групп, людей свободных профессий да тонкого слоя городской буржуазии”.

Уже летом 1917 г. стала очевидной невозможность удовлетворить главные требования крестьян в рамках кадетской программы. Даже в момент создания этой партии в 1905 г., когда на волне нарастания революции кадеты признавали возможность революции «политической» (то есть революции для завоевания «гражданских свобод»), они отрицали революцию социальную. Максимум, на что они были готовы пойти – на умеренную либеральную аграрную реформу. М.Вебер уже в 1906 г. предупреждал, что гражданские свободы в их понимании либералами-западниками никак не удовлетворят крестьянских представлений о справедливости. А в начале 1914 года и опытный практик, бывший министр внутренних дел П.А. Дурново в своем меморандуме на имя царя верно (если сделать скидку на фразеологию) определил суть противоречия:

“Особенно благоприятную почву для социальных потрясений представляет, конечно, Россия, где народные массы, несомненно, исповедуют принципы бессознательного социализма. Несмотря на оппозиционность русского общества, столь же бессознательную, как и социализм широких слоев населения, политическая революция в России невозможна, и всякое революционное движение неизбежно вырождается в социалистическое. За нашей оппозицией нет никого. У нее нет поддержки в народе, не видящем никакой разницы между правительственным чиновником и интеллигентом.

Русский простолюдин, крестьянин и рабочий одинаково, не ищет политических прав, ненужных и непонятных ему. Крестьянин мечтает о даровом наделении его чужой землей, рабочий - о передаче ему всего капитала и прибылей фабриканта. И дальше этого их вождения не идут. И стоит только широко кинуть эти лозунги в население... - Россия, несомненно, будет ввергнута в анархию... Законодательные учреждения и лишенные действительного авторитета в глазах народа оппозиционно-интеллигентские партии будут не в силах сдержать расходившиеся народные волны, ими же поднятые, и Россия будет ввергнута в беспросветную анархию, исход которой не поддается даже предвидению” [цит. по 22].

Так оно и получилось.

Важнейшим культурным и философским фактором, который подталкивал к гражданской войне, был мессианизм, свойственный значительной части российской интеллигенции. Он проявлялся в иррациональной вере в особую миссию «просвещенного авангарда» и в его право насильно и с помощью провокаций направлять массы на верный путь. Самым крайним выражением этой философской установки была уверенность в праве на *насилие*. У правящей элиты эта уверенность предопределила и жесткость столыпинской программы аграрной реформы, и разрушительную доктрину полицейским мер, сочетавшую поощрение террору с широким применением показательных, демонстративных карательных мер (тапа публичных казней или расстрела демонстраций и забастовщиков). У радикальной оппозиции уверенность в праве на пролитие крови предопределила широкое применение индивидуального террора. Оба этих проявле-

ния сыграли колоссальную роль в становлении культуры насилия, которая стала очень важным условием для скатывания к гражданской войне.

И здесь надо подчеркнуть, что именно философские установки красных, основу которых составлял крестьянский общинный коммунизм, «упакованный» в идеологическую оболочку марксизма, играли не поджигательскую, а охлаждающую, стабилизирующую роль. Ленин не был сентиментален, но он был близок к Марксу в важном для нашей проблемы отношении: он не верил, что можно «толкать историю» усилием политической воли, через насилие. Поэтому, в частности, ему были так чужды и народо-вольцы, и анархисты, и эсеры с их верой в силу террора. Как воспринимались социал-демократы (каким был до 1918 г. и Ленин) и другие революционные течения, хорошо видно из дневника М.М.Пришвина, который не был искушенным философом, но был очень чутким наблюдателем. Он писал в марте 1917 г.:

«Эсеры мало сознательны, в своем поведении подчиняются чувству, и это их приближает к стихии, где нет добра и зла. Социал-демократы происходят от немцев, от них они научились действовать с умом, с расчетом. Жестоки в мыслях, на практике они мало убивают. Эсеры, мягкие и чувствительные, пользуются террором и обдуманым убийством».

Здесь важны обе мысли: в своей социальной философии эсеры тяготели к иррационализму, к российскому варианту нищестанства - состоянию «по ту сторону добра и зла». Большевики, напротив, делали упор на рациональное мышление и расчет («как немцы») и потому меньше уповали на насилие. Запаса рациональности и здравого смысла, как мы знаем, не хватило для того, чтобы нейтрализовать иррациональные установки элиты (включая ее «англосаксонские идеалы», для российской реальности почти безумные). Однако если бы и со стороны красных иррациональные установки стали бы господствующими, то Гражданская война стала бы несравненно разрушительнее, как это и было, например, во время Реформации.

Есть еще одна болезненная сторона нашей темы, которая просвечивает через обвинения в адрес большевиков. Не хотелось бы ее трогать именно потому, что она болезненная, но нельзя уже и не сказать. К мессианизму русской революции, к общему нашему горю, примешался особый мессианизм *радикального еврейства*, который был порожден кризисом традиционной еврейской общины. Об этом достаточно писали и русские философы начала века, и видные сионисты.

К сожалению, вместо тактичного и ответственного подхода к этой теме мы видим сегодня пошлую политическую суету, попытку увести от этой темы истерическими обвинениями в антисемитизме. А ведь еврейский мессианизм сыграл очень большую роль в судьбе России в начале XX века. Сегодня еврейский поэт недаром с гордостью признает:

*Мы там, куда нас не просили,
Но темной ночью до зари
Мы пасынки слепой России
И мы ее поводыри*

Что касается периода, в течение которого созревала Гражданская война, то речь идет именно о *страстном* состоянии радикалов-евреев всех направлений, которое стоило море крови всему обществу и особенно русским. Вспомним, как раскручивалось колесо этого механизма. Евно Азеф возглавил боевую организацию эсеров - а жертвы, которые понесло от нее чиновничество на глазах населения, были поистине массовыми.

Богров взялся убить в театре Столыпина - что его толкало? Урицкий, возглавив Петроградскую ЧК, проявил потрясшую город жестокость - убить его и тем самым вызвать ответный «красный террор» идет Каннегисер. Тут же Фанни Каплан стреляет в Ленина. Троцкий организует убийственную кампанию по «изъятию церковных ценностей» - посмотрите состав комиссии.

Это состояние политизированное еврейской элиты отражено в множестве воспоминаний и литературных памятников эпохи. Кровавую вакханалию, культ жестокости времен Гражданской войны воспевали Багрицкий и Бабель. За рубежом Р.Якобсон и В.Шкловский в модных ресторанах «тешились байками» сотрудника ГПУ Осипа Брика о том, как пытали и расстреливали русских священников («Для нас тогда чекисты были - святые люди,» - вспоминает Лиля Брик в 60-е годы, и А.Ваксберг в 1998 г. тает от умиления).

Расизм верхов - ненависть к «восставшему хаму»

В качестве главной причины гражданской войны часто выдвигается экспроприация частной собственности у помещиков и буржуазии (земли, предприятий, финансов). Это - взгляд «от истмата». На деле никто и никогда не идет на смерть ради собственности. Причины гражданских войн лежат в сфере ценностей (идеалов): изъятие собственности важно не тем, что наносит экономический ущерб, а тем, что воспринимается как нестерпимое посягательство на порядок, признаваемый законным и справедливым. То есть, к войне побуждает не рациональный интерес, а **ненависть** - категория духовная.

Задолго до появления сознательной ненависти возникла бытовая, органичная неприязнь к низшему сословию, забывшему свое место, «начавшему говорить». Неприязнь эта именно органичная, подсознательная, М.М.Пришвин, например, не признает ее наличие в своих дневниках в рациональных рассуждениях, она прорывается в бытовых зарисовках. Он записал в дневнике 14 июня 1917 г.:

«Приезжают два члена земельной комиссии описать мою землю, два малограмотных мужика, один спрашивает, другой записывает, спрашивает небрежно, без плана, записывает на грязном лоскутке бумаги кривульками, путаными рядами, вверх, вниз, сбоку нечиненным карандашом, слюнявя и облизывая пальцы. Объясняю им, как что - нужно разграфить бумагу и над графами заголовки подписать. Шемякин суд.

- Дожидаемся, - говорят, - дезинфекции.

Что такое «дезинфекция», объяснили: «Канторские книги».

Соседу рассказываю про дезинфекцию, он смеется и говорит: «Робеспьеры, Робеспьеры!»

Перерастание такой неприязни в ненависть в среде имущих классов и значительной части культурного слоя России отмечалось многими наблюдателями уже начиная с лета 1917 г. М.М.Пришвин записал в дневнике 19 мая 1917 г.: «Сон о хуторе на колесах: уехал бы с деревьями, рощей и травами, где нет мужиков». 24 мая он добавил: «Чувствую себя фермером в прериях, а эти негры Шибай-Кибай злобствуют на меня за то, что я хочу ввести закон в этот хаос». 28 мая читаем такую запись: «Как лучше: бросить усадьбу, купить домик в городе? Там в городе хуже насчет продовольствия, но там свои, а здесь в деревне, как среди эскимосов, и какая-то черта неумолимая, непреходимая».

Это отношение интеллигенции и буржуазного «среднего класса» к русскому крестьянству как «эскимосам» было фундаментальной предпосылкой для взаимной ненависти Гражданской войны. Еще А.Н.Энгельгардт в своих «Письмах из деревни» отмечал это непонимание реальных условий труда и быта крестьян, непонимание того, что они в тисках этих реальных ограничений нашли **наилучший** способ хозяйства, причем

такой, что не приводил их к одичанию, и погружению в цивилизацию трущоб. У М.М.Пришвина, вернувшегося в деревню весной 1917 г., это непонимание выражено очень красноречиво – «фермер в прериях среди негров и эскимосов».

И все же у Пришвина это непонимание диалектично, он видит в этих «эскимосах» непонятный для него потенциал развития. 27 апреля 1918 г. он записал в дневнике:

*«Я никогда не считал наш народ земледельческим, это один из пред-
рассудков славянофилов, хорошо известный нашей технике агрономии: нет
в мире народа менее земледельческого, чем народ русский, нет в мире более
варварского обращения с животными, с орудием, с землей, чем у нас. Да им
и некогда и негде было научиться земледелию на своих клочках, культура
земледелия, как и армия царская держалась исключительно помещиками и
процветала только в их имениях...*

*После разрушения армии сила разрушения осталась: там было бег-
ство солдат в тыл, теперь - бегство холопов в безнадежную глубину давно
прошедших веков... Теперь иностранец-предприниматель встретит в Рос-
сии огромную массу дешевого труда, жалких людей, сидящих на нищенских
наделах.*

*Самое ужасное, что в этом простом народе совершенно нет созна-
ния своего положения, напротив, большевистская труха в среднем при-
шла по душе нашим крестьянам - это торжествующая середина бесхо-
зяйственного крестьянина и обманутого батрака... Вот моя умственная
оценка нашего положения, я ошибаюсь лишь в том случае, если грядущий
иностранец очутится в нашем положении или если совершится чудо: про-
стой народ все-таки создаст могучую власть».*

Это «чудо» и произошло, М.М.Пришвин ошибся – простой народ создал могучую власть, именно потому, что «большевистская труха пришла по душе нашим крестьянам». Но это было потом. Как проницательный наблюдатель, М.М.Пришвин пришел к выводу, что уже в начале лета 1917 г. возможность диалога и взаимопонимания между либералами и крестьянством быстро иссякала, отторжение утрачивало рациональный характер и не могло быть остановлено обращением к логике. 15 мая 1917 г. он пишет большое письмо своему другу, писателю П.С.Романову, который советовал ему стать делегатом Государственной Думы в Орловской губернии. Он излагает в письме свои первые наблюдения о главных установках крестьянства и их отношении к собственности. Звучат поистине трагические ноты - налицо полное расхождение крестьян с либеральной программой Февральской революции. Приведу здесь выдержку, в которой Пришвин описывает лишь один эпизод:

*«Расскажу вам, как это вышло. Однажды приходит ко мне депу-
тат от сельского схода и спрашивает моего совета, как быть с нашим
священником: второй раз в обходе помянул «Николая Кровавого». Священ-
ника этого я знаю... - тридцать лет на одном и том же месте поминал
благоверного, как тут не ошибиться! «Просто, - говорю, - он ошибся». -
«Нет, сознательно, - отвечает депутат, - и его, и супругу, и наследника
помянул, и как помянул, гул пошел по церкви (пятнадцать человек солдат
вышли и совершили возле церкви великое бесчинство). А другие, кто остал-
ся, поняли, что новый переворот совершился и что так оно и следует мо-
литься опять за царя».*

Приходим на сход,.. погорланили, поспорили и остановились на том, чтобы священнику сделать проверку, пусть он отслужит через неделю в воскресенье молебен на лугу, и все уполномоченные от деревень молебен прослушают...

Еду я из города к себе в убийственном настроении, спешу попасть к молебну - назначен молебен на выгоне против церкви в два часа дня. Около этого времени подъезжаю и вижу - несут на выгон хоругви, как красные знамена, с надписью: «Да здравствует свободная Россия! Долой помещ.» И так на всех знаменах одинаково: помещики сокращенно с точкой и через «е». Батюшка, старый человек, выходит из церкви ни жив, ни мертв, начинает молебен слабым голосом. Уполномоченные впиваются в него глазами, вслушиваются... Мало-помалу батюшка справляется с собой, служба его увлекает, голос крепнет, он забывается и вдруг «Побе-еды, Благоверному императору... - ах! - державе Российской... Побе-еды...» Опять и на поверочном молебне! Гул, ропот, смех - жалко, противно, глупо...

Чтобы предупредить безобразия неминуемое, беру я первое слово - и уж как наболело у меня на душе, по всей правде режу им, что Россия погибнет, и мы теперь точим друг на друга ножи. В ужасе от моих слов бабы, слышатся встревоженные голоса: «Научите, что делать?». Тогда выходит солдат и говорит: «Слушайте меня, я научу вас, что делать». И вот тогда сразу тишина наступает, и все готовы отдаться солдату.

«Этот помещик вас пугает!» - «У меня шестнадцать десятин». - «Все равно: он вас пугает. Снимите у него рабочего, и он не будет вас пугать, пусть пашет». - «Я брошу дело общественное и буду пахать сам». - «На его место мы поставим солдата, а он пусть пашет. Только, товарищи, верьте мне, есть в Америке плуги нефтяные, и эти плуги пахут в час шестнадцать десятин, этого плуга ему не давайте, отбирайте, пусть пашет сохой». - «Известно, сохой!» - твердят мужики.

Сразу видно, что настроение всех в пользу солдата. Я схватываю голос и говорю: «Если вас моя собственность смущает и вы не верите мне, то я от нее отказываюсь. Примите ее от меня сейчас же, но только с условием: не делить. Все берите: и огород, и сад, и дом, и лошадь, и скот, и землю. Но не делите: обрабатывайте сообща и сохраните так, как я устроил...». И как будто подавлены моим решением и готовы стать на мою сторону. «Товарищи, - говорит тот солдат, не принимайте, я его мысли вижу: вы примете землю, а он потом вам предъявит убытки. Вот что он хочет». - «Вот что он хочет! Вишь он!» - «У него, товарищи, ёж по пузу бегаёт, а голова хитрая». - «Ёж по пузу!» - хохочут мужики.

Конечно, уж и я заодно хохочу, потому что как ни плохо, а от своей слабости к хорошему русскому языку не могу отделаться ни при каких обстоятельствах.

«У вас, - говорю, - у самого ёж на пузе, потому вот вы и не доверяете».

Задело это его, обозлился. «Товарищи, - кричит, - не доверяйте интеллигентным, людям образованным. Пусть он и не помещик, а земля ему не нужна: он вас своим образованием кругом обведет!» - «Известно, обведет!»...

И потом он долго рассказывал, как хорошо солдаты братаются на фронте с немцами. И так удивительно мне наблюдать, что эти мужики, эти партизаны 12-го года, слушают солдата почти с умилением, и доверие к нему растет с каждой минутой. Вы понимаете, что это же люди, которые три года отдавали своих сыновей на борьбу с немцем! В городе это от головы, но деревня неграмотная! С изумлением я слушал часовую речь при восторженном одобрении толпы. Нет ни одного голоса, как в городе, кто сказал бы за борьбу с немцем.

«Товарищи, - продолжал оратор, - земной шар создан для борьбы!» - «Конечно, для борьбы». - «Помните, что не Германия нам враг, а первый нам враг Англия».

Тогда я на минутку схватил голос и говорю в том духе, что если уж так хочется мириться с немцами всем, то пусть, но зачем же нам создавать еще нового врага Англию?

«Зачем? А вот зачем, товарищи. В подчинении у Англии есть страна Индия, которая еще больше России, и вот если мы против Англии будем, то с нами будет Индия».

Опять удивительное наблюдение: эта Индия, о которой здесь никто никогда не слышал, понятна всем. Скажи я: «Индия!» - никто не поверит в нее. А вот говорит солдат - и все верят в Индию...

Сейчас не знаю, как поступлю, но это правду сказал солдат, что у всякого собственника теперь ёж по пузу бегаёт».

До конца 1918 г. в либерально-буржуазной среде протекал период «созревания» ненависти к поднявшим голову крестьянам и «пролетариям», процесс оформления идеологии, основанной на этой ненависти. М.М.Пришвин записал в дневнике 15 июня 1917 г. такое лирическое откровение:

«В ненастное время, когда все богатые красивые птицы умолкают и прячутся, вылетает из дупла старого дерева худая серая птичка Пролетарий и наполняет сад однообразным металлическим звуком: «Пролетарии всех садов, соединяйтесь!» Как только начнет проходить ненастье, на небе показывается радуга и поднимаются голоса других богатых птиц, звук этой нищей птички в саду исчезает, и природа живет своей обычной, сложной, мудрой и несправедливой жизнью.

С детства я очень интересовался явлением серой птички в ненастье, и раз проследил, куда она исчезает: за старым амбаром заросшая бурьяном была древняя дикая яблонька, и в этой яблоньке дупло черное, величиною в кулак. Я заметил, что серая птичка туда нырнула, просунул руку в дупло - и вот там по-змеиному зашипело. В страхе я бросился бежать от змеиного шипа. Так, в детстве я словно обжегся об эту маленькую серую птичку...».

Темная ненависть к «пролетарию» приобрела культурно приемлемые формы ненависти к политической власти большевиков как узурпаторов и губителей России. Но она возникла *до* прихода большевиков, они лишь притянули ее к себе, как громоотвод разряжает заряд тучи. В.Шульгин пишет в воспоминаниях:

«Пулеметов – вот чего мне хотелось. Ибо я чувствовал, что только язык пулеметов доступен уличной толпе и что только он, свинец, может загнать обратно, в его берлогу, вырвавшегося на свободу страшного зверя».

На деле за политическими категориями Белого движения стоял *социальный расизм* - невозможность вытерпеть власть «низших классов». Это был фундаментальный фактор, важнейшая культурная предпосылка к гражданской войне, снимавшая запрет на «убийство ближнего».

Потому и писал Есенин о Белой армии:

*В тех войсках к мужикам
Родовая месть.
И Врангель тут,
И Деникин здесь*

Во время войны ненависть к «низшим классам» проявлялась с приходом белых в карательных акциях против крестьян даже в ритуалах. Артем Веселый, который после Гражданской войны собрал огромное количество воспоминаний очевидцев и малую

часть из них издал в виде книги «Россия кровью умытая», приводит, в частности, такой рассказ. В одной деревне в Поволжье, которую заняли белые, оказался молодой красноармеец – он был дома на побывке после ранения. О нем знали, что он в бою зарубил офицера, сына местного помещика. Белые его не расстреляли, а устроили торжественную казнь, не как солдату противника, а как разбойнику – на санях привезли плаху, палача и отрубили ему голову.

Идеологи либеральной интеллигенции начиная с революции 1905-1907 г. все больше и больше переходили на позиции радикального противопоставления себя народу как иной, враждебной расе. Это отразилось уже в книге «Вехи». Основная идея этой книги ясно была выражена в статье М.О.Гершензона, который писал:

«Каковы мы есть, нам не только нельзя мечтать о слиянии с народом, — бояться мы его должны пуще всех казней власти и благословлять эту власть, которая одна своими штыками и тюрьмами еще ограждает нас от ярости народной» [24, с. 101].

В отношении к простонародью, к «братьям бездомным», произошел глубокий раскол в русской интеллигенции. Раскол совершенно не по классовому признаку, а по метафизическим, даже религиозным основаниям. Если интеллектуалы – кадеты и аристократы, как Бунин и Бердяев, - впали в социал-дарвинизм, раскаялись в любви к народу как «зверопоклонстве», то поэтический идеолог крупной буржуазии поэт-символист Валерий Брюсов писал в 1901 г. этому простонародью:

*Вас, обезличенных медленным зверством,
Властью бичей и желез,
Вас я провижу во храме отверстом,
В новом сияньи небес*

А другой символист, Александр Блок, писал в самое трудное время «стольпинской реакции», 15 февраля 1909 г.:

*Народ - венец земного цвета,
Краса и радость всем цветам*

И не надо думать, что Брюсов и Блок не знали народа и простонародья, идеализировали его – а вот Бунин и Гершензон знали. Все прекрасно знали народ, во всяком случае, знали одно и то же. Дело в том, что отношение к народу, как и к земле, не вырабатывается логически и не может быть обосновано математическим расчетом. Это – сфера идеалов, ценностей иррациональных. И в гражданских войнах люди стягиваются к полюсам, на которых эти ценности накаляются докрасна.

Но главное для темы этой книги заключается, все же, в отношении белых именно к русскому народу, даже, точнее, к русскому **простонародью**. В 1990 г. тиражом 400 000 экземпляров в издательстве «Советский писатель» была издана книга И.А.Бунина «Окаянные дни». Потом были и другие массовые ее издания, но и этот тираж «накрыл» активную часть интеллигенции. Редко кто из политиков всех цветов в последние годы перестройки и после нее не помянул эту книгу как выражение мудрости и высокого чувства русского писателя-патриота. Чуть ли не истина о революции и первом годе Советской власти, урок всем патриотам. Эта книга дышит дикой ненавистью к «русскому простонародью». Ее обязательно надо прочесть тем, кто заинтересован в нашей теме.

«Окаянные дни» - ценное свидетельство, оно бы очень помогло понять то время, если бы было воспринято хладнокровно. Достаточно было сказать, что по одному и тому же вопросу противоположные позиции занимали равно близкие нам и дорогие Бунин и Блок (или Бунин и Есенин) - это видно из дневников самого Бунина. Бунин изображает «окаянные дни» с такой позиции, которую просто немыслимо разделять русскому патриоту. Ведь в Бунине говорит прежде всего сословная злоба и социальный расизм. И ненависть, которую не скрывают - святая ненависть. К кому же? К *народу*. Он оказался не добрым и всепрощающим богоносцем, а восставшим хамом. Читаем у Бунина:

«В Одессе народ очень ждал большевиков - «наши идут»... Какая у всех [у «всех» из круга Бунина – К-М] свирепая жажда их погибели. Нет той самой страшной библейской казни, которой мы не желали бы им. Если б в город ворвался хоть сам дьявол и буквально по горло ходил в их крови, половина Одессы рыдала бы от восторга».

Смотрите, как Бунин воспринимает, чисто физически, тех, против кого в сознании и подсознании *его сословия* уже готовилась гражданская война. Это сословие рыдало бы от восторга, если бы дьявол по горло ходил в крови этих людей. Бунин описывает рядовую рабочую демонстрацию в Москве 25 февраля 1918 года, когда до реальной войны было еще далеко:

«Знамена, плакаты, музыка - и, кто в лес, кто по дрова, в сотни глоток:

- Вставай, подымайся, рабочей народ!

Голоса утробные, первобытные. Лица у женщин чувашские, мордовские, у мужчин, все как на подбор, преступные, иные прямо сахалинские.

Римляне ставили на лица своих каторжников клейма: «Cave furem». На эти лица ничего не надо ставить, - и без всякого клейма все видно...

И Азия, Азия - солдаты, мальчишки, торг пряниками, халвой, папиросами. Восточный крик, говор - и какие мерзкие даже и по цвету лица, желтые и мышинные волосы! У солдат и рабочих, то и дело грохочущих на грузовиках, морды торжествующие».

И дальше, уже из Одессы:

«А сколько лиц бледных, скуластых, с разительно ассиметричными чертами среди этих красноармейцев и вообще среди русского простонародья, - сколько их, этих атаквистических особей, круто замешанных на монгольском атаквизме! Весь, Муром, Чудь белоглазая...».

Здесь - представление всего «русского простонародья» как биологически иного подвида, как не ближнего. Это - извечно необходимое внушение и самовнушение, снимающее инстинктивный запрет на убийство ближнего, представителя одного с тобой биологического вида. Это и есть самая настоящая *русофобия*.

Кстати, эта ненависть элиты к русскому простонародью не утихла даже после Отечественной войны, когда наш народ представлял собой «нацию инвалидов и вдов». Как они ждали, чтобы начавшаяся холодная война переросла в горячую! Вот что пишет, в эмиграции, любимая нашими демократами писательница Н.Берберова 27 февраля 1947 г. Керенскому: «Для меня сейчас «русский народ» это масса, которая через 10

лет будет иметь столько-то солдат, а через 20 – столько-то для борьбы с Европой и Америкой... Что такое «его достояние»? Цепь безумств, жестокостей и мерзостей». И позже, 6 ноября: «Одно утешение: что будущая война будет первая за много десятилетий необходимая и нужная».

Стоит отметить, что у либералов-западников революция порождает смутную иллюзию, что она запустит процесс «модернизации» России по типу протестантской Реформации – с разделением сословно-организованного общества на два класса, почти две расы. И эти иллюзии теплились долго, потому что либеральная интеллигенция не верила в долговечность власти большевиков. М.М.Пришвин записал в дневнике 2 июня 1918 г.:

«Как белеет просеянная через сито мука, так белеет просеянная через сито коммунизма буржуазия: как черные отруби, отсеются бедняки, и, в конце концов, из революции выйдет настоящая белая буржуазная демократия».

Крест на этих иллюзиях поставила как раз Гражданская война – отсеялись «белые». Отмечу еще один кажущийся странным, но на деле вполне объяснимый источник отрицания «красных» в среде либеральной интеллигенции – именно тот факт, что никакие они не чистые и сознательные революционеры, подобные мифическим якобинцам, а обычное русское быдло с рабской душой, легко принимающее любую власть. Хам, преследующий свою примитивную выгоду в годы смуты. 25 октября 1919 г., после рейда белых на Орел, М.М.Пришвин пишет:

«Полицейский писаришка Ершов, ныне управляющий делами отдела народного образования, с двойным глазом в глазу - ведь он уйдет и засядет опять в полицейский участок; а этот матрос вчерашний, с телефонным мандатом, алкающий спирта - ведь он будет, наверно, урядником; интеллигент Писарев, продавший первенство за чечевичную похлебку, - ведь он будет инспектором округа».

Думаю, было еще в отношениях между крестьянами и либералами одно смутное и невысказанное противостояние, которое касалось собственности и права. Старый барин-самодур мог в случае конфликта наорать на мужика, выпороть его, но он не мучил его бездушной пыткой отчуждения, созданного правом частной собственности. Либералы, переходящие от самодурства к европейскому правовому сознанию – другое дело. У М.М.Пришвина в дневнике (10 августа 1917 г.) проскользнул такой мелкий эпизод, который мне кажется значительным. Тут есть какая-то глубокая заноза в подсознании, которая в условиях открытой войны превращается в уголек ненависти. Дело было в том, что на пастбище Пришвина зашла чужая лошадь. Он пишет:

«Я поймал одного славного мальчика и спросил его, кто ему велел пасти у меня лошадь:

- Папка!

Привожу мальчика на ток, спрашиваю отца.

- Боже сохрани! - говорит.

- Тогда позвольте мне мальчика наказать?

- Вали!

Я взял мальчика за ухо, и он ревет, а родители виновника смотрят, молчат, только мать мальчику смущенно шепчет:

И еще одно прискорбное свойство сословной элиты, которое не позволило возникнуть общественному диалогу, отразил Бунин - неспособность признать масштаб революции как разлома всего народа. В «Окаянных днях» обнаруживается удивительное отличие И.Бунина от его оппонентов из «простонародья». Те, вступая в разговоры с хозяевами прошлой жизни, предъявляют им обвинение не как личностям, а как выразителям *общественного явления*, причем явления цивилизационного масштаба. А у образованного Бунина мы видим подмену общей категории сугубо личными особенностями. Вот, вспоминает Бунин: «Встретил на Поварской мальчишку солдата, оборванного, тощего, паскудного и вдребезги пьяного. Ткнул мне мордой в грудь и, отшатнувшись назад, плюнул на меня и сказал: «Деспот, сукин сын!». Пьяный солдат, не знающий лично Бунина, сказал ему, по сути: «Вы, деспоты» или «Ты, один из деспотов». А Бунин, во все не отказываясь от своей принадлежности к «ним, деспотам», начал перебирать в памяти свои личные благодеяния. Мол, да, я - один из них, но я лично лучше них.

Оскорбившись, Бунин далее вспоминает, как он в 1915 г. по-отечески отнесся к горничной, а в 1916 г. дал вместо положенных 70 копеек целый рубль бабе, которая привезла ему телеграмму. И после этого его называют деспотом! И какая ненависть к тем, кто требовал земли и воли. Когда в 1906 г. расстреливали матросов в Кронштадте и они копали себе могилы, комендант генерал Адлерберг издевался: «Копайте, ребята, копайте! Вы хотели земли, так вот вам земля, а волю найдете на небесах». После расстрела могилы сравнивали с землей, и по ним парадным маршем прошли войска и прогнали арестованных. Этого не вспомнил Бунин, а вспомнил рубль, щедро выданный им бабе Махотке. И записал этот рубль в книгу откровений! Он бы лучше вспомнил, что писал в 1891 г. побывавший в голодающих и лишенных топлива деревнях Лев Толстой:

«Перед уходом из деревни я остановился подле мужика, только что привезшего с поля картофельные ботвы... «Откуда это?» «У помещика купляем». «Как? Почем?» «За десятину плетей - десятину на лето убрать». То есть за право собрать с десятины выкопанного картофеля картофельную ботву крестьянин обязывается вспахать, посеять, скосить, связать, свезти десятину хлеба». [Десятинна - это гектар].

Тогда же Толстой сделал очень тяжелый вывод (видимо, преувеличенный, но делающий понятными слова паскудного мальчишки-солдата):

«Вольтер говорил, что если бы возможно было, пожав шишечку в Париже, этим пожатием убить мандарина в Китае, то редкий парижанин лишил бы себя этого удовольствия. Отчего же не говорить правду? Если бы, пожавши пуговку в Москве или Петербурге, этим пожатием можно было бы убить мужика в Царевококшайском уезде и никто бы не узнал про это, я думаю, что нашлось бы мало людей из нашего сословия, которые воздержались бы от пожатия пуговки, если бы это могло им доставить хоть малейшее удовольствие. И это не предположение только. Подтверждением этого служит вся русская жизнь, все то, что не переставая происходит по всей России. Разве теперь, когда люди, как говорят, мрут от голода,.. богачи не сидят с своими запасами хлеба, ожидая еще больших повышений цен, разве фабриканты не сбивают цен с работы?» [23].

В значительной части буржуазии и привилегированных сословий расизм был не философским, а вполне обыденным. В ответ на этот все более интенсивно демонстрируемый расизм «простонародье», причем уже вооруженное и знающее свою силу, очень долго отвечало множеством разного рода примирительных жестов. Это отражено во многих документах эпохи (например, в очень скрупулезных дневниках М.М.Пришвина).

Даже в условиях уже разгоревшейся гражданской войны крестьяне - там, где была их власть и где еще не побывали белые, отзывались на самый робкий примирительный жест свергнутых прежних хозяев жизни. В январе М.М.Пришвин был в деревне свидетелем случая, которое изложил в двух записях в дневнике (29 и 31 января 1919 г.):

«Изгнанная из родного угла дворянка, смысл жизни своей видевшая в охране могилы матери, - возненавидела мужиков (ее дума: тело этих зверо-людей ели виши телесные, а душу ели виши власти). Она живет в голодной погибающей семье и ради маленьких чужих детей идет в свою деревню, измученная, обмерзшая, в истрепанной одежде - нищей приходит в деревню, просит помощи, и мужики заваливают ее ветчиной и пирогами... Помещица Красовская, вся истерзанная, голодная, с озлобленным лицом явилась в деревню, откуда ее выгнали, и мужики ее не то что накормили, а завалили пищей, и теперь уже, несмотря на все прежние распоряжения о выселении помещицы, - поселили ее в своей деревне».

Значительная часть, если не большинство, помещиков, испытавших во время революции погром их имений, возненавидели крестьян («зверо-людей») ненавистью столь непримиримой, что она распространялась даже на «своих», которых можно было заподозрить в соучастии с крестьянами. М.М.Пришвин записал в дневнике 27 апреля 1918 г., как он приехал из Москвы в Елец и, еще не имея сведений о своем хуторе, встретил соседку-помещицу, у которой разгромили имение. Она набросилась на него: мол, это «плоды его рук».

«- Как моих?»

- Ваших, ваших! - крикнула она.

- Боже мой, - говорю я, - меня же кругом считают контрреволюционером.

- А почему же, - кричит она, - у всех помещиков дома разграблены и снесены, а ваш дом стоит?

- Неужели он еще стоит?

Она не простившись вышла из лавки.

Я подумал: «Дом мой стоит, а если вернется старая власть, моему не устоять: эта старуха меня разорит и, пожалуй, повесит на одном дереве с большевиками, злоба ее безгранична, и она еще религиозна: большевики душат земной «правдой», она задушит «божественной»...».

В целом, примирительные жесты «простонародья», которые в начале делались в надежде избежать столкновения, были имущими классами явно и четко отвергнуты. Это вызвало ответный социальный расизм «низов», быстро достигший уровня ненависти и даже ярости. Ненависть низов (в основном крестьянства) и верхушки белых стала взаимной. Об этом пишет в своих воспоминаниях «Очерки русской смуты» А.Деникин. Полезно почитать и письма адмирала Колчака. Этой ненависти к простонародью не

было и в помине у красных, которых видели крестьяне - у Чапаева или Щорса. Они были «*той же расы*». Это и решило исход гражданской войны – при том, что хватало жестокостей и казней с обеих сторон¹¹.

По накалу страстей гражданская война в России на стадии столкновения добровольческих армий была сходна с войнами этническими и религиозными.

¹¹Но и в жестокостях белые отличились. Просвещенному правителю Колчаку даже его генералы слали проклятья по прямому проводу - такой режим он установил в Сибири. Устыдились белочехи, и 13 ноября 1919 г. они издали меморандум: «Под защитой чехословацких штыков местные русские военные органы позволяют себе действия, перед которыми ужаснется весь цивилизованный мир. Выжигание деревень, избиение мирных русских граждан...» и т.д. Напомним, что Колчак расстрелял депутатов Учредительного собрания, которые съехались в Омск. Все же разгон и расстрел - разные вещи.

Глава 4. Вызревание ответной ненависти низов

Основания для социальной ненависти крестьян

В «Очерках русской смуты» А.И.Деникин описывает свою поездку инкогнито по России после Февраля 1917 г. Он говорит о «ненависти, накопленной в течение столетий»:

«Теперь я увидел яснее подлинную жизнь и ужаснулся. Прежде всего - разлитая повсюду безбрежная ненависть - и к людям, и к идеям. Ко всему, что было социально и умственно выше толпы, что носило малейший след достатка, даже неодушевленным предметам - признакам некоторой культуры, чужой или недоступной толпе».

Эти его рассуждения сами проникнуты расизмом, ненавистью к «толпе», якобы отрицающей недоступную ей культуру. Он как будто Толстого не читал, который задолго до этого предупреждал тех, кто был «социально и умственно выше толпы». Надо было раньше задуматься о «подлинной жизни».

Выступая в революции вместе с рабочими, крестьянство заимствовало от них многие понятия, придавая им смысл, далеко выходящий за рамки классовой борьбы. Например, под буржуазией крестьяне понимали не весьма абстрактный социальный тип, а что-то вроде воплощения вселенского зла, которое и надо уничтожить ради всеобщего блага. М.М.Пришвин записал в дневнике 10 августа 1917 г., в деревне:

«Тихонов, большевик, пишет мне в письме слово «буржуазия» в кавычках... Но простой человек слепо верит, что есть какая-то совершенно отдельная от народа и зловреднейшая из всех на свете порода людей - буржуи. У нас крестьяне согласно с знакомым словом «Манчжурия» называют ее «Буржурия».

Это отношение к буржуазии как чуждой враждебной расе было вплоть до открытой гражданской войны лишь потенциальным, скрытым основанием для будущей открытой ненависти. К конкретным людям из числа буржуазии, не проявлявшим по отношению к крестьянам открытой враждебности и идущим на диалог, ненависти летом 1917 г. не возникало. М.М.Пришвин сделал в дневнике (14 мая) интересную запись:

«Нагавкин - русская фамилия: нагавкали на человека - вот и стал он на веки вечные Нагавкин. А впрочем, жулик на редкость. Живет он в мещанской слободе, и по виду живет, словно купец, а разобрать? С 27-го числа, как началась революция, приходил каждый день оратор и вечером ораторствовал и разбирал всех, кто буржуй, а кто пролетарий. Вот как-то раз стали разбирать, Нагавкин и говорит: «А что, посредник торговли - буржуй?» - «Конечно, - отвечают - буржуй!» и: «Ну, а как же и тот, что два яблока и коробку спичек на пупе носит, тоже буржуй?» - «Посредник, значит буржуй!» - «И я тоже». - «А ты, что ж, ты самый и есть буржуй: фабрика, дом и прочее». Тут Нагавкин вынимает из кармана всю свою канцелярию. «Пожалуйте!» - подает какие-то квитанции. Рассматривают товарищи: нефтяной двигатель - заложен, кожа - заложена, здание - заложено. «Это, - говорит Нагавкин, - фабрика, а вот дом». Посмотрели: дом тоже заложен и перезаложен. Потом пошли пиджаки, сапоги, женские бурнусы. «Жена только не заложена, жена моя, ну, как, товарищи, после

этого: буржуй или пролетарий?» Подумали, подумали товарищи, поспорили, вспомнили опять того, кто два яблока и коробку спичек на пупе носит, решили опять, что тот буржуй, а насчет Нагавкина ничего не могли решить. И так в Черной Слободе живет кожевник фабрикант, в собственном доме живет и чем-чем только не занимается, и рожь осыпает, и яйца скупает, и старые серебряные кокошники перетапливает, и принимает дохлых ягнят и собачьи шкурки, а сказать определенно про него никто не может: буржуй он или пролетарий».

Но программу буржуазии крестьяне отвергли сознательно и определенно. Главная «земная», социально-экономическая причина, по которой крестьянство отвергло в 1917 г. либерально-буржуазный проект коалиции кадетов, эсеров и меньшевиков, заключалась в их отказе решить *земельный вопрос*. А он к тому времени стал настолько большим, что расхождения во взглядах приводили к расколу религиозного типа. Позиция землевладельцев-помещиков, поддержавших Белое движение, была столь же непримиримой.

Волнения крестьян 1902-1903 гг., а затем революция 1905-1907 гг. больше всего ударила по семьям 30-40 тыс. помещиков. Около 15% поместий были сожжены, значительную часть (около 1/3) земли в районах, охваченных волнениями, помещикам пришлось продать. Попытки деятелей дворянства восстановить давно уже иллюзорные патриархальные отношения с крестьянами полностью провалились.

Попытки представить выступления крестьян следствием подстрекательской работы интеллигенции, масонов, эсеров, большевиков и т.д., были несостоятельны и в то время, и тем более сегодня, когда те события хорошо изучены. «Страшны не книжки, а то, что есть нечего ни тебе, ни скотине», - ответил в 1902 г. на суде по поводу «беспорядков» один сельский староста. Это основа, а второй фактор это наличие у всего крестьянства России «молекулярной» неуничтожимой и всепроникающей организационной структуры, которая стала механизмом революции - *сельской общины*. Осенью 1905 г. крестьянские волнения вспыхнули с новой силой. Т.Шанин пишет:

«Массовые разрушения поместий не были к тому времени ни «бездумным бунтом», ни актом вандализма. По всей территории, охваченной жакерией, крестьяне заявляли, что их цель - навсегда «выкурить» помещиков и сделать так, чтобы дворянские земли были оставлены крестьянам для владения и обработки».

Крестьяне четко определили свое отношение к помещикам как классовому врагу. Под этим были исторические корни, которые дали пышные всходы после реформы 1861 г. А.Н.Энгельгардт пишет в письме из деревни в 1863 г. о запустении помещичьих усадеб после реформы, что видно было даже по исчезновению псовой охоты: «Притом же крестьяне теперь так зазнались, что не позволяют борзятникам топтать поля». В сноске он дает пояснение:

«Прежде тоже иногда случалось, что крестьяне, особенно казенные, нападали на охотников, топчущих их поля. Вы, может быть, не знаете, что у охотников существовал сигнал «на драку». Охотник, схваченный крестьянами, трубил на рожке сигнал, и тогда все остальные охотники спешили к нему на помощь и, разумеется, обыкновенно побивали крестьян. Теперь «на драку» едва ли кто-нибудь затрубит» [11, с. 481].

С середины 90-х годов XIX века «миры» крестьян и помещиков стали быстро расходиться к двум разным полюсам жизнеустройства: крестьянство становилось все более «общинным», а помещики - все более капиталистами. Крестьяне строили «хозяйство ради жизни» с ориентацией на самообеспечение, а помещики - «хозяйство ради прибыли». Напряженность между двумя этими полюсами приобретала не только экономический, но и мировоззренческий характер, имеющий даже религиозные корни. Историки приводят показательные сравнения России и Пруссии: немецкие крестьяне, в отличие от русских, не испытывали к своему помещику-юнкеру острой неприязни, его страсть к наживе была оправдана общей для них протестантской этикой.

Укреплению общины в какой-то период способствовала и политика государства (установление круговой поруки для сбора налогов, податей и выкупных платежей), и необходимость самоорганизации для противостояния помещикам, и начавшиеся при внедрении капитализма и вывозе хлеба голодные кризисы. Именно после голода 1891 г. общины вернулись к переделам земли и ввели самый уравнительный принцип землепользования - по едокам.

В 1905 г. на съездах Всероссийского Крестьянского Союза были определены враждебные крестьянам силы, и в этом было достигнуто убедительное согласие. «Враги» были означены в таком порядке: чиновники («народу вредные»), помещики, кулаки и местные черносотенцы. А главное, полный антагонизм с помещиками выражался во всеобщем крестьянском требовании национализации земли и непрерывно повторяемом утверждении, что «Земля - Божья». Выборы в I и II Думы рассеяли всякие сомнения - крестьяне не желали иметь помещиков своими представителями.

Дворянство в полной мере осознало угрозу, которую несет для них революция. В октябре 1905 г. испуг правительства достиг такой степени, что оно было уже готово пожертвовать дворянством. Главноуправляющий землеустройством и земледелием Н.Н.Кутлер готовил проект принудительного отчуждения помещичьих земель и их передачи крестьянам! В 1906 г. с либеральными настроениями в среде дворянства было покончено, кадеты за их аграрную программу были «разоблачены» как предатели интересов дворянства и вычищены из земств (как пишут, произошла «урбанизация российского конституционализма» - он был изгнан из сельской местности в города). Дворянство сдвинулось вправо и стало консервативной силой, оказывающей сильное давление на правительство.

Революция 1905 г. заставила помещиков наконец-то обрести классовое самосознание и создать политическую организацию - Совет Объединенного Дворянства. В ее рамках вырабатывались концепции приспособления дворянства к новой ситуации. Суть ее была в частичном восприятии западных идей и идее роспуска крестьянской общины, которая показала свой революционный потенциал. Западничество дворянства было очень избирательным - принимались принципы либеральной экономики (прежде всего, приватизация земли крестьянских общин, при том, что помещичья собственность объявлялась «неотчуждаемой»), но отвергались принципы парламентской демократии. Это был своего рода прообраз «*либерализма по Пиночету*» (или «по Ельцину» - это нам понятнее).

Столыпинская реформа лишь усугубила взаимную ненависть частных собственников земли и крестьянской массы. 24 января 1909 г., во время беседы с французским ученым П.Боером, который взял интервью у виднейших российских политиков (Столыпина, Витте и др.), С.А.Муромцев посчитал именно этот рост взаимной глухой ненависти главной опасностью для России. И эта опасность, по его мнению, лишь *усугублялась* внешней политической апатией и отсутствием видимых общественно-политических движений, задавленных полицейскими репрессиями.

В начале 1907 г. съезд Объединенного дворянства заявил о своем неприятии реформы местных органов управления, поскольку, дескать, она отдаст власть на местах в руки «людей хищническо-промышленного типа», которые соединятся с «третьим элементом» (интеллигенцией). Таким образом, была отвергнута даже такая программа модернизации, при которой развитие капитализма (с самым необходимым минимумом демократизации) происходило бы при сохранении всех привилегий дворянства. Дворянство поставило заслон буржуазной государственности «справа». Выступая против проекта реформы начального образования (части общего плана столыпинской реформы), предводитель правых в Думе Н.Е.Марков обращался к помещикам: «Ваши имения, ваша жизнь будет висеть на волоске, когда воспитанные в ваших безбожных школах ученики придут вас жечь, и никто вас защищать не будет».

Неисчерпаемый социологический материал дают письма того времени, перлюстрированные полицией (их приводит в своей книге С.В.Тютюкин). Они показывают настроения всех слоев общества. Один из князей Шаховских писал в мае 1906 г. о деревне:

«Настроение крестьян самое опасное. Озлобление, уверенность, что землю нужно отобрать силой, разговоры вызывающие. Жутко становилось во время бесед с крестьянами. Агитация и пропаганда, призывающие к бунту и резне, продолжают. Почва для культивирования этих идей самая благоприятная. Мысль о праве на помещичью землю так укрепилась, что никакие доводы против не имеют значения» [9, с. 20].

А вот письмо помещика от 6 июня 1906 г., перлюстрированное полицией. В нем видно, как сознание привилегированных слоев сдвигается к дремучему социал-дарвинизму:

«А дела-то дрянь! Черт их возьми, прямо выхода, кроме драки, не видно. Народ озверел. Все эти забастовки и аграрные беспорядки, по-моему, создались на почве зависти к сытому и богатому со стороны голодного и бедного. Это такое движение, которое не поддается убеждению, а разрешается битвой и победой. Впрочем, что же - война, так война. Только противно видеть, что поднялись самые подлые страсти. Бедность, голод и т.д. вовсе не от того, что у крестьян мало земли или плохо платят за работу, а от неумения работать, от необразованности и лени» [9, с. 36].

Добыть хлеба ребенку на соску - это «умеющий работать» дворянин называет «подлые страсти».

Как это бывает на стадии разложения сословного общества, привилегированное сословие морально деградирует и становится движущей силой регресса. Таким и стало дворянство после революции 1905 г. Участвуя в выборах во II Государственную Думу в 1907 г. и наблюдая политику дворянства, С.Н.Булгаков писал:

«Ах, это сословие! Было оно в оные времена очагом русской культуры, не понимать этого значения русского дворянства значило бы совершать акт исторической неблагодарности, но теперь это - политический труп, своим разложением отравляющий атмосферу, и между тем он усиленно гальванизируется, и этот класс оказывается у самого источника власти и влияния. И когда видишь воочию это вырождение, соединенное с надменностью, претензиями и, вместе с тем, цинизмом, не брезгающим со-

мнительными услугами, - становится страшно за власть, которая упорно хочет базироваться на этом элементе, которая склоняет внимание его паркетным шепотам» [25, с. 196].

Лев Толстой подчеркнул именно моральное падение монархии и дворянства, которое привело к оскорблению подавляющего большинства подданных, обретших к этому времени высокоразвитое самосознание - крестьян. Вспомним его слова 1895 г.:

«В то время как высшие правящие классы так огрубели и нравственно понизились, что ввели в закон сечение и спокойно рассуждают о нем, в крестьянском сословии произошло такое повышение умственного и нравственного уровня, что употребление для этого сословия телесного наказания представляется людям из этого сословия не только физической, но и нравственной пыткой...»

Для блага нашего христианского и просвещенного государства необходимо подвергать нелепейшему, неприличнейшему и оскорбительнейшему наказанию не всех членов этого христианского просвещенного государства, а только одно из его сословий, самое трудолюбивое, полезное, нравственное и многочисленное» [26].

Все это и объясняет тот факт, что формирование Белой армии уже в самой ранней стадии этого процесса было встречено той злобой и ненавистью, о которой писал Деникин. А.И.Гучков, который сразу же после Октября уехал на Северный Кавказ и помогал наладить материально-техническое снабжение Добровольческой армии, тесно сблизился с Деникиным и написал для него большую записку «Борьба с большевиками в России и ее перспективы». В ней он пытался объяснить «ту глухую непопулярность Добровольческой армии, а частью и то ожесточение и озлобление против нее, которое замечается в народных массах Юга России» [7, с. 135]. Важно подчеркнуть, что эта ненависть наблюдалась даже на Юге России, в богатых казачьих областях. О Центральной России и говорить нечего.

Факт всеобщей ненависти народных масс к белогвардейцам был настолько очевидным, что организаторы антисоветской борьбы даже после завершения главных кампаний Гражданской войны должны были тщательно скрывать какую бы то ни было связь своих действий с Белым движением. Так, с начала 1921 г. некоторые надежды возникли в связи с антисоветскими мятежами, в частности, Кронштадтским. 8 марта 1921 г. А.И.Гучков писал Врангелю:

«В интересах как этого революционного движения, так и репутации «белого» дела необходимо, чтобы Вы и мы, Ваши единомышленники, не отождествлялись с руководителями движения. Тот демократический, рабочий, солдатско-матросский характер, который носит Кронштадтская и Петроградская революция, должен быть сохранен без примеси белогвардейского и буржуазного элемента: только в таком случае это движение окажет разлагающее влияние на оставшиеся в руках советской власти части Красной Армии, которая окончательно подточит устои этой власти. Всякая чужеродная примесь способна лишь повредить делу» [7, с. 139].

Состояние хозяйства и созревание ненависти крестьян

Конечно, духовные и религиозные факторы «надстройки» лишь усиливали воздействие целой системы сил, толкавших Россию к тяжелому расколу. Положение крестьян-

ства в начале XX века стало совершенно отчаянным. Но этого как будто не видели составлявшие ничтожное меньшинство привилегированные слои населения России. Этот факт не мог не вызывать глухой ненависти крестьян.

Корни революции и Гражданской войны – в реформе 1861 г., когда крестьяне были освобождены от крепостной зависимости почти *без земли*. Было утверждено «временноеобязанное» состояние - крестьяне были обязаны продолжать барщину или оброк до выкупа земли. Почему-то решили, что это продлится 9 лет, а за это время крестьяне накопят денег на выкуп. Денег крестьяне накопить не могли, и пришлось издать закон об обязательном выкупе. Точнее, государство заплатило помещикам плату за землю, переходящую к крестьянам – и обязало крестьян вносить в подконтрольные правительству банки *выкупные платежи*. Фактически, крестьяне оказались вынуждены платить государству высокую арендную плату за землю. Какого же размера были эти платежи и подати?

Как ни странно, мало кто из нас знакомился с исключительно важным историческим документом пореформенной России – «Трудами податной комиссии». Но подробные выписки из нее сделал К.Маркс в своей работе «Заметки о реформе 1861 г.» [27]. Оттуда и возьмем некоторые данные.

Бывшие *государственные* крестьяне вносили налоги и подати в размере 92,75% своего чистого дохода от хозяйствования на земле, так что в их распоряжении оставалось 7,25% дохода. Например, в Новгородской губернии платежи по отношению к доходу с десятины составляли для бывших государственных крестьян ровно 100%.

Бывшие *помещичьи* крестьяне платили из своего дохода с сельского хозяйства в среднем 198,25% (в Новгородской губернии 180%). Таким образом, они отдавали правительству не только весь свой доход с земли, но почти столько же из заработков за другие работы. При малых наделах крестьяне, выкупившие свои наделы, платили 275% дохода, полученного с земли!

Выкупные платежи крестьян за свою же общинную землю были тяжелейшей нагрузкой. В 1902 г. они составили 90 млн. рублей – более трети тех денег, что крестьянство получало от экспорта хлеба. Освобождение от выкупных платежей – одно из главных завоеваний крестьянства в революции 1905-1907 гг. Уже в 1906 г. выкупные платежи снизили до 35 млн., а в 1907 г. – до 0,5 млн. рублей. Фактически, они были отменены. Но и остальные налоги и подати были очень велики. Эта тема поднимается в очень большой части петиций. В заявлении в Комитет по землеустроительным делам Нижегородской губ. крестьяне с. Виткулово писали:

«Мы признаем, что непосильная тяжесть оброков и налогов тяжелейшим гнетом лежит на нас, и нет силы и возможности сполна и своевременно выполнять их. Близость всякого срока платежей и повинностей камнем ложится на наше сердце, а страх перед властью за неаккуратность платежей заставляет нас или продавать последнее, или идти в кабалу» (I, с. 130).

Это непосильное налоговое бремя в конце концов привело крестьян к убеждению, что правительство – их враг, что разговаривать с ним можно только на языке силы. В приговоре крестьян дер. Стопино Владимирской губ. во II Госдуме в июне 1907 г. сказано вещь, которая к этому времени стала совершенно очевидной практически для всего крестьянства, и оно не нуждалось для ее понимания ни в какой политической агитации:

«Горький опыт жизни убеждал нас, что правительство, века угнетавшее народ, правительство, видевшее и желавшее видеть в нас послушную платежную скотину, ничего для нас сделать не может... Правительство, состоящее из дворян чиновников, не знавшее нужд народа, не может вывести измученную родину на путь права и законности» (2, с. 239).

Поскольку крестьяне составляли подавляющее большинство населения России, эти высокие налоги, дополняемые косвенными налогами на продажи предметов первой необходимости, даже при низкой доходности крестьянского хозяйства стали важнейшим источником средств для финансирования индустриализации, создания анклавов капиталистического хозяйства. За счет этих денег, например, финансировалось строительство железных дорог, которые затем приватизировались, и крестьянские деньги переходили в карман буржуазии. В наброске письма Вере Засулич о судьбах русской крестьянской общины Маркс писал о российском капитализме:

«Государство выпестовало те отрасли западной капиталистической системы, которые, нисколько не развивая производственных возможностей сельского хозяйства, особенно способствуют более легкому и быстрому расхищению его плодов» [28].

Надо подчеркнуть вещь, которая с трудом укладывается в наше «прогрессистское» сознание: такое важное принесенное капитализмом техническое средство, как железные дороги, вело к разорению крестьянского хозяйства и к резкому ухудшению материального положения крестьян. Виднейший специалист в области хлебной торговли П.И.Лященко писал:

«Железные дороги вместо того, чтобы служить клапаном, вывозящим избыток, стали постепенно служить способом для более легкого и полного выжимания из хозяйства последнего пуда хлеба, последней копейки» [29].

Таким образом, налоговый пресс искусственно поднял товарность сельскохозяйственного производства, так что крестьяне были вынуждены продавать зерно и скот, сокращая собственное потребление. С другой стороны, появившиеся железные дороги облегчили заготовки хлеба и отправку его в порты и прямо на экспорт. Но этот экспорт, давая большие доходы банкам и правительству, мало сказывался на экономике крестьянского двора. Подробно фактическая сторона дела изложена в книге видного экономиста П.Лященко «Русское зерновое хозяйство в системе мирового хозяйства» (М., 1927). Он пишет:

«Иностранный капитал шел в Россию в виде финансового капитала банков для обоснования здесь промышленных предприятий, но тот же иностранный банковый капитал захватывал и все отрасли нашей торговли, в особенности сельскохозяйственными продуктами... Он начинает приливать в хлебную торговлю и руководить ею, или непосредственно основывая у нас свои экспортные ссыпки, конторы (как, например, конторы французской фирмы Дрейфус, немецкой Нейфельд, массы греческих, отчасти итальянских и др.) и специальные экспортные общества, или субсидируя и кредитуюя те же операции через сложную систему кредита, находившуюся также в руках иностранного капитала...

Но вследствие особых условий банковских покупок - прежде всего полной зависимости всей нашей банковской системы от иностранного капитала - положительных для народного хозяйства сторон в этом приливе крупного капитала к хлебной торговле было мало... Ни за качеством хлеба, ни за его чистотой, ни за другими условиями покупки и сдачи ни банк, ни его подставной клиент-скупщик не следили и ответственности за все это банк не принимал. При сосредоточении в руках банка (в портах или на крупных потребительных рынках) больших партий он, однако, не заботился ни об очистке зерна, ни об улучшении его качества, ни о правильности хранения: он должен был спешишь с его продажей, часто влияя таким образом на понижение цен...

Таким образом «частный» банковский капитал не менее как на три четверти обслуживал финансирование нашей хлебной торговли. При этом главными частными банками, принимавшими наиболее широкое участие в хлеботорговых вообще и хлебоэкспортных операциях, были: Азовско-донской, Международный, Петербургский частный коммерческий, Северный, Русско-азиатский, - работавшие преимущественно французскими капиталами, и Русский для внешней торговли и Петербургский учетный — немецкими».

В начале XX века, когда государство с помощью налогообложения стало разрушать натуральное хозяйство крестьян без модернизации – просто заставляя крестьян выносить продукт на рынок, терпение крестьян лопнуло. Вот что говорил историк В.В.Кондрашин на международном семинаре в 1995 г.:

“К концу XIX века масштабы неурожая и голодных бедствий в России возросли... В 1872-1873 и 1891-1892 гг. крестьяне безропотно переносили ужасы голода, не поддерживали революционные партии. В начале XX века ситуация резко изменилась. Обнищание крестьянства в пореформенный период вследствие непомерных государственных платежей, резкого увеличения в конце 90х годов арендных цен на землю... - все это поставило массу крестьян перед реальной угрозой пауперизации, раскрестьянивания... Государственная политика по отношению к деревне в пореформенный период... оказывала самое непосредственное влияние на материальное положение крестьянства и наступление голодных бедствий” [30].

Даже если отвлечься от выкупных платежей за земельные наделы крестьян, причиной их нарастающей ненависти стал сам способ наделения их землей во время реформы 1861 г. Прежде всего, земли крестьянам было выделено поразительно мало – при отсутствии каких бы то ни было механизмов наделения землей по мере роста сельского населения. В прошении крестьян Квашенкино-Горского общества Лужского уезда Петербургской губ. во II Госдуму в январе 1907 г. говорится:

«Наделены мы были по выходе на волю по три десятины на душу... Население выросло до того, что в настоящее время уже на душу не приходится и полдесятины. Население положительно бедствует и бедствует единственно потому, что земли нет; нет ее не только для пашины, а даже под необходимые для хозяйства постройки» (1, с. 111).

А собрание крестьян четырех волостей Волоколамского уезда Московской губ. в наказе, посланном в Трудовую группу I Госдумы в мае 1906 г., так обобщило представление о положении крестьянства:

«Земля вся нами окуплена потом и кровью в течение нескольких столетий. Ее обрабатывали мы в эпоху крепостного права и за работу получали побои и ссылки и тем обогащали помещиков. Если предъявить теперь им иск по 5 коп. на день за человека за все крепостное время, то у них не хватит расплатиться с народом всех земель и лесов и всего их имущества. Кроме того, в течение сорока лет уплачиваем мы баснословную аренду за землю от 20 до 60 руб. за десятину в лето, благодаря ложному закону 61-го года, по которому мы получили свободу с малым наделом земли, почему все трудовое крестьянство и осталось разоренным, полуголодным народом, а у тунядцев помещиков образовались колоссальные богатства» (I, с. 111-112).

Плата, которую платили крестьяне помещикам за аренду земли, была столь высока, что сегодня невозможно объяснить читателям (и даже в личных разговорах), как же такое могло быть. По данным помещичьих местных комитетов, созданных С.Ю.Витте, перед 1905 г. крестьяне 49 европейских губерний ежегодно выплачивали помещикам за аренду 315 млн. рублей, то есть в среднем по 25 руб. на двор (вспомним, что все годовое пропитание крестьянина обходилось примерно в 20 рублей) [31, с. 117]. А.В.Чаянов в книге “Теория крестьянского хозяйства” (1923) пишет:

“Многочисленные исследования русских аренд и цен на землю установили теоретически выясненный нами случай в огромном количестве районов и с несомненной ясностью показали, что русский крестьянин перенаселенных губерний платил до войны аренду выше всего чистого дохода земельного предприятия” [32, с. 407].

Расхождения между доходом от хозяйства и арендной платой у крестьян были очень велики. А.В.Чаянов приводит данные для 1904 г. по Воронежской губернии. В среднем по всей губернии арендная плата за десятину озимого клина составляла 16,8 руб., а чистая доходность одной десятины озимого при экономичном посеве была 5,3 руб. В некоторых уездах разница была еще больше. Так, в Коротоякском уезде средняя арендная плата была 19,4 руб., а чистая доходность десятины 2,7 руб. Разница колоссальна - 16,6 руб. с десятины, в семь (!) раз больше чистого дохода. В другом месте А.В.Чаянов объясняет:

«Под давлением потребительской нужды малоземельные крестьяне, избегая вынужденной безработицы, платят за аренду земли не только ренту и весь чистый доход, но и значительную часть своей заработанной платы. В данном случае опять интересы крестьянина как рабочего, бедствующего в своем хозяйстве от безработицы, пересиливают его интересы как предпринимателя» [32, с. 200].

Политика землеустройства при выделении наделов крестьянам во время реформы 1861 г. заложила основания для глубокой вражды между крестьянами и помещиками. К 1917 г. эта вражда переросла в ненависть. Суть в том, что при разделе земли помещики отделили от дореформенной площади крестьянских наделов более 20%, а в чернозем-

ных губерниях «отрезки» доходили до 40% и более [31, с. 107]. При этом именно помещик обладал правом размежевания, и он разместил «отрезки» таким образом, что они окружали крестьянские наделы. Тем самым помещик резко затруднил для крестьян и ведение хозяйства, и даже быт – и это стало средством угнетения крестьян. Вот приговор-наказ крестьян с. Казакова Арзамасского уезда (2 ноября 1905 г.):

«Помещики вскружили нас совсем; куда ни повернись, - везде все их земля и лес, а нам и скотину выгнать некуда; зашла корова на землю помещика – штраф, проехал нечаянно его дорогой – штраф, пойдешь к нему землю брать в аренду – норовится взять как можно дороже, а не возьмешь – сиди совсем без хлеба; вырубил прут из его леса – в суд и сдерут в три раза дороже, да еще отсидишь» [31, с. 115].

Во многих приговорах говорится, что помещики нарезали землю так, что не оставили крестьянам прогонов для скота, чтобы можно было пускать скотину на свой же выпас. Ставя крестьян в безвыходное положение, помещики заставляли их платить за аренду земли не деньгами, а отработками. Отработки не поддавались учету и реально оказывались не только очень невыгодными для крестьян, но и подрывали их собственное хозяйство. Крестьяне дер. Высоцкой и Поречье Можайского уезда Московской губ. пишут в приговоре в I Госдуму (июль 1906 г.) об аренде покосов и пастбищ:

«И то и другое – только заработай с круговой порукой друг за друга. В таком положении и дуешь на его работах без оглядки все лето – то условная работа, то штрафная, а своя и узенькая полосенка работает лишь тогда, когда у князя делать нечего; в конце концов подотчетешь заработную выручку за все лето от князя и приходится в итоге – на каждого по 4 коп. за день рабочий» [31, с. 120].

Для бедственного положения крестьян, составлявших 85% населения России, имелась фундаментальная причина. Развитие капитализма в России шло по совершенно иному пути, нежели на Западе. Оно уже и не могло в принципе повторить путь Запада, поскольку происходило при активном участии уже сложившегося зрелого западного капитализма. Это влияние заключалось прежде всего в том, что западный капитал вне своей «метрополии» везде насаждал формы *периферийного* капитализма. Иного и не могло быть, и утверждения нынешних антисоветских идеологов, что без Октябрьской революции в России установился бы такой же капитализм, как в Англии или Швеции, наивны (или недобросовестны).

Видный теоретик нынешней глобализации И.Валлерстайн пишет: «Капитализм только и возможен как надгосударственная система, в которой существует более плотное «ядро» и обращающиеся вокруг него периферии и полупериферии» [33]. По всем признакам Россия сдвигалась как раз в зону периферии, быстро теряя после русско-японской войны возможность остаться на «полупериферии» мировой капиталистической системы.

Но, становясь зоной «периферийного капитализма», Россия попала в историческую ловушку. В ней произошло то, что называют «секторным разрывом» - промышленность была анклавом западного капитализма, а крестьянство - его «внутренней колонией». Единое народное хозяйство, при котором промышленность вбирает рабочую силу из деревни, а взамен обеспечивает село машинами и удобрениями, оказалось разорванным.

При этом сужался внутренний рынок для промышленной продукции, так что ход

индустриализации был очень неустойчивым. Нынешние антисоветские идеологи ничего не пишут, например, о том, что и производство чугуна в России, и его потребление на душу населения в начале XX века сокращалось. А во Франции за 1900-1909 гг. его производство выросло на 40%, в Германии на 67%, в США на 87%.

С.В.Онищук, который в большой работе приводит обзор этих показателей, опирается на данные, сведенные в известном фундаментальном труде А.Финн-Енотаевского «Современное хозяйство России» (СПб., 1911), а также в ряде подробных региональных исследованиях по ряду областей Центральной России. Он пишет:

“В России возникает невиданное в странах индустриального мира явление - секторный разрыв между промышленностью и сельским хозяйством. Данный феномен выражается в долговременном прекращении перекачки рабочей силы из сельского хозяйства в промышленность вследствие снижения производства в расчете на одного занятого в земледелии... Возникновение секторного разрыва между промышленностью и сельским хозяйством явилось решающим фактором, обусловившим буржуазно-крестьянскую революцию 1905-1907 гг.” [34].

За 1870-1900 гг. площадь сельскохозяйственных угодий в Европейской России выросла на 20,5%, площадь пашни на 40,5%, сельское население на 56,9%, а количество скота - всего на 9,5%. Таким образом, на душу населения стало существенно меньше пашни и намного меньше скота. Прокормиться людям было все труднее. В 1877 г. менее 8 десятин на двор имели 28,6% крестьянских хозяйств, а в 1905 г. - уже 50%. Количество лошадей на один крестьянский двор сократилось с 1,75 в 1882 г. до 1,5 в 1900-1905 гг. Это - значительное сокращение тяговой силы, что еще больше ухудшало положение. Одна из важных причин того, что потерпела неудачу реформа Столыпина, заключалась в том, что не было ресурсов, чтобы материально поддержать крестьян, выделавшихся на хутора или переселявшихся в Сибирь. С.В.Онищук пишет:

«Эффект столыпинской кампании был ничтожным. Падение всех показателей на душу населения в сельском хозяйстве продолжалось, обостряя секторный разрыв. Количество лошадей в расчете на 100 жителей Европейской России сократилось с 23 в 1905 до 18 в 1910 г., количество крупного рогатого скота - соответственно с 36 до 26 голов на 100 человек... Средняя урожайность зерновых упала с 37,9 пуда с десятины в 1901-1905 гг. до 35,2 пуда в 1906-1910 гг. Производство зерна на душу населения сократилось с 25 пудов в 1900-1904 гг. до 22 пудов в 1905-1909 гг. Катастрофические масштабы приобрел процесс абсолютного обнищания крестьянства перенаселенного центра страны. Избыточное рабочее население деревни увеличилось (без учета вытеснения труда машинами) с 23 млн. в 1900 г. до 32 млн. человек в 1913 г. В 1911 г. разразился голод, охвативший до 30 млн. крестьян».

Если оставить в стороне философию, то для реформы Столыпина существовало вот какое «непреодолимое» ограничение. В 1910 г. в России в работе было 8 млн. деревянных сох, более 3 млн. деревянных плугов и 5,5 млн. железных плугов. То есть, даже по лошади с сохой на все дворы не хватало – в 1912 г. 31,6% крестьянских дворов в России были безлошадными, а 32,1% дворов имели по одной лошади. Что же могло в этих условиях дать разрушение общины? Из каких средств могли быть обустроены, скажем,

5 млн. хуторов, не говоря уж о фермах? Потому-то столыпинский уклад втянул в себя всего лишь 5% дворов, зато разорил множество.

Разве Столыпин этого хотел? Нет, конечно. Он просто верил, что инициатива «освобожденного» мужика-хозяина и невидимая рука рынка гораздо сильнее всяких там капиталов, плугов, лошадей и дорог. За пять лет реформы количество лошадей – главной тягловой силы в России – снизилось в расчете на 100 человек с 23 до 18. Как можно было при этом ожидать роста производства зерна? Никак – независимо от формы собственности на землю.

И увеличить число лошадей было уже невозможно, потому что земли для пастбищ не было, а при использовании зерна на корм добавочные лошади съели бы как раз весь прирост производства зерна. В 1928 г., накануне коллективизации, В европейской части СССР под пастбищами находилось 1,6% всех сельскохозяйственных угодий (для сравнения: в Великобритании 56%, в Голландии 38,4%), почти такой же (1,5%) была доля земли под посевами трав и кормовых культур (в Великобритании 32,7%).

За 60 дореволюционных лет самым урожайным в России был 1909 г. В этот год в 35 губерниях с общим населением 60 млн. человек (что составляло почти половину населения России) было произведено зерна, за вычетом посевного материала, ровно по 15 пудов на человека, что составляло официальный физиологический минимум. То есть никакой товарной продукции село этой части России в среднем не производило. А значит, и ресурсов для развития не возникало¹². Низкий уровень технологии поглощал все силы крестьян. В 1909 г. средний урожай зерновых был около 52 пудов с десятины, т.е. 7,8 ц/га. И на весь цикл обработки 1 десятины земли тратилось в среднем 38 человеко-дней (и 29 лошади-дней) или 4,48 человеко-дня на центнер зерна. Если считать рабочий день крестьянина в страду за 12 часов, то выходит, что на производство одного центнера зерна затрачивалось в 1909 г. 53,8 человеко-часа. А в РСФСР уже в 60-е годы трудозатраты на центнер зерна снизились в колхозах до 2,3 и в совхозах до 1,3 человеко-часа.

В качестве отступления скажу, что порочный круг «секторного разрыва» между промышленностью и сельским хозяйством смог быть разомкнут, а секторный разрыв преодолен только при советском строе в результате единого процесса *коллективизации-индустриализации*. Как ни труден был этот процесс, он соединил промышленность и сельское хозяйство в единое народное хозяйство СССР, ликвидировал угрозу голода, поднял сельский труд на совершенно новый технологический уровень и предоставил уходящим из деревни молодым людям рабочее место в современном производстве. И это - исторический факт. Такой же, как и то, что в нынешней «рыночной» России вновь возникла угроза этого секторного разрыва, и любимое детище реформы, фермеры, имеют в среднем 3 трактора на 1000 га пашни вместо нормальных для этого уклада 120 тракторов.

Ненависть к привилегированным сословиям возникла в среде крестьян и оттого, что выход из исторической ловушки власти России пытались произвести именно *за счет крестьян*, как «революцию сверху», разрушавшую крестьянскую общину и деревню, насаждавшую капитализм на земле. В бытность Витте премьер-министром при нем работало сельскохозяйственное совещание. Витте издал труды этого совещания под своим именем в виде книги «Записка по крестьянскому делу» (СПб., 1905). В ней была высказана мысль о необходимости превращения общины в *частно-правовое общество*, поскольку, якобы, «крестьян нельзя насильственно удерживать в условиях общинного землепользования». Витте писал об общине, что «при современном положе-

¹² Надо вспомнить, что лошадь стоила в то время 80-90 руб., а зерно оптовики скупали по цене 20-50 коп. за пуд. Значит, за лошадь надо было отдать самое меньшее 160 пудов зерна.

нии она имеет многие черты публично-правовой организации, невольно напоминая о военных поселениях». В ответ на это в феврале 1905 г. А.В.Кривошеин, будущий соратник Столыпина по земельной реформе, подал записку «Земельная политика и крестьянский вопрос», в которой выступил за ликвидацию не только общинного, но и подворного землепользования, замену их частным землевладением (признавая, однако, что это - «задача нескольких поколений»).

Мысль о том, что крестьянская община становится источником главной угрозы для общественного и политического строя царской России, в 1905 г. вполне созрела в интеллектуальных кругах монархической верхушки. В мае 1905 г. была составлена записка шести старейших сановников о путях преодоления политического кризиса («записка А.Н.Куломзина»). Это были старые опытные бюрократы, завершившие свою карьеру и потому могущие высказать независимые суждения, не ища личной выгоды и не боясь недовольства начальства. Они все были убежденными монархистами, но хорошо знали уязвимые места самодержавного строя.

Для нашей темы важно признание в этой записке того отвергаемого царем факта, что смута «ныне пустила глубокие корни до самого сельского населения включительно». Это предупреждение опровергало официальную точку зрения на крестьянство как консервативную монархически настроенную силу. Корень проблемы старые сановники видели в существовании «в низших слоях населения инстинктивного стремления к ниспровержению частной собственности» и в том, что «общинные порядки» поддерживают это стремление [35, с. 120, 136].

Разрушительная идея программы Столыпина пугала даже либералов - поборников модернизации по западному типу. Е.Н.Трубецкой писал в 1906 г., что Столыпин, «содействуя образованию мелкой частной собственности, вкрапленной в общинные владения..., ставит крестьянское хозяйство в совершенно невозможные условия». Он предвидел, что в политическом плане это ведет «к возбуждению одной части крестьянского населения против другой». Он предлагал не поддерживать реформу именно из-за того, что она вызовет «раздор и междуусобье в крестьянской среде».

Поощряя выход из общины и приватизацию имеющегося на данный момент надела, реформа Столыпина создала новый раскол, потенциальный очаг войны на селе. Из общины вышли прежде всего те многоземельные крестьяне, которым при переделе община должна была бы убавить надел согласно их семейному положению. Они «увели» землю из общины, заплатив за излишки по льготной цене, и затем, во многих случаях, продали ее уже по рыночной цене. Другая категория – напротив, малоземельные бедные крестьяне, которые отчаялись прокормиться своим хозяйством и махнули рукой на свой надел. Они тоже часто продавали свою приватизированную землю. Но при этом вовсе не превращались в батраков – не было для их найма достаточно фермеров. В труде А.Финн-Енотаевского «Обзор экономической жизни России» (СПб., 1911) сказано о результатах реформы:

«Все это ведет к обезземеливанию массового крестьянина, что при настоящих условиях имеет своим результатом не столько пролетаризацию, сколько увеличение пауперизма в деревне. Переход земли в единоличную собственность сам по себе еще не делает прогресса в земледелии. Все остальные условия, препятствующие земледельческой культуре, остаются в силе...

Содействуя развитию зажиточного крестьянского хозяйства за счет массового, отнимая у него землю в пользу богатого, толкая массового крестьянина на усиленную ликвидацию своего хозяйства, обезземеливая его в то время, когда наша экономическая жизнь требует увеличения земли у

крестьянской бедноты, - этот закон содействует обнищанию широких слоев крестьянства, а вместе с тем и регрессу земледельческой культуры» [36, с. 134-135].

Об опасном озлоблении крестьян в ходе реформы писали и те, кто был непосредственно связан с переселенческой программой Столыпина. Само предложение крестьянам бросить родные места и переселиться в Сибирь, вызвало очень резкую реакцию. Крестьяне Малоярославецкого уезда Калужской губ. направили в Государственную думу такой наказ (20 мая 1906 г.):

«Министры отказали нам в земле, прочитали, что частновладельческих земель отчуждать нельзя, а откуда же тогда мы возьмем землю, без которой нам надо умирать голодной смертью. Министры говорят, что в Азии где-то есть много свободной земли и можно нас туда переселить. А мы понимаем это дело так: спокон веков у нас заведен обычай, что на новое место идет старший брат, а младший остается на корню. Так пускай и теперь поедут в Сибирь или в Азию наши старшие братья, господа помещики-дворяне и богатейшие землевладельцы, а мы, младшие, хотим остаться на корню, здесь в России» [31, с. 142].

В с. Пушкино Костромского уезда и губ. 28 мая 1906 г. состоялся сход, на который прибыл «полицейский чин», который уговаривал крестьян переселяться в Сибирь. Крестьяне ему ответили, а потом написал в своем приговоре в Государственную думу:

«Если вы уже очень хвалите Сибирь, так и переселяйтесь туда сами. Вас меньше, чем нас, а следовательно, и ломки будет меньше. А землю оставьте нам» [31, с. 142].

Сход села Яковлево Орловского уезда и губ. написал в мае 1906 г. наказ в Государственную думу:

«Мы в кабале у помещиков, земли их тесным кольцом окружили наши деревни, они сытеют на наших спинах, а нам есть нечего, требуйте во что бы то ни стало отчуждения земли у частновладельцев-помещиков и раздачи ее безземельным и малоземельным крестьянам. Казенных земель у нас нет, а переселяться на свободные казенные земли в среднеазиатские степи мы не желаем, пусть переселяются туда наши помещики и заводят там образцовые хозяйства, которых мы здесь что-то не видим» [31, с. 143].

Еще хуже обстояло дело у тех крестьян, которые сделали попытку обосноваться на новом месте за Уралом. Вот брошюра «Правда о переселенческом деле» (С.-Пб., 1913). Автор ее - статский советник А.И.Комаров, прослуживший 27 лет в Сибири в лесном ведомстве. Он вышел в отставку, потому что не вынес «такого государственного расхищения или, вернее, разгрома сибирских земель и лесов, пред которым бывшее когда-то расхищение башкирских земель - сушие пустыки». Этот чиновник - противник революции, социал-демократов и эсеров. Именно поэтому он и предупреждает в своей брошюре об «обратных переселенцах», которых в 1911 г. возвращалось в европейскую Россию в количестве 60% от тех, кто переселялся в Сибирь:

«Возвращается элемент такого пошиба, которому в будущей революции, если таковая будет, предстоит сыграть страшную роль... Возвращается не тот, что всю жизнь был батраком, возвращается недавний хозяин, тот, кто никогда и помыслить не мог о том, что он и земля могут существовать раздельно, и этот человек, справедливо обьятый кровной обидой за то, что его не сумели устроить, а сумели лишь разорить, - этот человек ужасен для всякого государственного строя»¹³.

Но не только разоренные реформой «возвратники» накопили ненависть, которая прорвалась в гражданской войне. И те, кому удалось прижиться в Сибири, сыграли «страшную роль» в судьбе белого движения и лично Верховного правителя России Колчака. Позже, 18 мая 1919 г., военный министр Колчака генерал А.П.Будберг записал в дневнике:

«Восстания и местная анархия расплозаются по всей Сибири... главными районами восстаний являются поселения столыпинских аграрников... В шифрованных донесениях с фронта все чаще попадаются зловещие для настоящего и грозные для будущего слова «перебив своих офицеров, такая-то часть передалась красным» [14, с. 214].

В приговорах и наказах 1905-1907 гг. крестьяне отвергали реформу Столыпина принципиально и непримиримо. Л.Т.Сенчакова подчеркивает, что в приговорах и наказах нет ни одного, в котором выражалась бы поддержка этой реформы¹⁴. Крестьяне признавали многообразие форм землепользования (общинное, индивидуальное, артельное), но категорически требовали ликвидации помещичьего землевладения без выкупа. Общим было отрицание программы приватизации общинной земли с правом ее купли-продажи. Крестьяне Костромского уезда и губ. писали в марте 1907 г. во II Госдуму об указе, вводящем в действие реформу Столыпина:

«Закон 9 ноября 1906 г. должен быть уничтожен окончательно. Права на земельную частную собственность не должно быть» [31, с. 141].

А в обобщенном приговоре крестьян всей Костромской губ., отправленном в Госдуму в те же дни, говорилось:

«Требовать отмены закона 9 ноября 1906 г., разрешающего выход из общины и продажу надельной земли, так как закон этот через 10-15 лет может обезземелит большую часть населения и надельная земля очутит-

¹³ Это место процитировал Ленин в речи «К вопросу об аграрной политике современного правительства», которую должен был зачитать в Думе большевик-депутат (ему дали зачитать около половины текста).

¹⁴ В начале приговорной кампании местные власти пытались организовать (как правило, через священников) составление верноподданических писем. Эта попытка сразу потерпела неудачу, так как после появления такого письма сразу собирался сход, который требовал от покрививших душой отправителей письма указать фамилии тех, кто, якобы, одобряет политику властей и на кого они ссылались. Если таковых не было, сход требовал от авторов письма гласно в печати от него отказаться, в противном случае ставился вопрос об их исключении «из общества».

ся в руках купцов и состоятельных крестьян-кулаков, а вследствие этого кулацкая кабала с нас не свалится никогда» [там же]¹⁵.

Именно так, как предполагали костромские крестьяне, и пошел процесс скупки земли в ходе реформы. В своих объяснениях неприятия программы Столыпина крестьяне продемонстрировали удивительные по нынешним временам дальновидность и здравый смысл. Вот как обосновал свое несогласие с указом волостной сход Рыбацкой волости Петербургского уезда:

«По мнению крестьян, этот закон Государственной Думой одобрен не будет, так как он клонится во вред неимущих и малоимущих крестьян. Мы видим, что всякий домохозяин может выделиться из общины и получить в свою собственность землю; мы же чувствуем, что таким образом обездоливается вся молодежь и все потомство теперешнего населения. Ведь земля принадлежит всей общине в ее целом не только теперешнему составу, но и детям и внукам.

Всей землей правила вся община и за таковую землю вся община платила подати, несла разного рода повинности и распоряжалась землей, убавляя от многоземельных и прибавляя малоземельным, и потому никто не может требовать себе выдела земли в частную собственность и потому наша волость этого допустить не может. Она не может допустить и мысли, чтобы малосемейные, но многоземельные крестьяне обогащались за счет многосемейных, но малоземельных крестьян... Государственная дума, мы думаем, не отменит общинного владения землей» [31, с. 141-142].

Этот довод против приватизации земли, согласно которому земля есть достояние всего народа и ее купля-продажа нарушает права будущих поколений, в разных вариациях звучит во множестве наказов и приговоров¹⁶. И в разных выражениях крестьяне требуют национализации земли (чаще всего говорится о необходимости создания Государственного фонда). Приговор волостного схода Муравьевской волости Ярославской губ. в I Госдуму (июнь 1906 г.) гласил:

«Мы признаем землю Божьей, которой должен пользоваться тот, кто ее работает; оградите переход земли в одни руки, ибо будет то же, что и теперь – ловкие люди будут скупать для притеснения трудового крестьянства: по нашему убеждению частной собственности на землю допустить невозможно» [31, с. 137].

¹⁵ Указ 9 ноября 1906 г. разрешал свободный выход из общины и закрепление наделной земли в частную собственность. Лев Толстой писал об этом указе: «Крестьяне знают, что все попытки освобождения их от земельного рабства всегда разбивались об закоснелость царского правительства, которое в насмешку над их законными требованиями дало им закон 9 ноября, вносящий только еще новое зло в их отчаянное положение».

¹⁶ Заметим, что в приговорах 1906-1907 гг. речь идет об указе, всего лишь разрешавшем выход из общины и приватизацию наделной земли. А 14 июня 1910 г. вышел жесткий антиобщинный закон, который обязывал разверстать на индивидуальные участки земли общин, в которых с 1861 г. не производились переделы земли. Таких земель, по оценкам историков, было по России примерно 40%. То есть, насильно ликвидировалась почти половина общин.

В июне 1906 г. в I Госдуму был направлен и приговор с. Старой Михайловки Саранского уезда Пензенской губ.:

«Мы желаем, чтобы зло земельной частной собственности покончить в один раз и навсегда, как это нам показала история, что вознаграждение ведет к величайшему обнищанию страны и к непосильному гнету для нас крестьян. У нас у всех в памяти кутузки, продажа скота, заушение со стороны властей, слезы жен и детей, которые оплакивали трудами откормленную скотину и продавали с торгов кулаку за недоимки; мы знаем, что землей владеют только тысячи людей, а безземельных миллионы, а поэтому право и желание должно быть по закону на стороне большинства» [31, с. 136].

Таково было тогда всеобщее представление крестьян о правильном и справедливом способе владения и пользования землей. В преддверии новой попытки приватизации и продажи земли, уже в конце XX века, была предпринята крупная идеологическая кампания по созданию «мифа Столыпина». Тот, чье имя сочеталось со словом «реакция», стал кумиром демократической публики! Ведь дошло до того, что в среде интеллигенции Столыпин стал самым уважаемым деятелем во всей истории России – в начале 90-х годов 41% опрошенных интеллигентов ставили его на первое место. Выше Александра Невского, Петра Великого или Жукова!

Взяв в 1906 г. курс на разрушение общины, приватизацию надельной земли и введение ее свободной купли-продажи, государство пошло напролом против ясно выраженной воли подавляющего большинства народа. Это стало источником глубокой ненависти крестьян и к правительству, и к тем социальным группам, которые поддерживали реформу. И ненависть эта не могла исчезнуть или утолиться без решения земельного вопроса.

Земский деятель либерал Д.Н.Шипов писал:

“...пропасть, отделяющая государственную власть от страны, все растет, и в населении воспитывают чувство злобы и ненависти... Столыпин не видит или, скорее, не хочет видеть ошибочности взятого им пути и уже не может с него сойти” (цит. в [37]).

Возможность разрешиться от этой злобы и ненависти замаячила после Февраля 1917 г., когда Временное правительство объявило столыпинскую реформу «несостоявшейся», а крестьяне явочным порядком стали на местах перераспределять помещичью землю (кстати, что очень важно, оставляя помещикам их «трудовую норму» – как и всем). Но после Октября это равновесие было сломано. На Дону стала формироваться Белая армия, Церковь ее поддержала, и потенциальные противники в гражданской войне начали процесс объединения своих сил. Произошла радикализация позиций обеих сторон, пропасть стала расширяться и углубляться.

Советская власть, как известно, полностью приняла крестьянский наказ, так что община стала основным институтом, проводящим землеустройство – а распределить надо было 150 млн. десятин земли, которую получили крестьяне по Декрету о земле. Автоматически были устранены арендные платежи, величина которых составляла огромную сумму 700 млн. золотых рублей. Это сразу улучшило положение основной массы крестьян-середняков, которые были главными арендаторами. Крестьянам списали задолженность в Крестьянский банк в размере 1,4 млрд. золотых рублей. И эти шаги вовсе не были тактическими, конъюнктурными. Он вытекали из того нового, преодолевающего

догмы марксизма представления о крестьянстве и русской революции, которое созрело в среде большевиков после 1907 г. В 1912 г. ведущий российский экономист М.И.Туган-Барановский подчеркнул:

“Аграрные программы марксистов стали все ближе приближаться к аграрным программам народников, пока наконец между ними не исчезли какие бы то ни было принципиальные различия. И те, и другие почти с одинаковой энергией требовали перехода земли в руки крестьянства... При таком положении дел старые споры и разногласия решительно утрачивают свой смысл. Жизнь своей властной рукой вынула из-под них почву”.

Напротив, в этом процессе белые как «дети Февраля» были вынуждены после Октябрьской революции сдвинуться далеко *вправо* от деклараций и намерений Временного правительства (это выразилось уже во время мятежа генерала Корнилова). Объединяя в своих рядах слишком разношерстную в идеологическом плане публику, белые, как и Временное правительство, взяли на вооружение принцип *непредрешенчества*. Иными словами, они не выдвигали гласно никакой социальной программы на будущее, даже относительно государственного устройства. Но для крестьян и не нужна была никакая писаная программа, чтобы понять намерения белых по тем «знаковым» фигурам, которые присутствовали в армии и обозе белых – казак с урядником, помещик со священником, биржевик с банкиром. Как бы сегодня наша пресса ни расшаркивалась перед этими фигурами, в тот исторический момент они воспринимались крестьянами как символические фигуры угнетения. Это прекрасно видно из всей совокупности наказов и приговоров 1905-1907 гг. Победа белых предвещала крестьянам даже большее бедствие, нежели планы Столыпина.

Относительно либерально-буржуазной компоненты Белого дела позиция крестьян была совершенно устойчивой. Капитализм означал хищническую эксплуатацию крестьянства как «внутренней колонии», и в перспективе - раскрестьянивание и полное обнищание. Эту установку ясно выразил Л.Н.Толстой. В 1910 г. Ленин писал в связи с его смертью:

“Его непреклонное отрицание частной поземельной собственности передает психологию крестьянской массы... Его непрестанное обличение капитализма передает весь ужас патриархального крестьянства, на которого стал надвигаться новый, невидимый, непонятный враг, идущий откуда-то из города или откуда-то из-за границы, разрушающий все “устои” деревенского быта, несущий с собою невиданное разорение, нищету, голодную смерть, одичание, проституцию, сифилис...”.

И главную и прямую угрозу, конечно, представляла для крестьян фигура **помещика-реваншиста**. Угроза эта была для многих даже не экономическая, а прямо-таки смертельная, в буквальном смысле слова. Но экономическая угроза была, разумеется, фактором всеобщим и фундаментальным. М.М.Пришвин записал в дневнике 2 июня 1918 г., сразу после начала гражданской войны:

«В основе психологии крестьянина в настоящее время лежит страх утратить «завоеванную свободу», то есть отнятую у помещиков землю. Передел по живым душам, как он ни гибелен с государственной точки зрения и культурно-технической, - все же дает нечто бесприютному бедняку:

Фекла на прибавке чего, чего не посеяла: и свеклу, и картошку, и всякую всячину, она с радостью дожидается жатвы».

Понятно, что эта Фекла, разобравшись в программе Белого движения, стала его сознательным врагом. А насчет «гибельности передела с государственной точки зрения и культурно-технической», так после того, как крестьяне подкормились и вырастили детей за время НЭПа, была проведена форсированная модернизация сельского хозяйства через создание на базе той же общины крупных предприятий (колхозов). И для этого не пришлось ни возвращать помещиков, ни разделять крестьян на буржуазию и пролетариат. Впервые удалось тогда перейти от трехполья к многопольным севооборотам, высвободить массу рабочих рук для индустриализации и устранить секторный разрыв между промышленностью и сельским хозяйством.

Надо подчеркнуть, что наступление белых означало для крестьян вовсе не *продолжение* тяжелой дореволюционной жизни, а утрату тех завоеваний, которые они получили в ходе революции и которые закрепила в законе Советская власть. И завоевания эти были настолько велики, что хозяйство крестьян не потерпело краха и даже поправлялось в условиях тотальной Гражданской войны – явление в истории беспрецедентное.

Направление изменений видно из сравнения результатов двух сельскохозяйственных переписей – проведенной летом 1917 г. Временным правительством и в конце лета 1919 г. Советским правительством в губерниях, на которые распространялась его власть. Главный результат за эти два года – сокращение числа «беспосевных» крестьян, т.е. бедняков. По 24 губерниям Центральной России число беспосевных снизилось с 11,4 до 6,5%, а в средневожских районах с 9,8 до 3,8%. Число безлошадных снизилось с 28,8 до 25,1% (в Поволжье с 34,9 до 28%). Почти полностью исчез сельскохозяйственный пролетариат (батраки).

Второй результат – разделение больших семей благодаря тому, что крестьянам стали бесплатно доступны лесоматериалы из бывших помещичьих лесов для строительства домов и хозяйственных построек, устройства телег и саней. В результате в целом значительно обновилась жилища и постройки в деревне. Средний размер крестьянской семьи составлял в 1917 г. 6 человек, а в 1919 г. 5,7 человек.

Резко снизилась товарность сельского хозяйства – как из-за ликвидации помещичьих и крупных кулацких хозяйств, развала рынка и транспорта, так и из-за отмены налогов и податей, заставлявших крестьян продавать продукцию. Благодаря этому крестьяне стали сами лучше питаться и смогли увеличить количество скота (хотя при этом сократилось свиноводство, которое было ранее предназначено для поставки свинины в город). Численность лошадей за 1917-1919 г. снизилась всего на 1,6% [38, с. 234-242]. На фоне той катастрофы, которая постигла остальные отрасли народного хозяйства, хозяйство села обнаружило в эти годы поразительную устойчивость, и крестьяне прекрасно понимали, что эта устойчивость обусловлена аграрной политикой советской власти, то есть *красных*. Белые, которые с красными воевали, становились врагами крестьян по самым очевидным и фундаментальным причинам.

Социальное и культурное положение крестьян – объективная предпосылка к войне

Надо сказать, что даже сегодня, когда от деятелей нашей антисоветской интеллигенции приходится слышать, что Россия начала XX века была «процветающей сельскохозяйственной страной», то даже у многих внуков крестьян снова поднимается та ненависть. Я, например, зная от матери реальность жизни крестьянского двора, не могу примириться с такими деятелями, какого бы цвета флагом они над собой ни размахивали.

Давайте же прочитаем хотя бы краткую выжимку из статьи известных экономи-

стов-аграриев Н.Якушкина и Д.Литошенко в самом распространенном в России энциклопедическом словаре 1913 г.:

Новый энциклопедический словарь. Под общ. ред. акад. К.К.Арсеньева. Т.14. СПб.: Ф.А.Брокгауз и И.А.Ефрон, 1913.

«Голод в России. ...Вплоть до середины XIX в. наименее обеспеченными хлебом и наиболее страдавшими от голодовок являются губернии белорусские и литовские... Но уже с середины XIX в. центр голодовок как бы перемещается к востоку, захватывая сначала черноземный район, а затем и Поволжье. В 1872 г. разразился первый самарский голод, поразивший именно ту губернию, которая до того времени считалась богатейшей житницей России. И после голода 1891 г., охватывающего громадный район в 29 губерний, нижнее Поволжье постоянно страдает от голода: в течение XIX в. Самарская губерния голодала 8 раз, Саратовская 9. За последние тридцать лет наиболее крупные голодовки относятся к 1880 г. (Нижнее Поволжье, часть приозерных и новороссийских губерний) и к 1885 г. (Новороссия и часть нечерноземных губерний от Калуги до Пскова); затем вслед за голодом 1891 г. наступил голод 1892 г. в центральных и юго-восточных губерниях, голодовки 1897 и 98 гг. приблизительно в том же районе; в XX в. голод 1901 г. в 17 губерниях центра, юга и востока, голодовка 1905 г. (22 губернии, в том числе четыре нечерноземных, Псковская, Новгородская, Витебская, Костромская), открывающая собой целый ряд голодовок: 1906, 1907, 1908 и 1911 гг. (по преимуществу восточные, центральные губернии, Новороссия)...

Каковы же причины современных русских голодовок? Подвоз хлеба в нуждающиеся местности в XX в. уже не встречает тех затруднений, как в старое время... Причина современных голодовок не в сфере обмена, а в сфере производства хлеба, и вызываются прежде всего чрезвычайными колебаниями русских урожаев в связи с их низкой абсолютной величиной и недостаточным земельным обеспечением населения, что, в свою очередь, не дает ему возможности накопить в урожайные годы денежные или хлебные запасы... По известным расчетам Мареса в черноземной России 68% населения не получают с надельных земель достаточно хлеба для продовольствия даже в урожайные годы и вынуждены добывать продовольственные средства арендой земель и посторонними заработками... Исключительная неустойчивость русских урожаев объясняется, прежде всего, неблагоприятными климатическими условиями... При низкой абсолютной величине урожаев, неустойчивость их, как следствие неблагоприятных климатических условий, является основной причиной наших частых голодовок. Ослабление зависимости крестьянского хозяйства от неустойчивости урожаев является поэтому одним из главнейших способов устранения голодовок. Отчасти наблюдающаяся неустойчивость урожаев, независимо от климатических условий, объясняется низким уровнем земледельческой техники... Но поскольку неустойчивость урожая есть явление, вообще свойственное зерновым культурам, избавить от риска недорода может только интенсификация земледелия, полный или частичный переход к многополью, введение в севооборот разнообразных, по преимуществу промышленных культур. В этом отношении положение крестьянского хозяйства очень медленно изменяется... Для всей массы земледельческого населения России, особенно черноземной полосы, общим фоном по-прежнему остается трех-

польное хозяйство со всеми опасностями экстенсивной зерновой культуры...

С другой стороны, значение неустойчивости зернового хозяйства имеет как будто тенденцию увеличиваться под влиянием вовлечения крестьянского хозяйства в меновой оборот. Из зерновых культур наибольшей абсолютной неустойчивостью урожаев отличаются пшеница и ячмень. Между тем, под влиянием спроса на мировом рынке именно эти хлеба имеют тенденцию расширяться за счет наиболее устойчивых ржи и овса. Внедрение денежных отношений в крестьянское хозяйство оказывает воздействие на народное продовольствие и в других отношениях. Увеличение нужды в деньгах для уплаты налогов, аренды и для удовлетворения собственных потребностей заставляет крестьянина выносить на рынок все большее количество произведений своего хозяйства. В результате на рынок вывозится осенью даже тот хлеб, который затем весной самим же крестьянам приходится выкупать обратно. Вся разница в осенних и весенних ценах ложится на крестьянское хозяйство как следствие такой своеобразной залоговой операции. И поскольку общая совокупность неблагоприятных экономических условий заставляет прибегать к ней все более широкие и менее обеспеченные собственным хлебом группы крестьянских хозяйств, постольку возрастает возможность возникновения острой продовольственной нужды. Еще важнее общее значение перехода крестьянского хозяйства от натурального строя к денежно-меновым отношениям. Прежде всего сокращается значение натуральных хлебных запасов, которые раньше, переходя от урожайных годов к неурожайным, ослабляли силу продовольственной нужды... Подводя итоги, можно сказать, что русские голодовки являются следствием неблагоприятного сочетания общественных, экономических и климатических условий».

В одной недавней книге о реформе Столыпина подмечена красноречивая деталь. Автор, А.Г.Купцов, пишет:

«Когда началась подготовка к реставрации капитализма в СССР, то из всех библиотек стали исчезать книги о голоде в России и о питании народа. Я приведу ряд названий, но половина из них исчезла из основного фонда даже в Ленинке, правда, они остались в каталоге (думаю, после «ремонта» Ленинки они исчезнут и оттуда».

Далее автор приводит список из 21 книги [36, с. 54].

Во время перестройки С.Говорухин написал книгу и снял фильм «Россия, которую мы потеряли». Он, по-моему, прекрасно показывает (сам того не понимая) истоки ярости крестьян, которая прорвалась во время гражданской войны. Вот, С.Говорухин дает описание витрины Елисеевского магазина: «Жирные остендские устрицы, фигурно сложенные на слое снега, огромные красные омары и лангусты». И тут же - крик боли за поруганную большевиками родину, лишенную омаров: «Ну, хватит, наверное. Похоже на издевательство над нашим человеком» (непонятно, правда, чем же плох для «белого» режиссера Чубайс - ведь при нем опять повезли в Москву жирных устриц). Какой же вывод делает сценарист из списка цен и доходов? Что Россия в целом якобы

была благополучным обществом, а втянувшиеся в революцию рабочие, которые на свою зарплату могли зажрать (мясо - 15 коп. фунт), взбесились с жиру¹⁷.

Взвесим реальность более верными гириями. Мясо было по 15 коп. фунт, но 40% призывников впервые пробовали мясо в армии. В результате реформы Столыпина и расширения экспорта зерна существенно сократилось животноводство и повысились цены на мясо. В статье «Обзор мясного рынка» («Промышленность и торговля», 1910, № 2) сказано: «Все увеличивающаяся дороговизна мяса сделала этот предмет первой необходимости почти предметом роскоши, недоступной не только бедному человеку, но даже и среднему классу городского населения». А крестьяне ели мяса намного меньше, чем в городе. Именно из-за недостаточного потребления белковых продуктов и особенно мяса жители Центральной России стали в начале XX века такими низкорослыми. В Клинском уезде московской губ. в 1909 г. мужчины к окончанию периода роста – 21 году – имели в среднем рост 160,5 см, а женщины 147 см. Более старшее поколение было крупнее. Мужчины 50-59 лет в среднем имел рост 163,8 см, а женщины 154,5 см [36, с. 136, 152].

С.Говорухин свои данные для фильма взял из вышедшей в Париже книги о России какого-то Эдмона Тэри. Он о Льве Толстом не слышал? Хлеб - по 3 коп. фунт - ах, какая счастливая Россия! Почему же, как писал Л.Н.Толстой, в России голод наступает не когда хлеб не уродился, а когда не уродилась лебеда? Хотя бы потому, что скудно пропитать избу обходилось крестьянину в 20 рублей, а денег у него не было. Вот, объехал Толстой четыре черноземных уезда Тульской губернии, обошел почти все дворы. В статье «О голоде» он пишет:

«Употребляемый почти всеми хлеб с лебедой, - с 1/3 и у некоторых с 1/2 лебеды, - хлеб черный, чернильной черноты, тяжелый и горький; хлеб этот едят все, - и дети, и беременные, и кормящие женщины, и больные... Чем дальше в глубь Богородицкого уезда и ближе к Ефремовскому, тем положение хуже и хуже... Хлеб почти у всех с лебедой. Лебеда здесь невызревшая, зеленая. Того белого ядрышка, которое обыкновенно бывает в ней, нет совсем, и потому она несъедобна. Хлеб с лебедой нельзя есть один. Если наестся натоцка одного хлеба, то вырвет. От кваса же, сделанного на муке с лебедой, люди шалеют. Здесь бедные дворы доедали уже последнее в сентябре. Но и это не худшие деревни. Вот большая деревня Ефремовского уезда. Из 70-ти дворов есть 10, которые кормятся еще своим».

Каков же главный вывод Толстого? В том, что причина - *неправильное устройство жизни*:

¹⁷ В своем сценарии С.Говорухин пошел, кстати, на обычное для антисоветской пропаганды вранье. Он пишет о зарплате рабочих: «Слесарь получал 74 руб. в месяц, профессиональный рабочий – 344 руб.». (слесарей режиссер считает рабочими-любителями). В действительности имеется надежная статистика номинальной и реальной (в «товарных» рублях) зарплаты рабочих, включая сверхурочную работу, по 20 отраслям промышленности. Данные эти, в частности, приведены в работе Б.Грава «Состав рабочего класса и заработная плата в России в годы войны», перепечатанной в книге «Экономическое развитие России» (1928 г.). Согласно этим данным, «номинальный месячный заработок в бумажных рублях» составлял для фабрично-заводских рабочих в среднем для России в 1913 г. 22 рубля. Реальная зарплата «в товарных рублях» во втором полугодии 1916 г. составляла 85% от уровня 1913 г. Но даже и в бумажных рублях она выросла всего до 45 руб. Какие там 344 рубля!

«Всегда и в урожайные годы бабы ходили и ходят по лесам украдкой, под угрозами побоев или острога, таскать топливо, чтобы согреть своих холодных детей, и собирали и собирают от бедняков кусочки, чтобы прокормить своих заброшенных, умирающих без пищи детей. Всегда это было! И причиной этого не один нынешний неурожайный год, только нынешний год все это ярче выступает перед нами, как старая картина, покрытая лаком. Мы среди этого живем!».

Вот именно отсюда жирные остендские устрицы, и в этом - суть той больной России, о которой мечтает С.Говорухин. И Толстой, как зеркало русской революции, так прямо и сказал: «Народ голоден оттого, что мы слишком сыты». И суть России в том, что это сказал и объяснил великий писатель, граф. А профессиональные рабочие, которые на месячную зарплату могли купить по тонне мяса, его поняли и устроили революцию. Они посчитали, что эта жизнь - против совести. А Говорухину именно это в русских рабочих и не нравится, а нравятся омары. Толстой же и объясняет, почему русским нельзя жить, высасывая соки из большинства народа:

«Нам, русским, это должно быть особенно понятно. Могут не видеть этого промышленные, торговые народы, кормящиеся колониями, как англичане. Благосостояние богатых классов таких народов не находится в прямой зависимости от положения их рабочих. Но наша связь с народом так непосредственна, так очевидно то, что наше богатство обуславливается его бедностью, или его бедность нашим богатством, что нам нельзя не видеть, отчего он беден и голоден».

Революция, как бы она ни была ужасна, была именно спасением корня России - грубо, жестоко совершенным, почти без помощи культурного слоя (он только науськивал). Потому что дело шло именно к гибели - «сильным» захотелось сделаться как англичане. Давайте же прислушаемся к Толстому, взглянемся в *зеркало революции*.

Чтобы хоть приблизительно представить себе, как питались в предреволюционные (довоенные) годы рабочие и крестьяне России, можно сравнить их рацион с тем, которые мы еще приблизительно помним и который, кстати, считался скудным – с рационом 1986 г. Если вчитаться в следующую ниже таблицу, то видно, что разница колоссальная. Не чуть-чуть меньше мяса, молока и сахара, а меньше **во много раз**, чем то, что мы считаем нормальным (и даже недостаточным) для человека. Тем более для человека, занятого тяжелым физическим трудом.

Таблица. Потребление продуктов питания в семьях рабочих и крестьян в дореволюционный период и в 1986 г. (по материалам обследования семейных бюджетов; на душу населения в год, кг)*

	Рабочие		Крестьяне (колхозники)	
	До революции	1986	До революции	1986
Мясо и мясопродукты	22,5	82,2	14,9	58,7
Молоко и молочные продукты	87,0	340,9	107,0	350,7
Яйца, шт.	53	277	33	294
Рыба и рыбопродукты	14,5	21,2	5,5	14,8
	9,4	35,3	3,0	41,3

Сахар	90,2	92,1	77,7	142,9
Картофель	41,0	82,5	25,5	96,1
Овощи и бахчевые	174,3	87,2	256,0	150,1
Хлебные продукты				

* *Примечание.* Сравниваются семейные бюджеты семей рабочих городов Петербурга (Ленинграда), Ногинска и Фурманова, крестьян (колхозников) Вологодской, Кировской, Воронежской и Харьковской областей [39].

Тяжелое материальное положение крестьян в начале XX века породило острую *духовную* проблему. Толстой не раз писал, что к этому времени произошло знаменательное и для правящих кругов неожиданное повышение нравственных запросов крестьянства. Он обращал внимание на то, что крестьяне вдруг перестали выносить телесные наказания, это стало для них нестерпимой нравственной пыткой, так что стали нередки случаи самоубийства из-за этих наказаний. Наказы и приговоры крестьян, затрагивающие темы человеческого достоинства, поражают своим глубоким эпическим смыслом – сегодня, в нашей нынешнем моральном релятивизме, даже не верится, что неграмотные сельские труженики на своих сходах могли так поставить и сформулировать вопрос.

Крестьяне России переросли сословное устройство общества, они обрели именно *гражданское* чувство. Судя по многим признакам, оно им было присуще даже в гораздо большей степени, нежели привилегированным сословиям. 12 июля 1905 г. крестьяне с. Ратислова Владимирской губ. составили приговор, в котором содержался такой пункт:

«Третья наша теснота – наше особое, крестьянское положение. До сих пор смотрят на нас, как на ребят, приставляют к нам няnek, и законы-то для нас особые; а ведь все мы члены одного и того же государства, как и другие сословия, к чему же для нас особое положение? Было бы гораздо справедливее, если бы законы были одинаковы, как для купцов, дворян, так и для крестьян равным образом и суд был бы одинаков для всех» (2, с. 251).

Когда читаешь эти приговоры и наказания в совокупности, то видишь, что революция означала для крестьян переход в качественно иное духовное состояние. Их уже нельзя было удовлетворить какими-то льготами и «смягчениями» - требование свободы и гражданских прав приобрело экзистенциальный, духовный характер, речь велась о проблеме бытия, имевшей даже религиозное измерение. *«Желаем, чтобы все перед законом были равны и назывались бы одним именем – русские граждане».* Приговор схода крестьян дер. Пертово Владимирской губ., направленного во Всероссийский крестьянский союз (5 декабря 1905 г.) гласил:

«Мы хотим и прав равных с богатыми и знатными. Мы все дети одного Бога и сословных различий никаких не должно быть. Место каждого из нас в ряду всех и голос беднейшего из нас должен иметь такое же значение, как голос самого богатого и знатного» (2, с. 252).

В очень большом числе наказов крестьяне подчеркивали, что свобода (или воля) для них важна в той же степени, что и земля: «без воли мы не сможем удержать за собой и землю». В наказе Иванцевского сельского общества Лукояновской вол. Нижегородской губ. во II Госдуму (апрель 1907 г.) говорилось:

«Мы прекрасно знаем, что даже если мы добьемся земли, подоходного налога, всеобщего обязательного дарового обучения и замены постоянного войска народным ополчением, все-таки толку будет мало, потому что правительство может все это от нас снова забрать. Поэтому нам необходима широкая возможность защищать наши права и интересы. Для этого нам надо, чтобы была предоставлена полная свобода говорить и писать в защиту своих интересов и в обличение всякой неправды властей и мошенничеств богачей, свободно устраивать собрания для обсуждения наших нужд, составлять союзы для защиты наших прав. Требуя полной воли, мы желаем, чтобы никто в государстве не мог быть посажен в тюрьму по усмотрению властей, не мог быть подвергнут обыску без дозволения суда – словом, чтобы была полная неприкосновенность личности и жилища всех граждан. А чтобы судьи были справедливы, не потакали властям и в угоду им не притесняли граждан обысками и арестами, мы требуем, чтобы они не были подвластны начальству: пусть их выбирает весь народ и пусть за неправомерные дела их можно привлекать по суду» (2, с. 256).

Таким образом, в отличие от того, что приходилось слышать во время перестройки от наших либеральных идеологов (например, А.Н.Яковлева), понимание воли у крестьян вовсе не было архаичным. В нем, конечно, отвергалась идея разделения человечества на «атомы» (*индивиды*), представление о человеке было общинным, но это представление вполне вмещало в себя гражданскую концепцию прав и свобод. Здесь можно провести аналогию с мыслью А.В.Чаянова о том, что сложная структура процесса в некапиталистическом хозяйстве крестьянского двора имеет под собой политэкономическое обоснование, относящееся к теории рыночной экономики («хрематистике») примерно как геометрия Лобачевского к геометрии Эвклида. В рамках мироощущения традиционного общества крестьяне России в начале XX века имели развитые и одинаково понимаемые в пределах России представления о гражданских свободах. Вот что сказано в принятом 31 июля 1905 г. приговоре Прямухинского волостного схода Новоторжского уезда Тверской губ.:

«Крестьяне давно бы высказали свои нужды. Но правительство полицейскими средствами, как железными клещами, сдавило свободу слова русских людей. Мы лишены права открыто говорить о своих нуждах, мы не можем читать правдивое слово о нуждах народа. Не желая дольше быть безгласными рабами, мы требуем: свободы слова, печати, собраний» (2, с. 254).

Как известно, правящая верхушка в то время категорически отвергла требование введения бессословности. Было вполне правильно понято, что это изменение «сознательно или бессознательно» ведет Россию к ликвидации монархии и установлению республиканского строя, ибо именно сословность является одной из важнейших опор монархии.

Падение монархии в феврале 1917 г. во многом и было предопределено тем, что крестьяне необратимо отвергли сословное разделение (и в равной мере – классовое). Понятно, что когда на политической сцене возникло вооруженное Белое движение, в котором ожила, даже в акцентированной форме, идея сословной «белой» России, это толкнуло страну к гражданской войне.

Современные исследования массового сознания крестьян, проведенные путем изучения большого массива документов 1905-1907 гг. (наказов, приговоров и петиций),

подводят нас к важному выводу о методологических причинах того разрыва внутри революционного социалистического движения, который и привел к трагедии Гражданской войны. Сейчас эти причины видятся таким образом.

Революционная интеллигенция, которая выработывала идеологию, стратегию и тактику русской революции, получила европейское образование и в начале XX века находилась под сильнейшим влиянием марксизма. Во время идейной борьбы с народниками (и тем более с «реакционными» славянофилами) *евроцентризм*, присутствовавший в марксизме, был во взглядах русских интеллигентов-революционеров усилен и даже гипертрофирован по сравнению со взглядами самого Маркса¹⁸.

Согласно тому видению истории, которое было принято в историческом материализме и исходило из представления о «столбовой дорожке цивилизации» как смене социально-экономических формаций, на той стадии развития, на котором находилась Россия, революционным классом должна была быть буржуазия и помогающий ей пролетариат (как «производное» от буржуазии). Именно они рассматривались как носители прогресса и модернизации. Главной задачей революции в России, которая, следовательно, могла быть только буржуазной, являлась *демократизация* – свержение монархии, устранение сословных перегородок, ликвидация барьеров на пути свободного развития капитализма в деревне и городе. В такой революции крестьянство как консервативная монархическая сила, опора традиционного общества, виделось противником главных устремлений революции.

Над интеллигенцией довлели западная концепция *гражданского общества* и образ Великой французской революции. Суть этой концепции была такова. Только свободные граждане, преодолевшие общинность и «азиатчину» (а таковыми на данном этапе представлялись буржуазия и пролетариат), могли быть субъектами революций. И аристократия, и крестьяне, эти носители традиционного сознания, были реакционны. В лучшем случае крестьянство могло стать «попутчиком» революции и ее «материалом». Впоследствии, когда крестьянство будет разложено на сельскую буржуазию и сельский пролетариат, а капитализм в России исчерпает возможности служить мотором развития производительных сил, созреют условия для социалистической пролетарской революции. В такой схеме и в таких категориях мыслили все течения социалистической мысли.

Ленин первый перешел к принципиально иной модели, объясняющей природу русской революции и места в ней крестьянства. Но и он «приходил к ленинизму» трудно, с отступлениями и противоречиями. Нового категориального языка не возникло, традиционное сословное российское общество считалось архаичным и противопоставлялось гражданскому обществу. Такое видение сохранилось и сегодня, и наши нынешние либералы и демократы недалеко ушли в этом от кадетов и меньшевиков.

Между тем, и в категориях гражданского общества можно было всем социалистам найти общую платформу и избежать предоктябрьского раскола. Точнее, добиться отхода основной массы искренних социалистов, эсеров и меньшевиков, от масонской верхушки их партий. В этом случае не произошло бы Гражданской войны и не было бы массовых репрессий 30-х годов. Что же этому помешало?

В той модели российского общества, которая господствовала в интеллигентском сознании накануне 1917 г., была искажена *мера*. Политическое кипение столиц и университетов скрывало состояние «молчаливой» массы крестьян, и вследствие этого зна-

¹⁸ Иногда говорят, что сам Маркс в конце жизни был бóльшим славянофилом, чем русские марксисты. Дело дошло до того, что ортодоксальные русские марксисты подвергли цензуре Маркса. Так, Плеханов и Засулич и Аксельрод решили не предавать огласке письмо Маркса Вере Засулич, в котором он излагает свои взгляды на крестьянскую общину в России как базу революции и социалистического развития.

чение сословности общества было резко преувеличено. Между тем, в социальном, культурном, мировоззренческом отношении крестьяне и рабочие, которые представляли собой более 90% жителей России, являлись единым народом, не разделенным никакими сословными и классовыми перегородками. Это был *уникальный исторический момент*, благодаря которому и стала возможна первая реализация проекта солидарного жизнеустройства. Нынешнее его отступление в России, каким бы болезненным оно ни было, есть явление временное.

Этот единый народ рабочих и крестьян и был *гражданским обществом* России. Это было именно ядро всего общества, составленное из свободных граждан, имеющих сходные идеалы и интересы. Оно было отлично от западного гражданского общества тем, что представляло из себя *Республику трудящихся*, в то время как ядро западного общества представляло собой *Республику собственников*. Сословные «оболочки» российского общества (дворяне, буржуазия, чиновничество) утрачивали жизненные силы и даже в краткосрочной перспективе должны были занять подчиненное положение, как это и произошло поначалу в советское время.

В ходе революции 1905-1907 гг. русские рабочие и крестьяне обрели столь сильно выраженное гражданское чувство, что стали *народом* даже в том смысле, какой придавали этому слову якобинцы – революционным народом, спасающим Отечество. Более того, это «русское гражданское общество» было очень развитым и в смысле внутренней организации. Если на Западе после рассыпания общин и превращения людей в «свободные атомы» потребовалось около двух веков для того, чтобы из этой человеческой пыли начали складываться *ассоциации* для ведения борьбы за свои права и интересы (партии, профсоюзы и т.д.), то Россия эти структуры унаследовала от своей долгой истории.

Такой структурой, принимавшей множественные и очень гибкие формы, была *община*, пережившая татарское иго и феодализм, абсолютизм монархии и наступление капитализма. Маркс замечательно уловил эту роль русской общины, но не успел развить эту важную мысль. Соединение граждан огромного революционного народа в общины сразу создавало организационную матрицу и для государственного строительства и самоуправления, и для поиска хозяйственных форм с большим потенциалом развития.

Не в вялой русской буржуазии, которая уже не могла повторить рывка «юной» буржуазии Запада, и не в мифической «пролетариате», собственнике и продавце рабочей силы, какого в России и в помине не было, следовало эсерам и меньшевикам видеть субъекта русской революции, а в этом огромном и едином *народе*, носителе гражданского сознания. Если так, то и не следовало им считать Октябрь контрреволюцией и начинать против этого народа свою обреченную на поражение гражданскую войну. Но так не получилось.

После 1905 г. крестьяне стали нетерпимы и к привычным ранее издевательствам начальников – короткий миг революционного разрыва с господствующими кругами преобразил представление крестьян о самих себе. Вот приговор из Арзамасского уезда Нижегородской губ. в губернское земское собрание:

«Мы, крестьяне села Криуши, не желаем, чтобы над нами и нашим старостой издевались разные стражники, урядники и господа земские начальники; чтобы они то и дело сажали в каталажку (не за то ли, что с нас жалованье получают, что мы на них работали, не зная отдыха ни зимой, ни летом, не имея часто денег на самые необходимые нужды, даже на керосин), они же грозят казаками» (1, с. 193).

Особой причиной для назревания ненависти крестьян (как и рабочих и особенно интеллигенции) была *образовательная* политика государства. В целом, под давлением

наступающего на Россию капитализма западного типа, правящая верхушка в начале XX века взяла курс на создание школы «двух коридоров» по западному образцу. Иными словами, на превращение школы, выполняющей роль «культурного генетического аппарата» общества и имеющей целью воспроизводство народа, в школу, «производящую» классы (см. подробнее [40]). В своих заметках «Мысли, подлежащие обсуждению в Государственном совете» Николай II пишет:

«Средняя школа получит двойное назначение: меньшая часть сохранит значение приготовительной школы для университетов, большая часть получит значение школ с законченным курсом образования для поступления на службу и на разные отрасли труда».

Царь к тому же был одержим идеей уменьшить число студентов и считал, что такая реформа школы сократит прием в университеты [41]. Николай II требовал сокращения числа «классических» гимназий - как раз той школы, что давала образование «университетского типа». Он видел в этом средство «селекции» школьников, а потом и студентов, по сословному и материальному признакам - как залог политической благонадежности¹⁹. Царь был противником допуска в университеты выпускников реальных училищ, более демократических по составу, чем гимназии. Когда военный министр А.Н.Куропаткин подал предложение принимать «реалистов» на физико-математические факультеты как лучше подготовленных по этим предметам, нежели гимназисты, царь ответил отказом.

Однако в отношении крестьян образовательная политика царского правительства поражает своим дискриминационным характером. Крестьян-общинников, которые получали образование, согласно законодательству, действовавшему до осени 1906 г., исключали из общины с изъятием у них надельной земли. Крестьянин реально не мог получить даже того образования, которое прямо было ему необходимо для улучшения собственного хозяйства – в земледельческом училище, школе садоводства и др., поскольку окончившим курс таких учебных заведений присваивалось звание *личного почетного гражданства*. Вследствие этого крестьянин формально переходил в другое сословие и утрачивал право пользования надельной землей. Лишались такие крестьяне и права избирать и быть избранными от крестьянства. Как пишет Л.Т.Сенчакова, «понятие *образованные крестьяне* выглядело логическим абсурдом: одно из двух – или образованные, или крестьяне» (1, с. 180).

Содержание сельских школ (земских и церковно-приходских) почти целиком ложилось на плечи самих крестьян (помещение, отопление, квартиру учителю, сторож), а уровень обучения был очень низким. В приговоре в I Госдуму схода Спасо-Липецкого сельского общества (Смоленская губ., 4 июня 1906 г.) говорилось:

«Страдаем мы также от духовной темноты, от невежества. В селе у нас есть церковная школа, которая ничего населению не приносит. Обучение же в ней с платой (за каждого ученика вносится 1 р. денег и воздров, а также натурой). Те скудные знания, которые дети получают в школе, скоро забываются. О библиотеках и читальнях и помину нет» (1, с. 185).

¹⁹ Министр просвещения Г.Э.Зенгер в 1902 г. с большим трудом отговорил царя от приведения числа гимназий в соответствие с числом студентов в университетах, приведя как довод, что «недовольство достигло бы больших пределов».

Более того, в среде крестьян сложилось устойчивое убеждение, что правящие круги злонамеренно препятствуют развитию народного просвещения и образования. В приговоре в I Госдуму схода крестьян с. Воскресенского Пензенского уезда и губ. (июль 1906 г.) сказано:

«Все начальники поставлены смотреть, как бы к мужикам не попала хорошая книга или газета, из которой они могут узнать, как избавиться от своих притеснителей и научиться, как лучше устраивать свою жизнь. Такие книги и газеты они отбирают, называют их вредными, и непокорным людям грозят казаками» (там же).

Вот еще маленький штрих: крестьяне стали глубоко переживать тот факт, что их детям приходилось в раннем возрасте выполнять тяжелую полевую работу. Так, в заявлении крестьян д. Виткулово Горбатовского уезда Нижегородской губ. в Комитет по землеустроительным делам (8 января 1906 г.) сказано:

«Наши дети в самом нежном возрасте 9-10 лет уже обречены на непосильный труд вместе с нами. У них нет времени быть детьми. Вечная каторжная работа из-за насущного хлеба отнимает у них возможность посещать школу даже в продолжение трех зим, а полученные в школе знания о боге и его мире забываются, благодаря той же нужде» (там же).

Мой дед был казак-бедняк из Семиречья, у него было семеро детей. Мать рассказывала, что старшим приходилось работать с отцом в поле уже с 5-6 лет. Детский организм не выдерживает длительного труда, даже если он кажется не таким уж тяжелым – целый день присматривать за младшими, пока мать в поле. К концу дня дети навзрыд плакали просто от усталости – и отец их плакал над ними. Так же было дело и с их сверстниками на соседних полях. Это постоянное горе крестьян подготовило их к гражданской войне – изменить это положение стало их нравственным и даже религиозным долгом.

Последние тридцать лет я с весны до глубокой осени живу в деревне. Как резко изменилась жизнь деревенских детей с разрушением колхозно-совхозной системы, которую так ненавидели и демократы, и антисоветские патриоты. Дети колхозников имели время *быть детьми* – играли, учились, бегали на речку и чувствовали себя в надежном гнезде. Теперь я вижу сыновей фермера, которому повезло забрать из совхоза два старых трактора (на конец 1999 г. в расчете на 100 фермерских хозяйств в РФ имелось 76 тракторов). Сыновья-подростки работают до темноты. Взрослые, чтобы «подкрепить силы», дают 12-летнему мальчику водки, и он едет на тракторе пьяный. Старый трактор часто глохнет, а мальчик, с трудом двигаясь, никак не может его завести. Пусть новые «хозяева жизни» не надеются, что этот мальчик, когда вырастет, не припомнит им своего детства. А если не он, так его сын.

Но вернемся к времени вызревания той Гражданской войны. Именно наличие *порочного круга*, а не просто тяжелые материальные условия жизни, создавало ощущение безысходности, что стало в России причиной такой специфической социальной болезни как *алкоголизм*. В начале XX века русскими врачами и социологами было проведено несколько больших исследований алкоголизма в России. Их результаты приведены в статье социолога Ф.Э.Шереги [42]. Тогда пресса говорила о «вырождении русского народа» по причине «массовых недородов, алкоголизма, сифилиса». Согласно официальной статистике, из 227158 призывников 1902-1904 гг. по причине «наследственного алкоголизма» было выбраковано 19,5%.

Отягощенная в результате алкоголизма наследственность была причиной широкого распространения среди призывников таких заболеваний: золотушное худосочие - 15,5%, идиотизм и сумасшествие - 9,3%, глухота и глухонмота - 10,6%, «грудь узкая и рахитичная» - 19,2%, хроническое воспаление легких - 17,2%, хронический катар - 23,2%. В 1909 г. в Московской губернии до 20 лет доживали менее трети родившихся! В Петербурге в 1911 г. в расчете на 100 тыс. жителей было 35,1 смертных случаев на почве алкогольного отравления (в 1923 г. таких случаев было только 1,7).

В вышедшей в 1909 г. книге “Алкоголизм и борьба с ним” ее редактор М.Н.Нижегородцев писал:

“Первая коренная группа причин алкоголизма масс заключается в условиях экономических (отрицательные стороны капиталистического строя и аграрных условий), санитарно-гигиенических (пища, жилище и пр.), правовых и нравственных в более тесном смысле слова (недовольство своим личным, гражданским и политическим положением)”.

Историки, а тем более нынешние идеологизированные публицисты избегают говорить о том глубоком нравственно-психологическом кризисе, который повлекла за собой реформа, превратившаяся в насильственное разрушение крестьянской общины как центра жизнеустройства. Ведь одной из важных функций общины было служить инстанцией, задающей в деревне иерархию авторитетов и культурных норм, налагающей быстрые и непререкаемые санкции за нарушение этих норм крестьянского общежития. Разрушение общины при одновременном быстром и глубоком обеднении масс населения вызвало вспышку массового насилия и создало «субстрат» для будущей гражданской войны в ее самом страшном «молекулярном» измерении. Журнал “Нива” писал в 1913 г. о неведомой ранее тяжелой социальной болезни России – деревенском **хулиганстве**:

“О том, что такое хулиганство и каковы его корни, не имеют даже приблизительного представления ни публицисты, которые пишут громовые статьи, ни администраторы, сочиняющие о нем канцелярские проекты. И те, и другие называют хулиганство чисто деревенским озорством. Но это озорство убийц и разрушителей, оперирующих ножом и огнем. В буйных проявлениях своих оно связано с абсолютным отсутствием каких бы то ни было нравственных и гражданско-правовых условий. Ничто божественное и человеческое уже не сдерживает...”

Несомненно, во всероссийском разливе хулиганства, быстро затопляющего мутными, грязными волнами и наши столицы, и тихие деревни, приходится видеть начало какого-то болезненного перерождения русской народной души, глубокий разрушительный процесс, охватывающий всю национальную психику. Великий полторастамиллионный народ, живший целые столетия определенным строем религиозно-политических понятий и верований, как бы усомнился в своих богах, изверился в своих верованиях и остался без всякого духовного устоя, без всякой нравственной опоры. Прежние морально-религиозные устои, на которых держалась и личная, и гражданская жизнь, чем-то подорваны... Широкий и бурный разлив хулиганства служит внешним показателем внутреннего кризиса народной души” [43].

Деморализация общества, вызванная подрывом традиционных оснований жизни большинства населения была столь глубока, что видный деятель земства Д.Н.Шипов считал даже, что революция стала необходимой для возрождения общества, и чем ско-

рее она произойдет, тем менее разрушительной станет. И так думал не только либерал Шипов. В июне 1905 г. в Петербурге прошло совещание 26 губернских предводителей дворянства, которое поддержало требования земцев о проведении конституционных реформ. В записке, поданной царю, содержалась важная и глубокая мысль:

«Роковое стечение обстоятельств таково, что, если бы удалось силою отсрочить революцию, не устранив ее причин, каждый месяц такой отсрочки отозвался бы в грядущем несоразмерным усилением ее кровавой беспощадности и безумной свирепости» [8, с. 156].

Революция 1905-1907 гг. была лишь первой пробой сил. Она не достигла всех своих целей, но стала «университетом» для рабочих и крестьян. Никакой подавленности и униженности во взглядах крестьян после поражения революции не наблюдается – они именно рассматривают будущую гражданскую войну как трагическую, но все более неизбежную альтернативу. И в этом нет никакого чувства мести, а осознание того, что у народа, видимо, не будет иного пути, как «временно впасть в пучину бедствий». Наказ крестьян с. Никольского Орловского уезда и губ. в I Госдуму (июнь 1906 г.) гласит:

«Если депутаты не истребуют от правительства исполнения народной воли, то народ сам найдет средства и силы завоевать свое счастье, но тогда вина, что родина временно впадет в пучину бедствий, ляжет не на народ, а на само слепое правительство и на бессильную думу, взявшую на свою совесть и страх действовать от имени народа» [44, с. 271].

Назревание гражданской войны и Церковь

В механизме раскачивания или, наоборот, блокирования гражданских войн огромную роль играют религиозные воззрения и церковь. Это мы можем видеть и сегодня. Разумеется, в моменты острого кризиса религиозные противоречия всегда оказываются сопряженными с социальным антагонизмом и политическими интересами, но они используются противоборствующими силами как знамя, оказывающее сильное эмоциональное воздействие. Л.Н.Гумилев писал в книге «Этносфера. История людей и история природы», что «религиозные воззрения и разногласия сами по себе не повод для раздоров и истребительных войн, но часто являются индикатором глубоких причин, порождающих грандиозные исторические явления».

К несчастью, в России Церковь не смогла ни остановить, ни затормозить раскол народа и созревание взаимной ненависти в расколотых частях. Но и без прямых конфликтов напряженность в отношениях церкви и крестьянства нарастало. Прежде всего потому, что в ходе общего обеднения крестьян содержание духовенства и налоги на церковь становились для крестьян все более тяжелым бременем. Приведем для иллюстрации несколько приговоров сельских и волостных сходов, посвященные взаимоотношениям с церковью.

Село Казаково Арзамасского уезда Нижегородской губ. (2 ноября 1905 г.):

«Священники только и живут поборами, берут с нас яйцами, шерстью, коноплями, и норовят, как бы почаще с молебнами походить за деньгами, умер - деньги, родился – деньги, исповедовался – деньги, женился – деньги, берет не сколько даешь, а сколько ему вздумается. А случится год голодный, он не станет ждать до хорошего года, а подавай ему последнее, а у самого 33 десятины земли и грех бы было – хлебом-то брать, строй ему

дом за свой счет на последние крохи, не построишь и служить не станет»
[31, с. 188].

Приговор крестьян Макарьевского уезда Нижегородской губ. в Государственную думу (апрель 1906 г.):

«Все крестьяне втихомолку обижаются на церковный притч... Теперьшние священники для крестьян чужды, они не ездят к крестьянам в деревни крестить детей, за венчание берут сколько хотят, берут деньги себе за праздничные молебны в церкви, а также и за похороны... Все это крестьян – людей темных – возмущает. Церкви строили наши прадеды, а распоряжаются всецело приезжие люди» (там же).

Сход крестьян д. Борвики Поречского уезда Смоленской губ. – в Трудовую группу Госдумы (июнь 1906 г.):

«Близкий нашему деревенскому люду человек, священник, и тот выколачивает с нас по полторы да по две десятки за похороны, за венец, не говоря о бесконечных колядах» [31, с. 189].

А сход крестьян Рибшевской волости того же уезда написал в июне 1906 г.:

«Церковные служители, священники тащут с бедного крестьянина за похороны 7-10 рублей, за венец от 10 до 25 рублей, за молебны само-собой и т.п., требуют плату с живого и мертвого. Спрашивается, где же бедному крестьянину оплатить все, когда он лишь в силах отбыть казенные повинности, а тут пан и священник. Так вот и живешь, все время мучаешься, как несли рабство наши предки и отцы» (там же).

Здесь приведены размеры платы за «требы», и чтобы оценить их, надо напомнить, что питание крестьянина в среднем составляло **около 20 руб. в год**. Кроме того, следует подчеркнуть, что антицерковные настроения еще не означали отхода от религии – требования крестьян в отношении церкви являются прежде всего политическими, а не духовными. Напротив, во многих приговорах подчеркивается отрицательное влияние существующего положения церкви на религию. Так, сход крестьян дер. Суховерово Кологривского уезда Костромской губ. записал в апреле 1907 г. в наказе во II Государственную думу:

«Назначить духовенству определенное жалованье от казны, чтобы прекратились всяческие поборы духовенства, так как подобными поборами развращается народ и падает религия» [31, с. 203].

Другая причина антицерковных настроений была прямо связана с активным участием духовенства в политической борьбе. В начале XX века Церковь стала по сути частью государственной машины Российской империи, что в условиях назревающей революции послужило одной из причин падения ее авторитета в массе населения (что прямо не связано с проблемой религиозности). Поэтому, кстати, полезно вспомнить, что кризис Церкви в начале века вовсе не был следствием действий большевиков-атеистов. Он произошел раньше и связан именно с позицией Церкви в момент разрушительного вторжения капитализма в русскую жизнь. Начиная с 1906 г. из епархий в Синод

стал поступать поток донесений о массовом отходе рабочего люда от церкви. В 1906 г. один из сельских сходов направил в Государственную Думу свое решение закрыть местную церковь, так как «если бы был Бог, то он не допустил бы таких страданий, таких несправедливостей».

Государство на излете монархии подмяло под себя Церковь, а когда само государство вошло в конфликт с крестьянством, подавляющим большинством населения, оно втянуло в этот конфликт и духовенство. Политизация Церкви в периоды обострения революционного движения носила односторонний характер – с амвона неслись призывы к послушанию власти. Выступления против нее предавались анафеме, поэтому там, где крестьяне склонялись к поддержке революционного движения, неизбежно возникал их конфликт с церковью. Священники, которые сами присоединялись к требованиям крестьян (несколько из них даже были избраны от крестьян в Государственную думу и входили во фракцию трудовиков), были лишены сана.

В начале века обозначился и явный отход от официальной церкви интеллигенции. Таким образом, к моменту острого кризиса монархии в 1917 г. авторитет Церкви в активной части населения был невысок. Согласно отчетам военных духовников, когда в 1917 г. Временное правительство освободило православных солдат от обязательного соблюдения церковных таинств, процент причащающихся сразу упал со 100 до 10 и менее. З.Гиппиус записывает в дневнике 22 декабря 1919 г.: «Народ русский никогда не был православным. Никогда не был религиозным сознательно... Отрекается, не почесавшись! Невинность ребенка или идиота» [45]. Но дело было не в отходе от *религии*, а в отходе от *церкви*.

Коммунистическое учение того времени в России, и прежде всего «архаический крестьянский коммунизм», были в огромной степени *верой*, особой религией. М.М.Пришвин записал в своем дневнике 7 января 1919 г.

«Социализм революционный есть момент жизни религиозной народной души: он есть прежде всего бунт масс против обмана церкви, действует на словах во имя земного, материального изнутри, бессознательно во имя нового бога, которого не смеет назвать и не хочет, чтобы не смешать его имя с именем старого Бога».

Сама русская революция была глубоко *религиозным* движением (хотя и антицерковным). Я бы сказал, что почвенный большевизм был *ересью православия*, им двигала именно православная любовь к ближнему - но избыточная, страстная. Мы не поняли этой мысли философов-эмигрантов, ни даже этой мысли Андрея Платонова в «Чевенгуре». Революционный подъем породил совершенно необычный в истории культуры тип – *русского рабочего* начала XX века. Этот русский рабочий, ядро революции, был прежде всего *культурным типом*, в котором Православие и Просвещение, слитые в нашей классической культуре, соединились с идеалом *действия*, направленного на земное воплощение мечты о равенстве и справедливости.

Сохраняя космическое чувство крестьянина и его идущее от Православия эсхатологическое восприятие времени, рабочий внес в общинный идеал равенства и справедливости вектор реального построения на нашей земле материальных оснований для Царства справедливости. Эта *действенность* идеала, означавшая отход от толстовского *непротивления злу насилем*, была важнейшей предпосылкой к тому, чтобы ответить на мятеж белых («детей Каина») вооруженным сопротивлением²⁰.

²⁰ В народных религиозных верованиях, например, в тайных псалмах духоборцев, «детьми Каина» считаются «зараженные сребролюбием господа», а «детьми Авеля» – бедные люди, которые «питаются трудом».

Революционное движение русского рабочего и стоявшего за ним общинного крестьянина было «православной Реформацией» России. В нем был силен мотив жертвенности – предпосылка беззаветной гражданской войны. Свидетель и мыслитель революции, патриарх русского символизма и художественный идеолог крупной буржуазии, на склоне лет вступивший в коммунистическую партию, - Валерий Брюсов написал:

*Пусть гнал нас временный ущерб
В тьму, в стужу, в пораженья, в голод:
Нет, не случайно новый герб
Зажжен над миром - Серп и Молот.*

*Дни просят маем небывалым,
Жизнь будет песней; сеюм злато-алым
На всех могилах прорастут цветы.*

*Пусть пашни черны; веет ветер горный;
Поют, поют в земле святые корни, -
Но первой жатвы не увидишь ты.*

Хороший обзор развития этого процесса дан А.С.Балакиревым, но ведь этот процесс широко освещен и в литературе, и в воспоминаниях виднейших представителей интеллигенции революционного времени (например, М.М.Пришвина). А.С.Балакирев говорит об «атмосфере напряженных духовно-религиозных исканий в рабочей среде», которая отражена в исторических источниках того времени. Он пишет:

«Агитаторы-революционеры, стремясь к скорейшей организации экономических и политических выступлений, старались избегать бесед на религиозные темы, как отвлекающих от сути дела, но участники кружков снова и снова поднимали эти вопросы. «Сознательные» рабочие, ссылаясь на собственный опыт, доказывали, что без решения вопроса о религии организовать рабочее движение не удастся. Наибольшим успехом пользовались те пропагандисты, которые шли навстречу этим запросам. Самым ярким примером того, в каком направлении толкали они мысль интеллигенции, является творчество А.А.Богданова» [46].

Эти духовные искания рабочих и крестьян революционного периода отражались в культуре. Здесь виден уровень сплоченности и накал чувства будущих «красных». Исследователь русского космизма как большого культурно-философского явления С.Г.Семенова пишет:

«Никогда, пожалуй, в истории литературы не было такого широчайшего, поистине низового поэтического движения, объединенного общими темами, устремлениями, интонациями... Революция в стихах и статьях пролетарских (и не только пролетарских) поэтов... воспринималась не просто как обычная социальная революция, а как грандиозный катаклизм, начало «онтологического» переворота, призванного пересоздать не только общество, но и жизнь человека в его натурально-природной основе. Убежденность в том, что Октябрьский переворот – катастрофический переворот – катастрофический переворот – выход «в новое небо и новую землю», было всеобщим» [47].

Разумеется, духовенство, как и все остальные сословия России, расколосось в отношении к революции. Были иерархи, которые и в движении к Октябрю угадывали глубокий цивилизационный смысл, путь к избавлению от *общенациональной* катастрофы. Ректор духовной Академии (Сергиев Посад) А.М.Труберовский во вступительной лекции 15 сентября 1917 г. сказал:

«Великая русская революция не является простой «классовой борьбой», в ней заинтересованы одинаково пролетарий и буржуазия, сколько ради личного блага, столько же во имя социальной справедливости» [48].

Однако в целом, как институт, Церковь в тот момент Октябрьской революции не приняла. Мало того, возникновению гражданской войны в России способствовал и *открытый* конфликт Православной Церкви с Советской властью. Этот конфликт вплоть до стабилизации государства в середине 20-х годов носил исключительно острый, сложный и тяжелый характер. Он отразил богоборческий (то есть, подспудно религиозный) пафос большевизма - и в то же время глубокий, до времени скрытый конфликт между двумя течениями в самом большевизме.

Любое идеократическое государство, возникающее революционным путем, неминуемо вступает в конфликт с Церковью, которая была важнейшей частью старой государственности. Сосуществование на равных двух «носителей истины» - двух структур, претендующих на статус высшего арбитра в вопросах жизнеустройства, невозможно²¹. Мирное разделение «сфер влияния» с церковью могло быть сделано лишь в стабильный период, гораздо позже.

Советское государство было проникнуто религиозным чувством - в этом была и его сила, и его слабость. Немецкий писатель Генрих Бёлль приводит важную мысль из книги В.Шубарта «Европа и душа Востока» (1938): «Дефицит религиозности даже в религиозных системах — признак современной Европы. Религиозность в материалистической системе — признак советской России». Надо вдуматься в эту мысль, которую в разных формах высказывали многие мыслители Запада, современники русской революции: Запад безрелигиозен, Советская Россия — *глубоко религиозна*. Н.Бердяев, отрицавший социализм, признавал:

«Социалистическое государство не есть секулярное государство, это - сакральное государство. Оно походит на авторитарное теократическое государство. Социализм исповедует мессианскую веру. Хранителями мессианской «идеи» пролетариата является особенная иерархия - коммунистическая партия, крайне централизованная и обладающая диктаторской властью».

Разрушение Храма Христа Спасителя с проектом построить на его месте Дворец Советов проявляет именно религиозный характер конфликта с традиционным устройством нового храма именно на развалинах прежнего (затягивание стройки и «спускание на тормозах» всего ее проекта говорит о восстановлении здравого смысла, изживании религиозной компоненты в советской идеологии).

²¹ Даже такая «рациональная», целиком выросшая на идеалах Просвещения революция, как Великая Французская, в момент накала страстей проявила свой религиозный характер и на время «свергла» старых богов. 7 мая 1994 г. Конвент принял Декрет о Верховном Существо, согласно которому каждый француз был обязан верить в существование этого демиурга и в бессмертие души.

Конфликт с Церковью был обострен из-за того, что общая в первые месяцы после Октября уверенность в недолговечности режима большевиков толкнула Церковь на открытое выступление против Советской власти. 15 декабря 1917 г. Собор принял документ «О правовом положении Православной российской церкви», который явно шел вразрез с принципами Советской власти. Например, Православная церковь объявлялась первенствующей в государстве, главой государства и министром просвещения могли быть только лица православной веры, преподавание Закона Божьего в государственных школах для детей православных родителей признавалось обязательным и т.д. 19 января 1918 г. патриарх Тихон предал Советскую власть анафеме, и большая часть духовенства стала сотрудничать с белыми.

В послании патриарха Советская власть прямо не упоминалась, но из контекста было понятно, что под «безумцами», чинящими «ужасные и зверские избиения ни в чем не повинных людей» в тот момент понимались именно большевики (и анархисты). Да и сам патриарх этого смысла послания не отрицал. Впоследствии он признал ошибочными и ряд других враждебных Советскому государству действий, например, данное осенью 1921 г. благословение на созыв Карловацкого собора, который принял резолюцию о восстановлении монархии в России, признание Скоропадского гетманом Украины и благословение ему.

Патриарх Тихон пошел на компромисс с Советской властью в 1923 г., написав 16 июня «покаянное» заявление: «Я отныне Советской Власти не враг». 28 июня патриарх Тихон издал послание, в котором говорилось: «Я решительно осуждаю всякое посягательство на Советскую власть, откуда бы оно ни исходило... Я понял всю неправду и клевету, которой подвергается Советская власть со стороны ее соотечественных и иностранных врагов». 1 июля 1923 г. после богослужения в Донском монастыре патриарх произнес проповедь, в которой решительно осудил всякую борьбу против Советской власти и призвал церковь стать вне политики.

В январе 1924 г. патриарх Тихон издал указ «О стране Российской и властях ея» - о молитвенном поминовении государственной власти в богослужениях. Примирение Церкви с Советской властью было официально закреплено на уровне богослужений, доведено как закон до каждого священника [50].

Но это произошло позже, а перед революцией 1917 г. Церковь переживала последствия общего кризиса сословного российского общества. В массе своей духовенство вело себя как сословие, связанное дисциплиной церковной организации. С.Н.Булгаков, в то время уже видный религиозный философ, продолжая мысль о состоянии дворянского сословия, пишет в 1907 г.:

«Совершенно новым в этих выборах было принудительное участие в них духовенства, причем оно было заранее пристегнуто властью к «правому» блоку и все время находилось под надзором и под воздействием архиерея... И пусть ответственность за грех, который совершен был у избирательных урн рукой духовенства, падет на инспираторов этого низкого замысла, этого вопиющего насилия... Последствия этого сатанинского замысла - сделать духовенство орудием выборов правительственных кандидатов - будут неисчислимы, ибо духовенству предстоит еще отчитываться пред своей паствой за то, что по их спинам прошли в Государственную думу «губернатор» и иные ставленники своеобразных правых... Это политический абсурд и наглый цинизм, которого нарочно не придумают и враги церкви... До сих пор мне приходилось много нападать на нигилизм интеллигентский, но я должен признать, что в данном случае ему далеко до нигилизма административного!» [25, с. 198].

Но главное, в начале 1918 г., в момент массовых упований на мирное развитие революционного процесса, Церковь не встала над назревающим братоубийственным конфликтом как миротворческая сила, а заняла радикальную позицию на одной стороне, причем именно на той, которая не была поддержана народом. Есенин, посетив родную деревню, пишет в 1924 г. о рассуждениях монахов (в поэме «Русь бесприютная»):

*И говорят,
Забыв о днях опасных:
«Уж как мы их...
Не в пух, а прямо в прах...
Пятнадцать штук я сам зарезал красных,
Да столько ж каждый,
Всякий наш монах».
Россия-мать!
Прости меня,
Прости!
Но эту дикость, подлую и злую,
Я на своем недлительном пути
Не приголублю
И не поцелую.*

Крестьяне и Государственная дума

Помимо прямого давления столыпинской реформы озлобил крестьян и тот факт, что их, на волне роста их самосознания, отодвинули от общественного диалога. Выборы в Государственную думу породили надежды на мирное разрешение земельного вопроса. Подавляющее большинство крестьян приняло участие в выборах, хотя революционные партии и беспартийный Крестьянский Союз их бойкотировали. Тогда, в момент поражения революции, все «политические» и активисты были из деревни вычищены - арестованы, высланы. Крестьяне «голосовали сердцем», никто на них не влиял.

Избрание в Думу большого числа беспартийных крестьян обрадовало власти - считалось, что политика Думы будет благодаря этому консервативной и монархической. Правительство сразу же постаралось «приручить» крестьянских депутатов. На деньги МВД для них было организовано прекрасное общежитие и роскошный стол по баснословно дешевым ценам. С другой стороны, в свою фракцию крестьян старались привлечь кадеты.

Получилось наоборот - крестьянские депутаты объединились в Трудовую фракцию и выдвинули именно те требования, что выдвигались Крестьянским Союзом. В посланиях от сельских сходов их просили «нести свой крест, так как они - последняя надежда» и что «с ними Бог и народ». И эта Дума была разогнана всего через 72 дня работы. Это было сильным потрясением и отлегло в памяти.

В период работы первой Государственной думы произошел всплеск политической активности крестьян. Они в массовом масштабе освоили чтение газет (тогда в России издавалось более 3000 газет и журналов). Вот, исправник Юрьев-польского уезда пишет доклад губернатору Владимирской губ. (3 июня 1906 г.):

«Благодаря массе получаемых крестьянами газет, при чем предпочитают ими более резкие, интерес к которым у крестьян очень велик, они знают все, что происходит в Петербурге... Каждая газета со стенографиче-

ческим отчетом заседаний Государственной думы действует настолько разжигающе, что прокламации становятся почти безвредными листками.

Крестьяне знают, как дума относится к министрам, и это приобретает громадное значение и силу, так как делается открыто, пишется во всех газетах, при чем передовые статьи еще более разъясняют смысл происходящего, всецело становясь на сторону более дерзких в выражениях депутатов. Уважение к власти благодаря этому у крестьян падает с поразительной быстротой. Разосланные экземпляры ответа Совета министров на адрес Думы произвели на крестьян неблагоприятное впечатление и повели к ухудшению настроения.

... В настоящее время настроение у крестьян сильно приподнятое, почти ежедневно во всех селениях уезда под вечер крестьяне собираются у какого-либо дома, и все разговоры их о думе, о ее заботах об них, о скорой перемене условий жизни и обязательно о земле» [31, с. 89-90].

Но главное, появление представительного, хотя и безвластного, органа породило особую форму политической борьбы крестьянства – составление петиций, наказов и приговоров, значительная часть которых направлялась в Государственную думу. Известно, что в российских законах отсутствовало петиционное право – подача всяческих прошений и проектов «об общей пользе» была запрещена. Особенно этот запрет был оговорен при учреждении Государственной думы. В параграфе 61 положения о Госдуме было сказано: «В Государственную думу воспрещается являться депутациям, а также представлять словесные и письменные заявления и просьбы» [31, с. 36].

Таким образом, составляя наказания и приговоры, крестьяне прекрасно понимали, что коллективно совершают противоправные действия, и эти действия были уже активной формой борьбы. Размах ее был велик. В I Государственную думу поступило свыше 4000 пакетов и телеграмм. Только в Трудовую группу было подано более 400 приговоров и наказов из 50 губерний с общим числом подписей крестьян-домохозяев 44826. В Российском государственном историческом архиве в делах Совета Министров и I Государственной думы хранится свыше 1 тыс. коллективных заявлений сельских и волостных сходо́в.

Поскольку наказ или приговор должны были подписывать все участники сельского схода, и это считалось уголовным преступлением, не могло быть и речи о том, чтобы отнестись к составлению текста легковесно, тем более допустить, чтобы в него внесли свои требования и формулировки какие-то посторонние люди (например, политические агитаторы каких-либо партий).

Известен, например, такой случай. Крестьяне двух деревень Клинского уезда составили на сходе приговор и отдали поправить его врачу местной фабрики. Но, боясь, что он, как человек «рабочей партии», может приписать что-то лишнее, дали после него проверить текст попу-черносотенцу. Затем снова попросили врача посмотреть, «не напшел ли он чего-либо» (1, с. 96).

Власти непрерывно направляли на места циркуляры с требованием пресекать обсуждение на сельских сходах политических вопросов и составление петиций, наказывали полицейских и стражников, которые не смогли предотвратить этих действий (даже если составлялись и отправлялись приветственные телеграммы. Документы захватывались на месте или изымались на почте. Так, приговор, составленный сходо́м Муравьевской вол. Мышкинского уезда Ярославской губ. 18 июня 1906 г., «полиция ловила для уничтожения, почему и решено послать его немедленно с нарочным, который то пешком, то на лошадях, то водою окольными путями попал на железную дорогу».

В какой обстановке происходило обсуждение документов, видно из множества сообщений. Так, газета «Право» писала о сходе крестьян близ ст. Крюково Московской губ.: «Крестьяне собрались на небольшой поляне и стали обсуждать проект наказа депутату от Москов. губ. Через несколько минут после того, как собрание было открыто, на крестьян налетели стражники – осетины и черкесы – силою разогнали собравшихся» (1, с. 40).

Наказ трудовикам I Госдуме в с. Медуши Петергофского уезда Петербургской губ. был принят на волостном сходе, происходившем, как пишет газеты «Мысль» (22 июня 1906 г.), в такой обстановке: «Он со всех сторон был окружен вооруженными ружьями стражниками, в присутствии урядника, исправника и т.д. Тотчас после схода в лесу был выработан наказ и подписывался на спинах у крестьян» [31, с. 40, 97].

В посланиях крестьян в Государственную думу хорошо видно, какие надежды возлагали крестьяне на эту возможность решить свои жгучие проблемы в рамках монархической государственности. Как будто чувствовали, что эта возможность – последняя. Сельский сход дер. Виткулово Горбатовского уезда Нижегородской губ. написал:

«Единственный светлый луч блеснул перед нами – это обещанная Государственная дума и единственная надежда наша на нее. Мы верим, что Дума поможет нам выбраться из лап нужды и позаботится вывести нас из тьмы на путь света» (2, с. 221).

А вот приговор Вишнегрунского сельского общества Льговского уезда Костромской губ.:

«Приветствуем вас, наши любимые избранники! Трудна и тяжела ваша работа; это не работа, а скорее всего упорная борьба со старым порядком порядка нового... На вас вся наша надежда; все наши взоры и мысли из бедных забытых лачужек устремлены туда, где возвышается пышный Таврический дворец. Ежечасно мы ждем, что воссияет из этого дворца солнце свободы, добра и правды» (2, с. 222).

Думаю, ни один парламент в мире никогда не получал таких драматических и поэтических посланий. «Мы с вами и за вас. Вы умерли, а мы с вами...» (Ивонинская вол. Смоленской губ.). «Государственная дума в нашем представлении есть святыня и заступница всего угнетенного народа... Требуйте, мужайтесь, иначе и не возвращайтесь к нам» (Ливенский уезд Орловской губ.). «Пока крестьян не убоготворите, потудово не приезжайте в наше общество» (Новооскольский уезд Курской губ.).

Царское правительство сразу отнеслось к Думе очень агрессивно, и уже через неделю после начала ее работы произошло столкновение. В «адресе» на имя царя, принятом Думой в ответ на его речь перед депутатами, были изложены, в самой умеренной форме, главные пункты программы кадетов. Царь отказался принять делегацию депутатов с этим документом, а в прессе сразу стали публиковать телеграммы с требованием роспуска Думы. Ответную правительственную декларацию огласил председатель Совета министров И.Л.Горемыкин (который о депутатах как-то сказал, что это «грязные подонки населения, сплотившиеся в разбойничью шайку» и что «треть их просится на виселицу»). На все пункты адреса Горемыкин ответил «нет». В ответ кадеты проголосовали за резолюцию трудовиков, выразившую «полное недоверие» правительству.

Крестьяне встретили декларацию Горемыкина с возмущением. Диапазон ответов был очень широк. Из Лужского уезда Петербургской губ. писали: «Стыдно министрам, ответившим на ваш адрес Государю. В отставку их. Разве они не видят и не знают по-

ложения измученной страны, или она им не родина?» (2, с. 224). Приговор из Меленковского уезда Владимирской губ. звучит более резко: «Министерство, раз оно не входит в нужды народа, прямо ведет его к восстанию и кровопролитию». Крестьяне Малоярославецкого уезда выразились еще определеннее:

«Мы все единогласно постановили, что ответа министров не принимаем и без земли и воли остаться не желаем... Мы депутатов поддержим всеми мерами и сами все, как один человек, встанем на защиту их заявлений, потому что умирать все равно один раз, что от голода, что от пули, и терять нам, значит, нечего» (2, с. 226, 229).

Крестьяне села Ишаки Саранского уезда Пензенской губ. в своем приговоре написали:

«Если правительство не удовлетворит наших справедливых требований Государственной думы, и, что избави Бог, попытается разогнать Государственную думу, члены Государственной думы не должны расходиться и объявить себя единым правительством – Учредительным собранием, - а мы обязуемся встать на защиту депутатов и Родины как один человек и исполнять все, что потребует Государственная дума» (2, с. 233).

В очень многих приговорах и наказах крестьяне прямо предупреждают, что их надежда на Государственную думу – последняя. Если она окажется бессильной, то переход к борьбе с применением насилия станет неизбежным. Так, сход крестьян дер. Куниловой Тверской губ. писал:

«Если Государственная дума не облегчит нас от злых врагов-помещиков, то придется нам, крестьянам, все земледельческие орудия перековать на военные штыки и на другие военные орудия и напомнить 1812 год, в котором наши предки защищали свою родину от врагов французов, а нам от злых кровопийных помещиков» (2, с. 272).

Те наказания, которые крестьяне составляли на сельских и волостных сходах, сослужили неоценимую службу для развития самосознания подавляющего большинства народа и благодаря тому «эху», которое вызывали эти документы. Дело в том, что крестьяне и сами передавали свои наказания в газеты, и просили об этом своих депутатов²². Газета «Право» писала в 1906 г.:

«Особенный эффект производился, когда получалась газета с напечатанным местным приговором. Это вызывало немедленное составление нескольких приговоров другими деревнями, сходных с напечатанным по содержанию, но имевших всегда и некоторые отличия согласно с местными условиями и носивших следы оригинального творчества» [31, с. 90-91].

Вот, например, приписка к приговору сельского схода из Владимирской губ.:

²² Обращение в газеты было важным шагом в крестьянском движении, и он, видимо, потребовал значительных психологических усилий. В одном приговоре крестьяне почти оправдывались: «Копию с этого приговора решили напечатать в газетах, чтобы видели все, что мы не скрываемся от людей» [31, с. 91].

«Мы, крестьяне с. Ратислова, собравшись, решили во всеуслышание через газеты заявить, в чем мы нуждаемся, а вместе и указать, что, по нашему разумению, надо сделать, чтобы жилось полегче, повольготнее. Заявление это пишем не из одного подражания другим; нет, оно все равно, как крик больного человека, когда ему делается уж очень тяжело переносить свою боль» [31, с. 91].

Большую известность приобрел приговор сельского схода крестьян с. Маркова Московской губ. Там осенью 1905 г. крестьяне учредили у себя «республику», избрали «правительство» и перестали выполнять распоряжения властей. Приговор этот был напечатан во многих газетах, а потом вышел в издательстве «Колокол» отдельной брошюрой тиражом почти полмиллиона экземпляров. Он попал и за границу и был напечатан в газетах Франции и США под заголовком «Крестьянский манифест» [31, с. 93].

Понятно, что разгон Государственной думы стал переломным моментом в настроениях крестьян, это был еще не осознанный поворот к войне. Причины роспуска Думы крестьяне поняли правильно, хотя и преувеличив радикальность кадетской программы. Крестьян Елховской волости Нижегородского уезда и губ. писали так: «Первая Дума боролась за землю и когда объявила о принудительном отчуждении частновладельческих земель, то правительство разогнало ее» (2, с. 231).

Еще большим потрясением стал разгон второй Думы. Александр Блок 3 июня 1907 г., в день разгона II Государственной думы, написал о «хозяевах» российской жизни:

*Тропами тайными, ночными
При свете траурной зари,
Придут замученные ими,
Над нами встанут упыри.
Овеют призраки ночные
Их помышленья и дела,
И загниют еще живые
Их слишком сытые тела.
Их корабли в пучине водной
Не сыщут ржавых якорей,
И не успеть дочесть отходной
Тебе, пузатый иерей!
Довольных сытое обличье,
Сокройся в темные гроба!
Так нам велит времен величье
И розоперстая судьба!..*

После разгона I Думы было запрещено вновь избирать ее прежних депутатов. Ни партии, ни другой внепарламентской организации, которая могла бы обеспечить преемственность программы, у крестьян не было. И тем не менее депутаты от крестьян во II Думе вновь образовали фракцию, вдвое более многочисленную, чем в первой. Они вновь повторили все требования трудовиков, проявив полную враждебность по отношению к начавшейся реформе Столыпина.

Существенно, что на II Думу крестьяне уже не возлагали таких надежд, как на первую. Так, резко сократилось число направленных туда наказов и приговоров (1900 против 4000), при этом заявления эти присылались более отсталыми слоями крестьянства из более глухих уголков страны – те, кто еще сохранял иллюзии, от которых освободился авангард.

Новый избирательный закон почти не пропустил крестьян в III Думу. Но и немногие депутаты-трудовики (часто сельские учителя, выдвинутые общинным сходом) повторили в этом «заповеднике консервативных помещиков» главные крестьянские требования - передел земли, выборность государственных чиновников и отмена столыпинской реформы. Все это говорит о том, что у крестьян России имелась невидимая для европейского глаза, не выраженная в партиях, но целостная идеология и система общенациональной организации, способная четко выразить главные требования и поддержать своих депутатов, которые эти требования выдвигали в Думе.

Понятно, как «белая кость» ненавидела этих депутатов. Т.Шанин приводит выдержки из брошюры правого деятеля Н.Васильева «Что такое трудовики», напечатанной в 1917 г. Вот одно из рассуждений, обобщающее образ трудовика как

«...полуинтеллигентного разночинца, преимущественно недоучки, который слагается из следующих составных частей: 1) природных способностей, развитие которых, за бедностью или вследствие отсутствия выдержки, даваемой систематическим воспитанием, остановилось на полдороге; 2) необыкновенного самомнения, явившегося результатом господства в пределах своего муравейника, уже совершенно не культурного; 3) необузданного дерзания, как законного дитяти от сочетания полуобразования с самомнением; 4) ненависти ко всему, что почище, побелее, потоньше, той ненависти, без которой обыкновенное самомнение и необузданное дерзание сразу бы потеряли всякий смысл и всякое оправдание».

Думаю, такие брошюры вложили свою крупицу в победу красных в гражданской войне. Мне лично приятно, что все-таки в Октябре дали хорошего пинка под зад этой сытой сволочи - да жаль, не хватило ей ума в 1918 г. Сегодня на ее улице праздник, но придет пора подумать и о похмелье.

Легальная борьба крестьян в виде кампании петиций, наказов и приговоров, посылаемых в Государственную думу, показала высокую степень зрелости крестьянских представлений о желаемом жизнеустройстве, их общность для всей территории Центральной России и непреклонность в намерении идти в достижении своих целей до конца. Об этом опыте кадет Н.А.Гредескул писал, споря с авторами «Вех», которые считали русскую революцию интеллигентской:

«Нет, русское освободительное движение в такой мере было «народным» и даже «всенародным», что большего в этом отношении и желать не приходится. Оно «проникло» всюду, до последней крестьянской избы, и оно «захватило» всех, решительно всех в России – все его пережили, каждый по-своему, но все с огромной силой. Оно действительно прошло «ураганом», или, если угодно, «землетрясением» через весь организм России. Наше освободительное движение есть поэтому не что иное, как колоссальная реакция всего народного организма на создавшееся для России труднейшее и опаснейшее историческое положение» [50, с. 254].

Глава 5. Кризис монархической государственности и скольжение к войне

Утрата авторитета государственной власти – духовная предпосылка к гражданской войне

Разрушение духовной «связности» общества – очень важное условие для того, чтобы стала приемлемой идея гражданской войны, идея допустимости убить собственного соплеменника. Можно даже сказать, что переход к гражданской войне возможен, когда у разных социальных групп создается необычная комбинация высочайшего духовного накала с одновременной духовной отрешенностью (а часто и опустошенностью).

Возвращаясь к мысли П.Сорокина о том, что гражданские войны возникают из-за слома системы ценностей (причем эта ломка идет по-разному в разных социальных и культурных группах), особо отметим важнейшую предпосылку к войне – крушение *авторитетов*. Авторитет, имеющий иррациональное, не поддающееся логическому анализу основание, служит духовной опорой человека в его борьбе со своими темными и низменными инстинктами. Отрешенность и опустошенность – это и есть состояние души, для которой нет ничего святого и прекрасного, во что надо верить. Священные фигуры, символы, предания, обладающие для нас авторитетом, смотрят за нами и не позволяют нарушить запреты – прежде всего, запрет на братоубийство. Немецкий богослов и философ Романо Гвардини писал в 1954 г.:

«Авторитет есть основа всякой человеческой жизни, не только несовершеннолетней, но и самой что ни на есть зрелой; он не только помогает слабому, но воплощает сущность всякой высоты и величия; и потому разрушение авторитета неизбежно вызывает к жизни его извращенное подобие – насилие» [52].

Это очень сильное утверждение – насилие есть извращенное подобие авторитета, которое и заступает после разрушения авторитета на его место. Причем *неизбежно*. Это – светский, секуляризованный вариант той мысли, что высказал Достоевский: «Если Бога нет, то все позволено». И если разрушение авторитета семьи, школы, старших по возрасту вызывает насилие «местного значения» – прежде всего в виде хулиганства, - то разрушение авторитета государства и верховной власти толкает народ к принятию гражданской войны. Один из самых активных деятелей и Февральской революции, и Гражданской войны А.И.Гучков обсуждая со своим другом накануне своей смерти в 1935 г. в Париже возможности избежать гражданской войны в России считал, что шансы обойтись без войны были очень невелики. И главную причину этого он видел в том, что были подорваны моральные принципы правящего сословия и верховной власти, так что их авторитет упал как никогда не было в истории России.

Это действительно произошло в России в 1905-1917 гг. Причем это крушение авторитета носило характер двойного быстрого удара – сначала пал авторитет монархического государства, потом Временного правительства. А Советскому государству просто не хватило времени для того, чтобы его нарастающий авторитет успел «починить сознание» до того, как развязалась Гражданская война. Эта «починка» происходила уже в ходе войны и способствовала ее завершению. Выше уже говорилось о том, какую роль сыграло в сдвиге к гражданской войне ослабление авторитета Церкви в начале XX века.

Конкретная историческая особенность положения России заключалась в том, что во время правления Николая II российская монархия выродилась, деградировала. Не надо даже спекулировать относительно причин этого явления, это надо принять как опытный факт. Духовный распад в кругах высшей власти (“распутинщина”), решение государствен-

ных вопросов через дворцовые заговоры, явное влияние теневых сил на назначение высших должностных лиц - все это вызывало отвращение в широких кругах. Это отвращение, к которому нечувствительна демократия, было губительно для монархии, легитимность которой предполагает наличие *благодати*. М.М.Пришвин 3 апреля 1917 г. записал в дневнике такую мысль:

«Творчество порядка и законности совершается народом через своих избранников. Таким избранником был у нас царь, который в религиозном освящении творческого акта рождения народного закона есть помазанник божий. Этот царь Николай прежде всего сам перестал верить в себя как божьего помазанника, и недостающую ему веру он занял у Распутина, который и захватил власть и втоптал ее в грязь. Распутин, хлыст - символ разложения церкви и царь Николай - символ разложения государства соединились в одно для гибели старого порядка».

Мы помним, как в худшие времена правления Ельцина все были оскорблены слухами о том, что в его окружении орудовала циничная теневая группировка, что какую-то немислимую незаконную власть забрала его дочь, что нечистые на руку банкиры решали, кого назначить на важнейшие государственные посты. Но ведь это всего-навсего Ельцин – вышедший из ретиранных мест КПСС номенклатурный выдвиженец, поднятый к власти на волне воспаленного массового сознания, человек временный, уже с 1992 г. не претендующий ни на какой авторитет и уповающий лишь на силу денег, телевидения и дубинок. Иное дело – царь, помазанник Божий, император Всея Руси, *власть предержавшая*. Его авторитет именно *держал* страну.

Даже в приближении крайнего кризиса, в 1915 г. С.Н.Булгаков писал, отвечая кадетам: «Царь не шофер, которого можно переменить, но скала, на которой утверждаются копыта повиснувшего в воздухе русского коня»²³. Метафора С.Н.Булгакова прекрасна, но проблема-то оставалась. Сам он, как человек глубоко религиозный, мог «уповать» на магическую силу царя как символ, а для изнемогающего в войне народа царь был не только символом, но и главой государства, а в конце даже и главнокомандующим. На деле все видели, что «скала» оказалась очень непрочной, она крошилась и не держала коня. И крошили ее с двух сторон – сам царь и его окружение с одной и авторитетная дворянско-буржуазная интеллигенция, бывшая естественным союзником царизма в период революции, с другой.

Дело Распутина очень показательно для понимания технологии *десакрализации*, подрыва авторитета верховной власти в таком идеократическом государстве, каким была Российская империя. Дело в том, что отвратительные черты распутинщины были многообразны и потому очевидны всем – одно оскорбляло простой народ, другое дворянство, третье армию. В неуклюжих попытках подавить распространение рассказов и слухов о делах Распутина правительство обнаружило свое непонимание особенностей своего государства, которое уже приоткрыло канал для парламента и прессы. Не имея под собой гражданского общества с рационально (можно даже сказать *цинично*) мыслящими индивидами, оно было слишком уязвимо для порочащих сведений²⁴.

²³ С.Н.Булгаков отвечал на пущенную в ход кадетом В.А.Маклаковым «подлое словцо», подрывную аллегорю, в которой сравнивал царя с шофером несущегося вниз по горной дороге автомобиля и неспособного им управлять. Надо, мол, отстранить этого шофера силой.

²⁴ Уместно вспомнить, что сексуальные похождения Клинтона были восприняты гражданским обществом совершенно рационально. Имидж Клинтона слегка пострадал, но на авторитете государственной власти и даже института президента США это не сказалось

Но и попытки подавить эти слухи «традиционным» образом уже наносили ущерб авторитету, и выбрать из двух зол меньшее было трудно. Начиная постепенную демократизацию, идеократическое государство должно иметь большой запас прочности, а элита государственных деятелей должна обладать интеллектуальной и духовной силой, чтобы пойти на прямой и откровенный диалог с врагами государства перед лицом народа. Такой силы не было ни у царизма начала XX века, ни у КПСС конца XX века. Подрыв государства в обоих случаях производился по сходным канонам.

Вот пример. В январе 1912 г. в газетах было опубликовано письмо одного священника, разоблачавшего Распутина. Номера этих газет были конфискованы, а редакторы отданы под суд. МВД потребовало от столичных газет вообще ничего не писать о Распутине. Это вызвало скандал в Госдуме. Лидер октябристов, самой близкой к монархии буржуазной партии, А.И.Гучков выступил с речью и сказал:

«Вдумайтесь только, кто же хозяйничает на верхах... Григорий Распутин не одинок; разве за его спиной не стоит целая банда, пестрая и неожиданная компания, взявшая на откуп и его личность, и его чары? Ненасытные честолюбцы, тоскующие по ускользнувшей из их рук власти, темные дельцы, потерпевшие крушение журналисты... Антрепренеры старые! Это они суфлируют ему то, что он шепчет дальше. Это целое коммерческое предприятие и тонко ведущее свою игру» [7, с. 66-67].

Эта история породила непримиримую вражду царской семьи к Гучкову и его партии, что нанесло большой ущерб государственным интересам. Дело в том, что тогда же Гучкову передали копию письма императрицы Распутину, которое весьма ее компрометировало. Ее передали председателю Госдумы М.В.Родзянко для доклада царю. Но министр внутренних дел добыл подлинник письма и вручил его царю. По свидетельству очевидцев, руки у царя при вскрытии письма дрожали, и он сказал: «Да, это не поддельное письмо». Письмо это стало известно всей Думе, а Гучков стал личным врагом царской семьи. В дальнейшем, как известно, клика Распутина полностью дискредитировала верховную власть, и даже убийство временщика заговорщиками из придворного круга не спасло уже положения. Царь в глазах всех сословий потерял благодать.

Особенное отвращение Распутин и вся «камарилья» вызывали в годы Мировой войны, которая оказалась для России исключительно тяжелой. «Режим фаворитов, кудесников, шутов», - так определил состояние государственной власти А.И.Гучков в 1915 г. В важной беспристрастной книге, дающей сухие факты о строении и процедурах государственных учреждений России, сказано:

«К началу 1916 г. особенно возросло влияние придворной камарильи на государственные дела. Распутин и его окружение назначали и смещали министров, губернаторов и командующих фронтами, оказывали влияние на ход военных операций, на все стороны деятельности государственной политики» [52, с. 269]²⁵.

Бывший военный министр А.Н.Куропаткин записал в дневнике после одной из встреч с Гучковым, что, по мнению последнего, «Россию даже после победоносной войны

несколько.

²⁵ Здесь же дается и состав «камарильи», возглавляемой Распутиным и императрицей: фрейлина двора А.А.Вырубова, князь М.М.Андронников, доктор тибетской медицины П.А.Бадмаев, директор правления Русско-французского банка Д.Л.Рубинштейн, банкир И.П.Манус, бывший агент Департамента полиции И.Ф.Манасевич-Мануилов и др.

ожидает революция» [7, с. 88-89]. Такова была глубина деградации всей системы государственной власти. А ведь и война оказалась вовсе не победоносной.

В последние годы из политических соображений очень большой упор в идеологизированных СМИ делался на личных качествах последнего Романова, расстрелянного в 1918 г. Он, мол, был человеком очень мягким, прекрасным семьянином и т.д. Да, человек-мученик. Но, к несчастью России, не царь-мученик и не царь-труженик. И падение в народе его личного авторитета сыграло большую роль в падении авторитета государственности, которая замыкалась на царя. Его личные качества не соответствовали тому трагическому положению, в котором оказалась Россия в начале XX века. Этого нельзя не учитывать в рассуждениях по нашей теме. Все общество чувствовало надвигающуюся катастрофу, и многие черты личного поведения царя людей оскорбляли. О том, каков был этот царь по своему психологическому и мировоззренческому складу, что происходило в царской фамилии (она насчитывала 40 членов) и во всей «придворной камарилье», сегодня опубликовано много исторических работ.

Во-первых, царю было присуще наивное (*аутистическое*) представление о реальности, главные противоречия которой якобы могут быть разрешены общенародной любовью к нему, царю, и его непререкаемым авторитетом. Так, наивная вера царя в крестьянский монархизм в существенной мере предопределяла неадекватность всей его политической доктрины. Летом 1905 г., уже в разгар революции, при обсуждении с царем положения о выборах в Государственную думу один сановник предложил исключить грамотность как условие для избрания. Он сказал: «Неграмотные мужики, будь то старики или молодежь, обладают более цельным мирозерцанием, нежели грамотные». Министр финансов Коковцов возразил, сказав, что неграмотные «будут только пересказывать эпическим слогом то, что им расскажут или подскажут другие». Однако, как он вспоминает, царь обрадовался благонадежности неграмотных. В тот момент это уже было не просто ошибочным, но и очень опасным взглядом – отлучение крестьян от образования стало одним из важных факторов их сдвига к революционным установкам.

Монархизм крестьян, уже сильно подточенный, изначально не был признаком их подавленности. На деле крестьянская идея государства-семьи была как раз сцеплена с идеалом воли. Историк В.П.Булдаков пишет: «Для предреволюционных масс был характерен не авторитарный, а патерналистский тип политической культуры, образованное общество, напротив, тяготело к «демократии вообще»*.

Второе свойство в образе царя и его окружения, которое сильной ударило по авторитету монархии – инфантильное отношение к смерти, к трагедии ее подданных. Это проявилось и сразу после 9 января, когда был устроен фарс с рабочей депутацией. Большая бесчувственность была проявлена и при подавлении революционных выступлений. Есть архивный фонд, в котором собраны рапорты полицейских чинов на вопиющую жестокость и противозаконность действий карательных экспедиций против крестьян. На этих рапортах пометки синим карандашом, сделанные рукой царя. Под каждой пометкой удостоверено каллиграфическим почерком: «Его императорским величеством собственноручно начертано» - и подпись начальника императорской канцелярии. Не стоило бы сейчас поминать эти надписи и шуточки, но тут не о личности царя речь, а об авторитете политического режима.

При этом бесчувственность распространялась и на жизнь и смерть даже близких людей (есть записи свидетелей и самого царя о том, как он вел себя при гибели от рук террориста, например, премьер-министра Столыпина). 4 февраля 1905 г. эсеры убили в Москве дядю царя, великого князя Сергея Александровича. Находившийся в тот момент при дворе принц Фридрих-Леопольд Прусский был, однако, приглашен в тот день к обеду, как будто ничего не произошло. После обеда, по воспоминаниям Б.Бюлова, царь и вел. кн.

Александр Михайлович «развлекались тем, что перед изумленными глазами немецкого гостя сталкивали друг друга с узкого и длинного дивана».

После начала войны с Японией, которую большинство народа быстро стало воспринимать как трагедию, в правящей верхушке возникла теория «большой победоносной войны», которая, как считалось, укрепит монархию. Насколько верхушка уже была оторвана от реальности, говорит простодушная похвальба по этому поводу царя П.А.Столыпину, тогда саратовскому губернатору: «Если б интеллигенты знали, с каким энтузиазмом меня принимает народ, они так бы и присели». После цусимской катастрофы в течение нескольких лет в Госдуме и правительстве шли очень тяжелые дебаты о доктрине развития российского военного флота. Реакция царя на них также выглядела как фарс. Военный министр Сухомлинов рассказывал, как Николай II, одетый в морскую форму, сделал ему выговор: «Разрешите уж нам, морякам, самим принимать решения по тем вопросам, которые касаются флота».

Царь не ценил преданных России и самодержавию государственных деятелей, даже выдающихся (подобно Столыпину). Во многом это было вызвано тем, что из-за болезненно развитого самолюбия царь не любил спорить. Как-то он сам признался: «Я всегда во всем со всеми соглашаюсь, а потом делаю по-своему». Это создавало множество конфликтов на высших уровнях управления, сведения о них проникали в общество и подрывали авторитет верховной власти. Так, например, развивался большой конфликт монархии с земством в 1905 г. С одной стороны, царь как будто разрешал министру внутренних дел П.Д.Святополк-Мирскому вести переговоры с земцами и давал согласие на проведение ими своего съезда, а с другой - готовил отставку министра, который якобы зашел слишком далеко в соглашении с либеральной оппозицией.

За неделю до решающей беседы Мирского с лидером земцев Шиповым И.Л.Горемыкин, который четыре года был министром внутренних дел, предупредил Мирского об этой особенности царя: «Помните одно: никогда ему не верьте, это самый фальшивый человек, какой есть на свете» [8, с. 22]. И сам Святополк-Мирский в беседе с С.Ю.Витте заметил, что царю нельзя верить, «ибо то, что сегодня он одобряет, завтра от этого отказывается». Он считал даже, что «все приключившиеся несчастья основаны на характере государя».

С ненавистью говорили в царской семье даже о представителях крупной буржуазии, которая в то время могла быть единственным сильным союзником монархии. Когда в 1915 г. лидер октябристов А.И.Гучков был избран в Государственный совет от торговли и промышленности, императрица написала царю: «Как противно, что Гучков, Рябушинский, Вейнштейн (наверно, настоящий жид), Лаптев и Жуковский выбраны в Гос. Совет всеми этими скотами!»²⁶

Генерал А.А.Мосолов, начальник канцелярии Министерства двора в 1900-1917 гг. писал:

«Он увольнял лиц, даже долго при нем служивших, с необычайной легкостью. Достаточно было, чтобы начали клеветать, даже не приводя никаких фактических данных, чтобы он согласился на увольнение такого лица. Царь никогда не стремился сам установить, кто прав, кто виноват, где истина, а где навет... Менее всего склонен был царь защищать кого-ни-

²⁶ А.С.Сенин в своей книге (с. 92-93) пишет о таком случае. В январе 1916 г. А.И.Гучков находился при смерти (считали, что он был отравлен приближенными Распутина). Он, будучи самым популярным в армии политиком, получил массу телеграмм с пожеланиями выздоровления, в том числе от высших военачальников. Из приближенных царя ему на квартиру позвонил министр внутренних дел А.Н.Хвостов и спросил: «Скончался ли Александр Иванович?» Но оказалась, что трубку взял сам Гучков.

будь из своих приближенных или устанавливать, вследствие каких мотивов клевета была доведена до его, царя, сведения» [53].

В верхах государственного аппарата в целом царила обстановка подозрительности. После убийства Столыпина, в организации которого, видимо, участвовала охранка, подозрительность лишь усилилась. Министр внутренних дел Д.П.Святополк-Мирский вел свой дневник в форме дневника жены, диктуя ей записи. После смерти Витте его кабинет в Петербурге был опечатан, а на его даче во Франции агенты охранки произвели обыск в отсутствие хозяев - искали дневники. Во 1905-1906 гг. Витте, тогда председатель Совета министров, собрал коллекцию данных ему царем распоряжений в связи с подавлением революции. Когда Витте уходил в отставку, царь потребовал вернуть его записки, о чем Витте упоминает с сожалением - «там потомство прочло бы некоторые рисующие характер государя мысли и суждения».

В 1913 г., говоря, что «никогда авторитет правительственной власти не падал так низко», А.И.Гучков считал это даже более важной причиной невозможности мирного выхода из кризиса, нежели проповеди социализма или анархизма. Он говорил в одной из речей:

«Историческая драма, которую мы переживаем, заключается в том, что мы вынуждены отстаивать монархию против монарха, церковь против церковной иерархии, армию против ее вождей, авторитет правительственной власти – против носителей этой власти» [7, с. 80].

И сила, и беда русских была в том, что слишком многое в душе замыкалось на государство и верховную власть. Какое огромное место во всей нашей культуре занимает фигура *государя!* Цари и даже великие князья нам близки, как члены семьи, для каждого у нас сложился особый образ. О Сталине и говорить нечего – он постоянно на слуху. Плачевное состояние высших государственных сфер уже с самого начала XX века тяжело переживалось близкой к этим сферам культурной частью общества. Валерий Брюсов писал уже в 1903 г.:

*Как ненавидел я всей этой жизни строй
Позорно-мелочный, неправый, некрасивый.*

Людей оскорбляли именно позорно-мелочные, некрасивые действия власти. Выше мы говорили о том, какой удар по нравственной связности общества нанесло введение телесных наказаний для крестьян. На привилегированные сословия действовали другие приемы власти. Так, в России была учреждена *перлюстрация писем* - вскрытие писем на почте и их изучение в департаменте полиции. При почтамтах были учреждены «черные кабинеты», где вскрывались письма.

Страна жила в атмосфере тотального сыска (просматривалась даже почта министров и великих князей). Графиня Е.А.Воронцова-Дашкова как-то даже сказала Николаю, что весь Петербург говорит, будто он управляет на основании перлюстрации. Царь ответил: «Очень благодарю Вас, что Вы мне это сказали, пожалуйста, распространяйте, что если бы какой-нибудь министр посмел мне показать перлюстрированное письмо, то я его двадцати четырех часов не продержал бы». Княгиня Е.А.Святополк-Мирская, записавшая этот разговор, добавила в своем дневнике: «А факт, что Плеве показывал!» [8, с. 51].

П.Н.Дурново, разбиравший бумаги убитого террористами министра внутренних дел Плеве, сказал его преемнику кн. П.Д.Святополк-Мирскому, что «нельзя себе представить, что было у Плеве: все полно перлюстрации и доносами на разных людей, в особен-

ности на Витте, и что доклад, который он вез, когда был убит, был весь наполнен такого рода сведениями». Сам Витте в воспоминаниях утверждал, что в бумагах Плеве находилось компрометирующее его, Витте, письмо, написанное женщиной-агентом секретной полиции, в котором сообщалось о его участии в подготовке покушения на царя. Как он потом выяснил, это письмо было ей продиктовано.

Но дело не в Плеве - речь идет о порочной системе, разрушавшей верховную власть и вызывавшей отвращение в обществе. При этом широко использовались не только перлюстрированные письма, но и поддельные, якобы перлюстрированные. Директор Департамента полиции А.А.Лопухин, исходя из рассказов самих Витте и Плеве, так излагает историю схватки этих двух важнейших министров. Клика Витте затеяла интригу с целью добиться его назначения министром внутренних дел вместо Плеве. С.В.Зубатов (руководитель политического сыска) составил фальшивое письмо якобы одного «верноподданного» к другому, в котором расхваливался Витте. Это письмо должны были передать царю под видом перлюстрированного, как «голос народа». Но Зубатов показал письмо своему другу, известному и опытному провокатору М.И.Гуровичу, а тот снял копию и отдал Плеве - продал друга и начальника. Плеве доложил царю, и Витте отправили в отставку с поста председателя Комитета министров, а с ним и Зубатова. Кадет В.А.Маклаков, выступая в Думе, говорил в 1909 г.:

«Правительство в плену у охранников... У него [охранного отделения] политика определенная: раздражать общество, возмущать общество, бороться с обществом, наконец, как венец всего этого, поддерживать атмосферу беззакония и произвола» [8, с. 64].

Эта политика правительства, только ухудшавшая обстановку, оскорбляла людей, рушился авторитет власти, и этот яд спускался вниз, в самые широкие слои общества и готовил его к насилию как извращенному подобию утраченного авторитета. Александр Блок в июле 1908 г. выразил такими словами

*Что делать! Ведь каждый старался
Свой собственный дом отравить,
Все стены пропитаны ядом,
И негде главы приклонить!
.....
И, пьяные, с улицы смотрим,
Как рушатся наши дома*

Конфликт с интеллигенцией, которая по мере ослабления официальной религиозности народа играла все более важную роль в легитимации (или подрыве легитимности) власти, после 1906 г. стал быстро углубляться. Во время студенческих волнений в конце 1910 г. Столыпин не только не обращал внимания на остатки университетской автономии, но и пытался обязать профессуру сотрудничать с полицией. Таким образом, он нанес тяжелый удар по «кадетскому» университету. Подали в отставку со своих постов ректор и проректор Московского университета, а их вообще уволили с должности профессора. В знак солидарности в отставку подали 130 профессоров и преподавателей, включая К.А.Тимирязева, В.И.Вернадского, П.Н.Лебедева, С.А.Чаплыгина.

К февралю 1917 г. только в московском охранном отделении имелась картотека на 300 тысяч политически неблагонадежных. Под «колпаком» охраны был едва ли не весь преподавательский состав университетов. В деле «О проф. Московского университета И.М.Сеченове» (1898) сказано:

«Из секретных сведений особого отдела Департамента полиции усматривается, что в 1872 г. масса слушателей посещала лекции Сеченова и Боткина, которых вследствие этого Правительство изволило удалить из Медицинской академии, т.е. от того, что они своими лекциями приобрели большую популярность между студентами» [54].

Александр Блок писал о той свободе, которую дало царское правительство под давлением революции 1905 г.:

*И если лик свободы явлен,
То прежде явлен лик змеи,
И ни один сустав не сдавлен
Сверкнувших колец чешуи*

В 1910 г. была введена политическая слежка за офицерами в армии. Военный министр ввел в число своих помощников офицера из жандармов подполковника С.Н.Мясоедова и поручил ему возглавить «военную охранку»²⁷. В войска был отправлен циркуляр о ведении агентурной слежки за офицерами. Это взволновало офицеров, и А.И.Гучков, считая, что озлобление офицерства революционизирует армию, начал кампанию против введения слежки в прессе. Мясоедов потребовал у редактора «Вечернего времени» Б.А.Суворина извинений и избил его. Возник скандал, и правительство пошло на попятную, министр пообещал отменить циркуляр и отослал жандарма в войска. В довершение ко всему Мясоедов вызвал на дуэль Гучкова (с применением – небывалое дело – современных нарезных пистолетов), стрелял в него и промахнулся (Гучков тут же выстрелил в воздух). Все это оказало на военных самое тягостное впечатление.

О падении нравов в высших кругах говорит и тот факт, что Гучков отомстил Мясоедову политическими средствами – в 1915 г. он организовал обвинение Мясоедова в шпионаже и тот был расстрелян. Позже стало известно, что Гучков знал о непричастности жандарма к шпионажу, цель его была в том, чтобы дискредитировать военного министра В.А.Сухомлинова (министра с 1909 г.!). Действительно, тот был в 1916 г. арестован, провел шесть месяцев в тюрьме и, поскольку обвинение никак не подтверждалось, был отправлен под домашний арест. После Февральской революции, когда Гучков стал военным министром, Сухомлинова осудили на пожизненную каторгу²⁸. Полная невиновность Сухомлинова была окончательно установлена в 60-е годы советскими историками.

Воспитанный в армии с детства, много воевавший и досконально знавший государственное устройство России Сухомлинов прекрасно понял, какой катастрофой стало бы для страны укрепление у власти буржуазных партий во главе с милликовыми и гучковыми. В 1924 г. он издал в Берлине книгу воспоминаний, в которой писал:

«Залог для будущей России я вижу в том, что в ней у власти стоит самонадеянное, твердое и руководимое великим политическим идеалом правительство... Что мои надежды являются не совсем утопическими, доказывает, что такие мои достойные бывшие сотрудники и сослуживцы, как

²⁷ Личные качества этого жандарма навредили делу. Ранее он был уволен в отставку за перевозку контрабанды, но, познакомившись на курорте с военным министром, снова был принят на службу.

²⁸ От каторги Сухомлинов был освобожден в мае 1918 г. Советским правительством, после чего в октябре 1918 г. эмигрировал. Умер в 1926 г.

генералы Брусилов, Балтийский, Добровольский, свои силы отдали новому правительству в Москве» (см. [18, с. 87]).

Чем показателен конфликт с попыткой создания в армии разновидности «особого отдела»? Тем, что царское правительство к 1910 г. утратило свой авторитет уже настолько, что потеряло уверенность в себе, стало виллять и отступать и не осмелилось обратиться к офицерству с честными и здоровыми словами. Ведь было очевидно, что оставлять армию без надзора политической полиции нельзя. Офицерство уже превратилось из дворянской военной касты в часть разночинной интеллигенции. Политически оно было расколото, что продемонстрировали восстания в армии и на флоте в 1905-1906 гг. А ведь это – первые признаки гражданской войны. И вот, вместо того, чтобы объяснить и довести необходимые меры до конца (конечно, с более достойными средствами), правительство пошло на поводу у политиков-популистов, пусть и правого толка. Утрата авторитета верховной власти в глазах офицерства – исключительно важная предпосылка к гражданской войне. Последующие события продемонстрировали это самым наглядным образом.

Надо, однако, признать, что важнейший вклад в дискредитацию власти внес самый выдающийся государственный деятель начала XX века и большой патриот России П.А. Столыпин. Он избрал во многих отношениях фатально неверный путь. Поразительно, что во время перестройки Столыпин стал кумиром той самой части интеллигенции, которая больше всех говорила о нравственности и ненавидела КГБ. Как они могли согласовать это с таким важным наблюдением С.Ю.Витте:

«В своем беспутном управлении Столыпин не придерживался никаких принципов, он развратил Россию, окончательно развратил русскую администрацию, совершенно уничтожил самостоятельность суда... Столыпин развратил прессу, развратил многие слои русского общества, наконец, он развратил и уничтожил всякое достоинство Государственной думы, обратив ее в свой департамент» (см. [21, с. 68]).

Создание охранки нового типа, безнравственность которой еще больше подорвала авторитет государства, бумерангом ударило по государству. Именно Столыпин организовал провокацию, которая привела к разгону II Государственной думы 3 июня 1907 г. Охранка, скорее всего, подбросила одному депутату от социал-демократов «наказ» солдатам столичного гарнизона с призывом к вооруженному восстанию, затем устроила обыск и этот «наказ» обнаружила. 1 июня Столыпин потребовал от Думы разрешения на арест депутатов социал-демократов, но Дума даже не успела этот вопрос рассмотреть и отказать или согласиться с требованием, как ее распустили указом царя [21]. Это вошло в историю как «переворот 3 июня».

Охранка пошла на абсолютно недопустимое, особенно в традиционном обществе, предоставление «лицензии на политическое насилие» против оппозиции. Размывание абсолютной монополии на легитимное насилие – начало гибели государства. Один из политических руководителей охранки П.И.Рачковский, по свидетельству многих историков (а главное, по сложившемуся тогда в обществе мнению), санкционировал политические убийства оппозиционных деятелей неформалами уголовного типа, которые рядились в «черносотенцев».

По распоряжению Столыпина в 1910 г. был образован секретный агентурный отдел, который курировал *провокаторов*. Возникла, как говорят, целая русская школа провокации. Денег на это не жалели, провокатор Р.В.Малиновский, член ЦК партии большевиков, имел жалованье 700 руб. в месяц, Азеф получал от полиции невиданный в российском государстве оклад – 1000 руб. в месяц (царский министр получал 600 рублей,

жалованье губернатора составляло 500 руб.). Провокатор в партии эсеров Н.Ю.Татаров только за 7-8 месяцев его службы с марта 1905 г. получил 16100 руб. (платежные документы были обнаружены в 1917 г.).

Писатель М.А.Осоргин, разбиравший после Февраля архивы охранки, сообщает о курьезном случае: случайно встретились и заспорили два большевика-подпольщика, принадлежавшие к разным течениям в партии. Оба написали отчет в охранку о разговоре и о собеседнике - оба были провокаторами. А в партии всего-то было 10 тыс. человек на всю Россию!

Много написано про деятельность Е.Ф.Азефа, *осведомителя* полиции с 1893 г. Но при Столыпине он стал *провокатором* - планировал и осуществлял террористические акты на крупных сановников и министров, и в то же время выдавал охранке весь состав боевой организации эсеров²⁹. В прессе в то время ставился вопрос, кого же Азеф предавал больше и чаще - охранку эсеровской партии или террористов - охранке. У директора Департамента полиции А.А.Лопухина, например, сложилось убеждение, что гораздо больше урона Азеф нанес полиции. П. А. Столыпин, напротив, категорически отстаивал версию о выдающихся заслугах Азефа в деле охраны.

Охранка поддерживала прямую связь с террористами. Начальник Петербургского охранного отделения А.В.Герасимов давал согласие на приезд царя из загородной резиденции в столицу только получив от Азефа сообщение, что его боевиков в этот день в Петербурге не будет. Для нас здесь важен не Азеф, а политика Столыпина как самого способного и эффективного политика российского государства в тот период. После провала Азефа Столыпину был сделан запрос в Госдуме, поскольку убийство агентами департамента полиции государственных лиц такого масштаба, как министр внутренних дел Плеве и великий князь Сергей Александрович - дело в истории неслыханное и для государства разрушительное.

Убийство министра В.К.Плеве, которое полиция практически не стала расследовать, было своего рода «платой» за надежность такого ценного агента, как Азеф. Эта его «победа» стала для него гарантией безопасности в среде эсеров. В сентябре 1905 г. Л.П.Меньшиков, один из наиболее опытных (с 1887 г.) служащих политической полиции, но тайно убежденный революционер, передал в ЦК партии эсеров письмо, разоблачающее с неопровержимыми подробностями двух главных агентов охранки – Азефа и Н.Ю.Татарова. Но так был велик авторитет Азефа после покушения на Плеве и настолько эсеры не могли поверить в такую аморальность полиции, что Азеф смог свалить всю вину на Татарова и добился, чтобы его казнили. На слушаниях по делу Азефа в Госдуме были, например, такие выступления депутатов:

«В Твери окружной суд судит за убийство агента губернского жандармского управления, и подсудимый оказывается агентом охранного отделения. В Екатеринославе обливают серной кислотой помощника полицейского надзирателя. Подсудимый заявляет, что служил в охранном отделении по специальности провокатора. В Гродно судебная палата разбирает дело об организации социалистов-революционеров, и главным организатором группы, создавшей целый план террористических действий, оказывается агент охранного отделения. В Киеве окружной суд рассматривает дело об экспроприации, и начальник сыскной полиции сообщает, что руководил экспроприацией отдел сыскного отделения...» [21, с. 69].

²⁹ Тот факт, что разоблаченному Азефу руководители эсеров Чернов и Савинков после допроса разрешили удалиться, трудно объяснить, если не считать и их связанными какими-то тайными договоренностями.

Для многих читателей сегодня, похоже, непонятно, почему раскрытие провокатора Азефа и последующее обсуждение нанесло такой тяжелый удар по всей государственности России. В этом непонимании – признак некоторой культурной деградации. Надо сделать усилие и понять, что тогда, в 1908 г., очень многие в России поняли, что монархическая государственность обречена, что она попала в порочный круг, из которого не видно выхода – сам ее организм стал возвращать провокацию и требовать все больших и больших ее доз. Провокация как защитник государства неминуемо становится и его убийцей (после убийства Столыпина отмечали, что оно было организовано по тем самым канонам, которые и вырабатывал Столыпин – связкой «провокатор-охранка»).

В 1991 г. в Москве вышла важная книга выдающегося русского историка-эмигранта Б.И.Николаевского «История одного предателя» [55]. Автор ее работал в 1917 г. в комиссии о изучении деятельности охранки, и с тех пор собирал документы о провокаторах. В Гуверовском институте в Стэнфорде хранится огромная коллекция собранных им документов – более 250 фондов. Книгу об Азефе он закончил в 1931 г., и с тех пор этот классический труд регулярно переиздается за рубежом. Он считал, что без понимания дела Азефа нельзя понять многого в истории русской революции. Книга эта, действительно, исключительно много дает для объяснения сути важных событий³⁰. Во введении к своей фундаментальной книге Б.Николаевский пишет:

«Именно Россия дала миру тот пример провокации, которому суждено войти в историю в качестве классического примера провокации вообще.

Таким примером бесспорно является история Азефа. Человек, свыше 15 лет состоявший на службе в качестве тайного полицейского агента для борьбы с революционным движением и в то же время в течение свыше пяти лет бывший главой террористической организации – самой крупной и по своим размерам, и по размаху ее деятельности, какую только знает мировая история; человек, предавший в руки полиции многие и многие сотни революционеров и в то же время организовавший ряд террористических актов, успешное проведение которых остановило на себе внимание всего мира; организатор убийств министра внутренних дел Плеве, вел. кн. Сергея Александровича и ряда других представителей власти, ... - Азеф является поистине еще не превзойденным примером того, до чего может довести последовательное применение провокации как системы» [55, с. 22-23].

Дело Азефа потрясло российское общество тем, что оно показало, как далеко зашло в России развитие системы провокаций, этой «раковой опухоли государства». Депутат Государственной думы Н.Н.Львов говорил в ходе обсуждения дела Азефа, что «в российской действительности есть почва для возвращения провокации». Один депутат в Госдуме сказал на слушаниях:

«Нет ни одного уголовного процесса на политической почве, в котором не присутствовал бы и не играл бы своей роли провокатор. Провокация Азефа отличается от других только тем, что она более красочна и по составу убивающих, и по составу лиц убиваемых. Но она решительно по принципу ничем не отличается от всех обыкновенных политических провокаций, которые есть альфа и омега нашего политического управления».

³⁰ Поразительно, что эта книга, изданная тиражом 280 000 экз., осталась почти неизвестной читателю и раздавалась бесплатно, как макулатура.

Горький, которому о деле Азефа сообщила Е.П.Пешкова, писал 15 января 1909 г.: «Письмо твое – точно камень в лоб, у меня даже ноги затряслись и такая тоска, такая злоба охватила – невыразимо словами, впечатление оглушающее». Тем более можно понять, как был деморализован делом Азефа сам государственный аппарат. Новые провокации только запутывали дело, и в высших кругах раздавались требования о предании военному суду то одного, то другого руководителя политической полиции, которых приходилось защищать лично Столыпину. Б.И.Николаевский пишет:

«Уже сама возможность разговоров на эту тему достаточно ясно говорит о том, какая обстановка создавалась после дела Азефа на верхах политической полиции. Полное разложение, полное недоверие ко всем на этих верхах – с одной стороны; глубочайшая дискредитация во всем мире – с другой, – такова была месть Азефа-провокаatora той системе, которая создала возможность его появления на свет божий» [55, с. 301].

Из возникшего порочного круга правительство и лично Столыпин нашли, пожалуй, наихудший выход – они встали на защиту Азефа. Б.И.Николаевский пишет:

«В свое время, в дни после разоблачения Азефа всех поразило определение роли последнего, данное в первом правительственном сообщении по этому делу: как известно, тогда он был назван «сотрудником правительства». Все были уверены, что это только злополучная обмолвка составителя сообщения, который «агента полиции» назвал небывалым титулом «сотрудника правительства» [55, с. 188].

Но далее автор объясняет, что это выражение «по существу, несомненно, более точно отвечало действительной роли Азефа за последние годы его работы на полицию, чем стереотипное название «агент полиции».

Здесь есть важная для нас сегодня сторона. Азеф – провокатор-предприниматель, фигура новая и немислимая в культуре традиционного общества. Включение такой фигуры в систему власти идеократического монархического государства неминуемо вело к его коррозии. Азеф строил всю свою работу на принципе денежной выгоды – с помощью полиции он добился возможности распоряжаться очень большими средствами кассы Боевой организации эсеров, а затем, шантажируя полицию угрозой терроризма, все время требовал повышения заработка. Азеф произвел *десакрализацию*, разрушение авторитета даже кровавого подвига террористов.

А по своим убеждениям он вовсе не был ни революционером, ни эсером, он был большой поклонник реформы Столыпина. Да и Столыпин находил общий язык с Азефом. Через начальника Петербургского Охранного отделения и прямого руководителя Азефа в 1906-1909 гг. А.В.Герасимова он советовался с ним перед разгоном I Государственной думы, а затем и относительно планов аграрной реформы. Герасимов пишет в важной книге воспоминаний «На лезвии с террористами» (Париж, 1985):

«По своим убеждениям Азеф был очень умеренным человеком – не левее умеренного либерала. Он всегда резко, иногда даже с нескрываемым раздражением, отзывался о насильственных, революционных методах действия. Вначале я его этим заявлениям не вполне доверял. Но затем убедился, что они отвечают его действительным взглядам. Он был решительным врагом революции и признавал только реформы, да и то проводимые с большой постепенностью. Почти с восхищением он относился к аграрному

законодательству Столыпина и нередко говорил, что главное зло России в отсутствии крестьян-собственников» [55, с. 18].

Большое потрясение в обществе вызвали разоблачения, сделанные бывшим начальником Департамента полиции А.А.Лопухиным. В 1906 г., после его увольнения с должности (в 1905 г.), он явился на прием к Витте и сообщил, что в полиции под руководством Д.В.Трепова и при участии П.И.Рачковского была создана и действует секретная группа, изготавливающая «провокационные прокламации». Он попросил Витте (а потом и Столыпина) закрыть эту «подпольную» типографию.

Витте потребовал доказательств, и Лопухин принес ему образцы отпечатанных «прокламаций». Но Витте, как сам он признается, не дал делу хода, считая некорректным разглашение служебной тайны. Тогда Лопухин отдал документы своему родственнику депутату Урусову, и тот сообщил об издании провокационных прокламаций на заседании Думы 8 июня 1906 г. В 1907 г. Лопухин выпустил книгу с критикой жандармско-полицейской системы в России - «Из итогов служебного опыта. Настоящее и будущее русской полиции». Он писал о политической полиции:

«Охрана государственной власти в руках корпуса жандармов обращается в борьбу со всем обществом, а в конечном счете приводит к гибели и государственную власть, неприкосновенность которой может быть обеспечена только единением с обществом. Усиливая раскол между государственной властью и народом, она создает революцию. Вот почему деятельность политической полиции представляется не только враждебной народу, но и противогосударственной».

За то, что Лопухин выдал эсерам провокатора Азефа, он был отдан под суд. В разговоре с начальником петербургской охранки А.В.Герасимовым Лопухин так объяснил свой поступок и отношение к Азефу: «Вся жизнь этого человека – сплошные ложь и предательство. Революционеров Азеф предавал нам, а нас – революционерам. Пора уже положить конец этой преступной двойной игре» [55, с. 11].

Разрушительное влияние на общественную мораль и авторитет власти оказывала в начале XX века нарастающая коррупция государственных чиновников. Само слово *коррупция* означает *подкуп* - продажу должностным лицом частицы своей власти ради личной выгоды. В государстве, пораженном коррупцией, становится трудно делать доброе и законное дело - за это надо давать взятку чиновнику. Но зато становится легко делать злое и преступное дело - за это всего лишь надо дать взятку чиновнику. У простого человека, ежедневно становящегося свидетелем и жертвой этой коррупции, возникает и укрепляется темное антигосударственное чувство, для него народ делится на устойчивое «мы» - и «они», *коррумпирующая власть*.

Известно, что коррупция в так называемом «традиционном» обществе, каким было и российское общество, носит совершенно иной характер, чем в обществе «либеральном», рыночном, где все продается и покупается. Вторжение западного «либерального» капитализма породило коррупцию, которая глубоко деморализовала и власть, и общество. В широких слоях народа зрела ненависть к акулам коррупции, гнездящиеся на вершине пирамиды. Для них зло - основа и необходимое условие их бытия. Они - творцы коррупции, они не только ею питаются, но и дышат. Они даже вынуждены заражать ею людей и общество, как торговец наркотиками соблазном и силой приучает у ним подростков. Они - безжалостные, смертельные враги народа. Они и враги государства, независимо от цвета его флага, они кормятся его кровью и мозгом, превращают в труху.

Разлагающее действие на государственный аппарат производили иностранные банки и вообще иностранный капитал в тот период, когда он захватывал командные высоты в российской экономике. Вот справка из книги М.Галицкого “Иностранные капиталы в русской промышленности перед войной” (М., 1922):

“Добыча угля в 1912 г. на рудниках 36 акционерных обществ Донбасса составляла 806,78 млн. пудов. 25 АО имели почти исключительно иностранный капитал, они добывали 95,4% угля от добычи АО. Правления 19 АО из этих 25 находились в Бельгии и Франции. В руках иностранных обществ было свыше 70% общей добычи угля в Донбассе... Около 90% добычи платины в России находится в руках иностранных компаний... Помимо концентрации свыше 3/4 торговли нефтью в России, иностранные финансовые синдикаты располагали в 1914 г. собственной добычей нефти в размере около 60% общеимперской добычи” [12, с. 195].

И так далее – по всем отраслям, особенно наиболее развитым в техническом отношении. К началу мировой войны стало очевидно, что такой уровень присутствия иностранного капитала уже лишает Россию и политической независимости. Иностранные банки контролировали производство и рынок стратегических продуктов – продовольствия, топлива и металла. Вот документ, который нам сегодня очень близок и понятен. Это выдержка из рапорта прокурора Харьковской судебной палаты на имя министра юстиции от 10 мая 1914 г., № 3942:

“В дополнение к рапорту от 25 апреля с.г. за № 3470 имею честь донести вашему высокопревосходительству, что в настоящее время продолжается осмотр документов, отобранных в правлении и харьковском отделении общества “Продуголь”, причем выясняется, между прочим, что это общество, являясь распорядительным органом синдиката каменноугольных предприятий Донецкого бассейна, находится в полном подчинении особой заграничной организации названных предприятий - парижскому комитету” [12, с. 191].

Далее в письме прокурора приводятся выдержки из документов, которые показывают, что парижский комитет диктует предприятиям объемы производства угля и цены, по которым уголь продается на российском рынке. К началу войны в России был искусственно организован “угольный голод” и повышены цены на уголь. В результате дипломатического нажима расследование деятельности «угольной мафии» было закрыто. Историк И.И.Решетникова пишет:

«В связи с тем, что факты, касающиеся противоправных действий монополии, приобрели настолько широкую огласку в печати и в Думе, правительству, несмотря на стремление не вмешиваться в дела монополий, пришлось проявить активность в судебном разбирательстве относительно «Продугля». Были даже проведены обыски в помещениях синдиката в Харькове и Петербурге в апреле 1914 г. В защиту «Продугля» выступил даже французский посол в России Палеолог и видный политический деятель, впоследствии президент Франции Поль Думер, не говоря уже о представителях русского финансового капитала. В результате судебное следствие по поводу «Продугля» было завершено «за недостаточностью собранных улик» [56].

Особенно тяжелый удар по авторитету верховной власти наносила коррупция высших чиновников, связанная с подрывом *обороноспособности* России и оплачиваемая большой кровью солдат. С появлением структур парламентаризма громкие случаи коррупции стали все чаще выходить на поверхность и информация о них быстро распространялась в обществе. Говоря в Госдуме о плачевном состоянии снабжения русской армии и флота как одной из причин поражения в японской войне, А.И.Гучков сказал:

«И этой бедной армии и ее начальникам пришлось вести две войны, войну на два фронта, одну с японцами, а другую с Петербургом, с Правительством, с Военным министерством. Это была мелкая, ежедневная, партизанская война и, разумеется, петербургские канцелярии победили».

Мнение, что правительство является *врагом* российской армии, так что с ним приходится вести войну («на два фронта»), войну очевидно *гражданскую*, укоренилось вскоре после поражения в русско-японской войне и потом стало привычным мотивом - причем даже в выступлениях политиков, стоявших на защите правящего класса. Так, в III Госдуме октябристы сделали запрос правительству по делу о строительстве в Англии крейсера «Рюрик». Обычный порядок состоял в том, что англичане строили корабль, а вооружался он в России. На этот раз англичанам заказали и изготовление орудий и передали секретные чертежи новых артиллерийских систем, разработанных в России, а также ряд других секретных технологий.

Это всплыло потому, что английская фирма «Виккерс» нарушила контракт, в срок не построила корабль и должна была выплатить крупную неустойку. С целью шантажа высокопоставленных чиновников Морского министерства фирма стала угрожать разоблачениями и сообщила некоторые сведения [7, с. 30-31]. Всплыли факты передачи за рубеж дорогостоящих и секретных российских разработок, и сомневаться в коррупции не приходилось.

С коррупцией было тесно переплетено и циничное корыстолюбие крупной буржуазии, которая, пользуясь войной, буквально грабила государство. Начальник Главного артиллерийского управления генерал А.А.Маниковский писал, что русские промышленники во время войны проявили непомерные аппетиты к наживе и «безмерно обогатились в самую черную годину России». За 3-дюймовый снаряд частным предприятиям переплачивали 5 руб. 49 коп., а за 6-дюймовый от 23 до 28 рублей. Председатель Госдумы один из лидеров партии октябристов взял подряд на изготовление березовых лож для винтовок – и ему сверх самой высокой цены пришлось накинуть по рублю на каждую штуку, ибо «Родзянко нужно задобрить» [7, с. 95]. Можно понять, почему А.А.Маниковский, в дни Октября бывший одним из руководителей Военного министерства Временного правительства, остался служить в Красной армии.

С этим положением царское правительство справиться не смогло. Но в таком же состоянии были дела и при Временном правительстве - восстановление экономического и политического суверенитета России было невозможно без того, чтобы затронуть интересы иностранного капитала, который вступил в союз с отечественным криминальным капиталом. А пойти на это либералы, понятное дело, не могли.

Взрывной рост коррупции произошел в первые же недели пребывания у власти Временного правительства. Комиссар Временного комитета Госдумы в Министерстве путей сообщений жаловался своему руководству: «Прохвосты, проходимцы, хамы... Губят Россию. Они не просуществуют и двух месяцев... Все пойдет к черту. Их с позором выгонят. В чем дело? – В том, что такого кумовства и при Распутине не было» [7, с. 173]. И это было общее явление в органах управления, причем касалось самых важных вопросов. Вот

выдержка из доклада министра юстиции Временного правительства В.Н.Переверзева на III съезде военно-промышленных комитетов в мае 1917 г.:

“Спекуляция и самое беззастенчивое хищничество в области купли-продажи заготовленного для обороны страны металла приняли у нас такие широкие размеры, проникли настолько глубоко в толщу нашей металлургической промышленности и родственных ей организаций, что борьба с этим злом, которое сделалось уже бытовым явлением, будет не под силу одному обновленному комитету металлоснабжения.

Хищники действовали смело и почти совершенно открыто. В металлургических районах спекуляция создала свои собственные прекрасно организованные комитеты металлоснабжения и местных своих агентов на заводах, в канцеляриях районных уполномоченных и во всех тех учреждениях, где вообще нужно было совершать те или иные формальности для незаконного получения с завода металла. Новый строй здесь еще ничего не изменил,.. организованные хищники так же легко и свободно обделывают свои миллионные дела, как и при прежней монархии... При желании можно было бы привести целый ряд очень ярких иллюстраций, показывающих, с каким откровенным цинизмом все эти мародеры тыла, уверенные в полнейшей безнаказанности, спекулируют с металлом, предназначенным для обороны страны” [12, с. 358-359].

После февраля крупные промышленники вовсе не проявили солидарности со своим Временным правительством и, как говорилось, «объявили налоговую стачку». С февраля по октябрь 1917 г. буржуазия внесла подоходного налога менее трети от положенной суммы, что не только подорвало возможности правительства, но и озлобило трудящихся. Эту позицию буржуазии Керенский назвал в августе 1917 г. одной из причин «опустошения государственной казны».

Все это вызывало глубокое презрение народа. А Блок писал об этом чувстве уже в 1910 г.:

*Презренье созревает гневом
А зрелось гнева - есть мятеж.*

Разрушение местной власти и системы самоуправления

В процессе ослабления и распада государственности, который стал важной предпосылкой к Гражданской войне, особо надо выделить истощение, с начала XX века, того слоя государственной системы, который соединял подавляющее большинство населения в общество, а его – с верховной властью. Переход к сознанию гражданской войны означает, что у массы людей резко упрощается представление об обществе – оно разделяется на «мы» и «они». Они – враги нас.

То общество, в котором достаточно большая часть людей включена одновременно в разные группы, обладает прочной сетью человеческих связей, и такое разделение на «мы» и «они» достигается с трудом. Всегда около тебя есть люди, которые одновременно принадлежат и к «нам», и к «ним». Потому и устойчиво гражданское общество, что каждый индивидуум включен в несколько «ассоциаций».

В России не могло сложиться гражданского общества западного типа, но в пореформенное время введение начал самоуправления способствовало повышению связности сословного общества. Мы говорим о *земстве* – той большой системе местной власти и

самоуправления в сельской местности, которая складывалась в России после реформы 1861 г. (в городах органами самоуправления были городские думы и управы).

К началу XX в. эта система имела следующий вид. Общины (общество), объединяющие крестьян-домохозяев деревни или малых соседних деревень, имели орган *крестьянского самоуправления* – сельский сход. Он избирал сельского старосту. Общества объединялись в *волости*, в которые входили несколько деревень с населением до 2000 человек. Старосты, волостные старшины и волостные судьи следили за порядком и сбором налогов, их контролировали *мировые посредники*, подчиненные губернскому присутствию по крестьянским делам. Законом 1889 г. мировые посредники и уездные собрания были заменены *земскими участковыми начальниками*. Они назначались из дворян и имели большие полномочия по утверждению решений крестьянских сходов, назначению и смещению должностных лиц и даже по наказанию крестьян.

Сельские старосты и волостные старшины, сборщики податей, сотские и десятские были для власти бесплатным дополнительным административно-полицейским звеном, охранявшим сословную дискриминацию и замкнутость крестьянства. Волостной старшина следил за «сохранением общественного порядка, спокойствия и благочиния в волости». Важной фигурой был волостной писарь, ведущий делопроизводство и назначаемый мировым посредником (позже земским начальником).

Население, разделенное на *курии*, избирало *уездное земское собрание*. Помещики и зажиточные горожане избирали прямо, а крестьяне (мужчины) – через выборных от общин. Имущественный ценз был очень высоким. Так, в Москве и Петербурге в выборах участвовали около 5% взрослого населения. При таком порядке в уездных собраниях дворяне составляли почти 50% депутатов («гласных»). Они избирали *губернское земское собрание* (в 1890 г. 89,5% их депутатов были дворянами). Исполнительными органами в уезда и губернии были *земские управы*. Подробнее о государственных учреждениях царской России и месте в них земства см. в [52].

Создание земских учреждений шло очень медленно и даже в русских губерниях завершилось лишь после революции 1905-1907 гг. В тех местностях, где не было дворянства (например, в Сибири), они вообще не создавались. Права земств были очень ограниченными, выполнение их постановлений реально зависело от губернатора, которому подчинялась полиция. Денег на выполнение своих функций (местное благоустройство, содержание больниц, народных школ и т.п.) у земств почти не было, попытки учреждать местные налоги пресекались правительством. Либералы видели в земствах ступень к умеренному конституционному строю, кадет Струве даже считал «властное всероссийское земство» идеалом государственного строя.

Вплоть до крестьянских волнений начала XX века земские деятели занимали умеренно либеральную позицию, и отношения с правительством с самого начала были натянутыми. Особым законом было запрещено даже печатать земствам свои постановления и отчеты без специального разрешения губернаторов. В 1867 г. Сенат запретил сношения земских учреждений разных губерний – из-за опасения, что такие низовые связи поведут к возникновению зачатков парламентаризма. Эта запреты резко затрудняли общероссийскую «горизонтальную» консолидацию общества. В положении о земских учреждениях 1890 г. было предусмотрено дальнейшее ужесточение избирательной системы и правительственного надзора за их деятельностью (это положение называли «земской контрреформой»). Закон 1900 г. отстранил земства от продовольственного дела и еще больше сократил их финансовую базу.

Тем не менее, земское движение набирало силу и могло создать сеть низовых органов управления, лояльных по отношению к власти и укрепляющих всю государственную систему. Однако положение монархического режима в начале XX века было уже столь сложным, что он не мог сосуществовать даже с этой единственной формой легальной об-

щественной организации, стоявшей на платформе либеральной буржуазно-дворянской оппозиции - земством. Став министром внутренних дел, кн. П.Д.Святополк-Мирский, сторонник развития земства, сокрушался: «Не хотят понять того, что то, что называется теперь либерализмом, есть именно консерватизм». Земство было, видимо, единственным резервом, за счет которого царский режим мог расширить свою социально-политическую базу. В ходе нарастания революционного движения он вошел с земством в тяжелый конфликт, и использование земства для стабилизации системы через укрепление зачатков гражданского общества стало невозможным.

Верхушка царского режима относилась к либеральным деятелям земства как к своим противникам, хотя никакой реальной опасности от них не исходило. Княгиня Е.А.-Святополк-Мирская в беседе с императрицей сказала ей:

«Я много жила в провинции, я знаю многих из этих господ, которых считают красными, и я Вас уверяю, Ваше величество, что если бы для них хоть что-нибудь сделали, они бы все стали консерваторами, всех их интересы заключаются в сохранении режима» [8, с. 13].

Но дело было не в непонимании. Придворная верхушка как раз понимала, что уступка либеральному земскому руководству откроет в структуре режима ту брешь, в которую ворвутся совершенно не консервативные силы, а то, что М.Вебер назвал «архаическим крестьянским коммунизмом». Так и получилось с I и II Государственными думами и «приговорным движением» крестьян - большой кампанией по подаче в Думу петиций и прошений. Кроме того, царское окружение верно оценивало глубину пропасти, которая отделяла либералов от народных масс, и не считало кадетов и земцев надежным заслоном против революции - к чему же тогда идти им на уступки, ослабляя структуру власти.

По этому вопросу в верхах шла дискуссия с 90-х годов XIX века, отраженная в записках С.Ю.Витте и тогдашнего министра внутренних дел И.Л.Горемыкина. Одна сторона доказывала, что в Западной Европе именно учреждения самоуправления «подточили абсолютную власть» и что «самодержавие с земством несовместимо». Другая сторона, напротив, видела в земстве «корректив против бюрократического абсолютизма» и средство предотвратить революцию³¹.

В декабре 1904 г. бывший заместитель Горемыкина, а теперь заместитель Витте (и впоследствии обер-прокурор Синода) А.Д.Оболенский писал Витте, который считался противником земства:

«Плотину прорвало, потока Вы не остановите, но в русло его направить можно и должно... Вы думаете, быть может, что Вам удастся чего-либо достигнуть силой? Мечты! К несчастью для нас, современников, и, вероятно, для наших детей, но, быть может, к счастью для будущего России - Вы ее в Испанию не превратите. Филипп II и католичество съели Испанию, наши бюрократические бредни Россию не раздавят, но, конечно, вызовут нечто такое, от чего нам тяжело придется» [8, с. 37].

С назначением министром внутренних дел вместо убитого эсерами Плеве более либерального Святополк-Мирского у земцев возникли надежды на более терпимое к ним отношение правительства, и было решено созвать 6-7 ноября 1904 г. в Москве съезд земских деятелей. Активное участие в его подготовке приняли кадеты, которые собирались выдвинуть на съезде свою конституционную программу. Этим предполагалось нейтрализо-

³¹ В 1899 г. Витте подал царю секретную записку «Самодержавие и земство», в которой доказывал, что при самодержавии земство есть «непригодное средство управления».

вать набравшее силу революционное движение. Видный земский деятель Е.Д.Кускова писала:

«Скорей, скорей! Левый крен наклоняет корабль! Делайте же ваши конституционные заявления! Внушите вашим славянофилам и вот этому безвольному часто плачущему монарху, что прямой, честный, открытый, неллицеприятный переход к народному представительству еще может спасти не только страну, но даже саму монархию!» [8, с. 15].

А видный деятель земства (впоследствии октябрист) граф П.А.Гейден так сформулировал необходимость конституционных инициатив земцев: «Если не будет дано правильно обоснованных начал, Россия пойдет с неизбежностью к революции».

Проводить земский съезд царь запретил, но его по обоюдному согласию провели как *частное совещание*. Земцы в своих резолюциях пытались склонить царскую власть на путь реформ, предоставляя ей инициативу, чтобы реформы не выглядели результатом давления снизу. Но и это не было принято царем, он отвечал, что реформ «хотят только интеллигенты, а народ не хочет».

Вслед за состоявшимся де факто земским съездом 1904 г. либеральная оппозиция прибегла к новой форме легальной борьбы - она начала *«банкетную кампанию»*. В губернских городах собирались многолюдные банкеты с участием либеральной интеллигенции, произносились речи, выдвигались конституционные требования и принимались резолюции. Хотя над этими банкетами подшучивали (мол, это конституционные требования «за осетриной с хреном»), они ставили режим в трудное положение. Директор Департамента полиции А.А.Лопухин считал банкеты более вредными, чем студенческие демонстрации. Репрессии против участников банкета выглядели бы глупо и были неэффективны, так что оппозиционные выступления оказались легализованы явочным порядком и стали привычными.

Резолюции банкетов оформлялись как *петиции*, которые были запрещены законом. Таким образом, и петиции были де факто легализованы. Дошло до того, что петицию с требованием участия выборных представителей в законодательстве написали собравшиеся в Москве 23 губернских предводителей дворянства. Затем московская городская дума единогласно постановила направить правительству требования, аналогичные решениям земского съезда. Святополк-Мирский убеждал царя: «Если Вы даже не будете доверять предводителям дворянства, на кого же Вы будете опираться? Ведь их уже в отсутствие консерватизма нельзя заподозрить». По своей инициативе он организовал подготовку для царя доклада с программой реформ, которая могла бы исходить прямо от Николая II, как «пожалованная».

В либеральном крыле правящей верхушки этот доклад считался выдающимся документом. В нем не только была дана очень выразительная и аргументированная характеристика политического положения страны, но и сформулированы многие положения, легшие впоследствии в основу программы реформы Столыпина. Так, впервые была высказана мысль о том, что сохранение поземельной общины представляет политическую опасность для самодержавия, и рекомендовалось заменить ее частной собственностью на землю.

Доклад этот трижды обсуждался на совещании у царя. Оно кончилось, по словам Святополк-Мирского, «полной победой бюрократии». Проект указа поручено было готовить Витте, главный пункт (об участии выборных в законодательстве) был вычеркнут, а Святополк-Мирский через месяц был отправлен в отставку. Указ, изданный 14 декабря, Ленин назвал «прямой пощечиной либералам».

Русско-японская война обострила кризис государства. Переориентация царского режима на чисто репрессивную политику и усиление сыскных и карательных органов не

снизили напряженности, и после цусимской катастрофы правительство на время утратило возможность поддерживать равновесие. Этим воспользовались деятели земства. 24 мая 1905 г. в Москве открылся земский съезд, несмотря на резолюцию царя на докладе А.Ф.Трепова: «Надеюсь, что съезд не состоится, довольно наболтались». Московский генерал-губернатор не стал выполнять решение об использовании полиции для недопущения съезда. В июне в Петербурге прошло совещание 26 губернских предводителей дворянства, которое поддержало требования земцев о проведении конституционных реформ. В записке, поданной царю, содержалась важная и глубокая мысль:

«Роковое стечение обстоятельств таково, что, если бы удалось силою отсрочить революцию, не устранив ее причин, каждый месяц такой отсрочки отозвался бы в грядущем несоразмерным усилением ее кровавой беспощадности и безумной свирепости» [8, с. 156].

6 июля 1905 г. в Москве собрался общеземский съезд совместно с представителями городов. Московские власти официально не разрешили съезд, но обещали не чинить ему препятствий. Но из Петербурга поступила строгая телеграмма Трепова (власти опасались, что съезд объявит себя учредительным собранием и образует временное правительство). Поэтому на открытии съезда появился полицмейстер, который составил протокол.

Хотя на съезде земцы определенно отмежевались от левых революционных движений, ночью 14 июля у председателя Московской губернской земской управы Головина был проведен обыск, и документы съезда изъяты. Трепов разослал губернаторам и градоначальникам циркуляр, в котором предписывал установить за участниками съезда слежку, изъять воззвания съезда и пр. «Единственная партия, способная мирным путем помочь разрешению тягостного кризиса, подвергается гонениям», - жаловались земцы.

О том, что царская власть оказалась именно в «исторической ловушке», то есть в состоянии такого порочного круга, когда любой шаг ухудшает положение, говорит тот факт, что высшие чиновники государства понимали это - и не могли предложить никакого конструктивного разрешения противоречий. С одной стороны, очевидным и организованным противником самодержавия была либеральная оппозиция, которая требовала демократизации и конституционной реформы по западному образцу, а с другой - не оформленная в явном виде и кажущаяся консервативной масса патриархального крестьянства. П.Б.Струве писал в марте 1905 г., что правительство не прочь натравить крестьянство на «образованные классы», включая либеральных помещиков (земцев), но само боится крестьянского движения больше, чем помещики [8, с. 120].

Еще ярче выразилась эта неопределенность в момент назревания революции 1905 г. в отношении к крайней мере - установлению в России *военной диктатуры*. Этот вариант рассматривался в верхах, но был отвергнут по одной причине - слишком высоким казался риск того, что и сам диктатор, сконцентрировав в своих руках инструменты самодержавной власти, «подпадет под влияние либерального напора»³².

³² Кандидатом на роль диктатора был командующий гвардией и Петербургским военным округом великий князь Николай Николаевич. Он особенно активно поддерживал программу Витте, предлагавшего пойти на уступки либеральной оппозиции. Когда его вызвали 13 октября на совещание к царю, он, узнав от министра двора Фредерикса о планах установления диктатуры, выхватил револьвер и закричал министру: «Если государь не примет программы Витте и захочет назначить меня диктатором, я застрелюсь у него на глазах из этого самого револьвера... Поддержи во что бы то ни стало Витте. Это необходимо для блага нас и России» [8, с. 211].

Боязнь заговора правящей верхушки против царя была так сильна, что приходилось жертвовать эффективностью государственного управления ради того, чтобы ее избежать. Здесь надо отметить одну вещь, которая для нас совершенно непривычна. В России по сути дела не было правительства. Царь категорически противился всем попыткам учредить нормальное *правительство*, которое могло бы действовать как согласованное целое, обсуждая на своих заседаниях общегосударственные вопросы. Боясь сговора министров, царь вызывал к себе министров по одному, а если и созывал особые совещания, то министры даже не извещались предварительно о теме обсуждения. Не шел царь и на то, чтобы ввести пост главы правительства.

После 9 января 1905 г. министр земледелия и государственных имуществ А.С.Ермолов написал царю записку, в которой настаивал на срочных изменениях. Он писал:

«В том, что произошло, виновато правительство, виноваты мы, Ваши министры, но что же мы могли сделать при настоящем строе нашей государственной организации, при котором в действительности правительства нет, а есть только отдельные министры, между которыми, как по клеточкам, поделено государственное управление...»

«Позвольте мне откровенно сказать Вашему величеству, что в настоящее время у нас правительства нет. Я имею счастье сидеть перед Вами и всеподданнейше докладывать. Это и есть в данную минуту правительство, но завтра на это же место сядет другой министр и будет другое правительство, и этот другой министр может докладывать Вашему величеству дела в совершенно обратном направлении тому, как их докладывал его предшественник» [8, с. 69].»

Видимо, можно сделать довольно общий вывод: когда власть ощущает, что находится в «ловушке», то принятие решений сопряжено с большой неустранимой неопределенностью - трудно оценить последствия любого решения. В таком состоянии нередко предпринимаются действия, которые и современникам, и будущим историкам кажутся необъяснимыми, неадекватными или даже абсурдными. Обычно в массовом сознании возникает даже идея, что эти действия являются результатом заговора каких-то дьявольски хитрых теневого сил. Действия царской власти в ходе революции начала XX века в этом смысле очень схожи с действиями государственной верхушки СССР в ходе перестройки - ведь невозможно рационально объяснить, например, действия ГКЧП в августе 1991 г.

Действия царского правительства по подрыву земства и открытый конфликт с ним центральной власти способствовали скатыванию массового сознания к психологии гражданской войны. Предпринятые начиная с 1890 г. шаги правительства по ограничению прав местного самоуправления и ужесточению административного контроля над ним посредством начальников из дворян вызвали повсеместное возмущение крестьянства.

В наказе схода крестьян дер. Борвиков Поречского уезда Смоленской губ. в Трудовую группу I Госдумы было написано:

«Волость, кажется, наше деревенское учреждение, а и тут пролазы дворяне находят нужным совать свой нос, и в старшины большей частью попадают люди, удобные земскому начальнику, этому бичу деревенскому, который тебя и выслушать то не хочет, а за малейшее возражение в кутузку садит или штрафует» (1, с. 177).»

В очень многих приговорах речь идет о земских начальниках. В большинстве случаев это были разорившиеся помещики, бывшие чиновники или офицеры, «промотавшие-

ся дворянские сынки», «шайка благородных оборванцев» (Ленин). По закону 1889 г. они должны были иметь образование не ниже среднего, но впоследствии этот пункт был отменен, так что крестьян просто отдали в руки невежественных и часто озлобленных людей, которых нужды деревни нисколько нисколько не волновали. Когда в августе 1904 г. царь беседовал со Святополк-Мирским перед назначением его министром внутренних дел, тот предупредил о своих взглядах на земское движение и назвал себя «человеком земским». Царь согласно заметил, что он и сам всегда поддерживал земских начальников. Историки до сих пор теряются в догадках, то ли Николай II притворялся, то ли действительно не понимал, что земские начальники и были введены как раз для обуздания земства.

Но крестьяне это прекрасно понимали. И свое отношение к тем порядкам, которые превратили сословное самоуправление в инструмент угнетения, они четко выражали и на языке социальных интересов, и на языке духовных ценностей. Вот два красноречивых, но совершенно типичных приговора. Крестьяне Тонкинской волости Варнавинского уезда Костромской губ. пишут в ноябре 1905 г.:

«Волостное правление служит не нам, а мы принуждены служить ему; когда мы вздумали заявить ему о нашей нужде нашей земской управе, о том, что кругом нас лишь надувают и обирают, что на обсеменение нам дали почти наполовину семян невсхожих, что нам грозит и на будущий год неурожай, что становые да урядники за подати и штрафы готовы последний кусок у полуголодных ребятишек наших изо рта вырвать, - так что с нами хотят сделать земский начальник с волостным правлением? Он приказал арестовать нашего уполномоченного собирать подати, он обещал посадить в холодную всех, подписавших эту бумагу! Это что значит? Это значит, что у нас, у холодных и голодных, у темных вырывают кусок хлеба и в то же время не дают никакой возможности никому голоса своего подать. Это значит, что нас сознательно толкают в могилу от голодной смерти, а мы слова не могли сказать против этого!» (1, с. 171).

А вот приговор сельского схода дер. Коптевка Богородицкого уезда Тульской губ. в Трудовую группу I Госдумы (июль 1906 г.):

«Мы не можем защищать своих интересов даже совершенно мирными средствами: наши мирные села превращаются в военные лагеря, а нас ставят в положение покоренного народа, с которым можно во всякое время расправиться шашками и нагайками, прикрываясь готовностью служить порядку и закону. Произвол и беззаконие свили себе прочное гнездо в наших бедных деревушках, над которыми витают кровавые призраки убитых за то, что они осмелились просить кусок хлеба» (1, с. 172).

Во время крестьянских волнений земские начальники являлись в деревню во главе карательных отрядов, а в волостной суд вообще не появлялись без сопровождения казаков. Зная население, они составляли списки тех, кого подвергали расправам, часто лично руководили наказаниями, нередко сводя при этом личные счеты. Понятно, что во время революции в первую очередь поджигались дома этих начальников. Будучи в те времена ближайшим и видимым для крестьян олицетворением всего сословия дворян и государственной власти, земские начальники сконцентрировали на себе всю ненависть крестьян, которая сыграла огромную роль в Гражданской войне. И ненависть эта углублялась, поскольку верховная власть ограничить этот произвол не желала – вплоть до октября 1906 г., когда под давлением революционного движения правительство изъяло у земских началь-

ников право подвергать крестьян административным наказаниям (впрочем, оставив им это право в отношении крестьянских должностных лиц). Зато земские начальники были введены в учрежденные для проведения реформы землеустроительные комиссии – для борьбы «с упрямством мужиков, не ценящих, по глупости, благопопечительных забот начальства» («Русские ведомости»).

В наказе во II Госдуму крестьян с. Дианова Макарьевского уезда Нижегородской губ. сказано:

«Упразднить такие ненужные учреждения, как земские начальники, производящие суд и расправу яко в крепости и в своих имениях и по своему усмотрению. Уничтожить совсем целые полки полицейских стражников, урядников, жандармов и приставов, и тогда сами собой уменьшатся земские расходы, выдаваемые этим дармоедам и тогда прекратятся налоги, собираемые с труженика крестьянина» (I, с. 194).

В этом, как и во многих других наказах и приговорах, говорится о новой фигуре в системе земства – введенном в 1903 г. институте *сельских стражников*. Они придавались в помощь земским начальникам для местных административных репрессий и подавления крестьянских протестов. При этом по закону крестьяне жаловаться на произвол земского начальника не могли.

При этом надо учесть, что все расходы земства на уровне волости несли исключительно крестьяне – из мирских сборов, хотя волостными учреждениями пользовались и помещики. Кстати, земля крестьян была обложена земскими сборами вдвое большими, чем земля помещиков, а церковные и монастырские земли были вообще освобождены от сборов. Так что крестьяне оплачивали не только всю волостную и сельскую администрацию, суд и охрану, но и репрессии против них самих, например, такую статью расходов как «высылка в Сибирь порочных членов общества»³³.

Приговор волостного схода крестьян Плещеевской волости Тверской губ. во II Госдуму (13 марта 1907 г.) формулирует требование крестьян кратко и ясно:

«Убрать стражников и ненужную всю полицейскую свору, которая составляет громадные расходы, но не приносящую никакой пользы, кроме сильнейшего зла» (I, с. 194).

Таким образом, эволюция органов местного самоуправления шла в направлении, противоположном эволюции сознания широких масс российского населения. Вследствие этого важная подсистема государства послужила не снятию напряженности, а, напротив, нарастанию ненависти, которая откладывалась в исторической памяти и прорвалась, когда бывшие земские начальники и урядники снова появились на горизонте с казаками, уже в составе Белого движения. Хотя в ряде районов Советы в 1918 г. создавали коалиции с земствами и городскими думами ради предотвращения гражданской войны, большой силой такие коалиции стать уже не могли [57].

Революция 1905-1907 гг. как подготовительные курсы Красной армии

Великая русская революция, начавшись с крестьянских восстаний 1902 г., получила свое первое идеологически и организационно оформленное выражение в виде «революции 1905-1907 гг.». Это очень сложное явление никак не втискивалось в рамки официаль-

³³ В книге Л.Т.Сенчаковой [44] приведены большие выдержки из исключительно важного документа «Мирские доходы и расходы за 1905 год по 50 губерниям Европейской России» (Спб., 1909).

ного марксизма и осталось не объясненным в советском курсе истории. И все мы, прошедшие в школах этот курс, многого не поняли и в последующих событиях. Для темы созревания Гражданской войны эта революция имеет исключительно важное значение, но здесь мы коснемся лишь отдельных частных сторон.

Прежде всего, надо отметить тот факт, что этой революции ждали, и именно как явления не классовой борьбы, а борьбы народной, борьбы как столкновения цивилизаций. В стихотворении «Грядущие гунны», которое Валерий Брюсов писал почти целый год и закончил 10 августа 1905 г., он выразил трагическое отношение к неизбежной революции и надежду, что эта революция будет *спасением* – спасением народа даже при гибели ценностей прошлого:

*Где вы, грядущие гунны,
Что тучей нависли над миром!
.....
Но вас, кто меня уничтожит,
Встречаю приветственным гимном*

Революцию ждали как законное и необходимое, очищающее возмездие. В общем, все общество чувствовало, что несправедливость жизнеустройства перешла невидимую критическую черту, после которой народ не только получил нравственное право покарать угнетателей, но и обязан это сделать, чтобы восстановить миропорядок. Валерий Брюсов написал 29 июля 1905 г.:

*Не время ль, наконец, настало
Земных расплат, народных кар,
Когда довольно искры малой,
Чтоб охватил всю брешь пожар!*

Хотя из школьного курса истории у нас осталось впечатление о том, что главные события революции 1905 г. происходили в больших городах, сутью основного противоречия был вопрос о земле, а одной из сторон этого противоречия была крестьянская община. На совещании 23 марта 1905 г. Витте заявил: «Не пройдет и года, как мы в этом зале или в каком-либо ином будем говорить о переделе земли». В.И.Гурко (тогда управляющий земским отделом МВД) писал в воспоминаниях, что эта фраза Витте не вошла в протокол, но сильно повредила его репутации при дворе и способствовала решению о закрытии сельскохозяйственного совещания, которым руководил Витте.

Крестьянское движение 1905 г. началось в Дмитровском уезде Курской губернии. В ночь на 14 февраля было совершено нападение на одно из имений, а в следующие дни «разобрано» еще 16 имений в округе. Т.Шанин пишет:

«Описания тех событий очень похожи одно на другое. Массы крестьян с сотнями запряженных телег собирались по сигналу зажженного костра или по церковному набату. Затем они двигались к складам имений, сбивали замки и уносили зерно и сено. Землевладельцев не трогали. Иногда крестьяне даже предупреждали их о точной дате, когда они собирались «разобрать» поместье. Только в нескольких случаях имел место поджог и одному-единственному полицейскому были, как сообщают, нанесены телесные повреждения, когда он собирался произвести арест. Унесенное зерно часто делилось между крестьянскими хозяйствами в соответствии с числом едоков в семьях и по заранее составленному списку. В одной из участву-

ющих в «разборке» деревень местному слепому нищему была предоставлена телега и лошадь для вывоза его доли «разобранного» зерна. Все отчеты подчеркивали чувство правоты, с которым обычно действовали крестьяне, что выразилось также в строгом соблюдении установленных ими же самими правил, например, они не брали вещей, которые считали личной собственностью...

Другие формы крестьянского бунта распространились к тому времени на большей части территории. Массовые «порубки» начались уже в конце 1904 г. Так же как и «разборки», «порубки обычно происходили в виде коллективных акций с использованием телег. В ходе «порубок» крестьяне стремились обходиться без насилия. Тем не менее, когда в одном случае крестьянин был схвачен полицией на месте преступления и избит, его соседи в ответ полностью разрушили пять соседних поместий, ломая мебель, поджигая здания и забивая скот...

В течение первых месяцев 1905 г. крестьянские действия в значительной степени были прямым и стихийным ответом на нужду и отчаянный недостаток продовольствия, корма и леса во многих крестьянских общинах. Все эти действия были хорошо организованы на местах и обходились без кровопролития» [3, с.156-157].

Осенью 1905 г. крестьянские волнения вспыхнули с новой силой. Т.Шанин пишет:

«Массовые разрушения поместий не были к тому времени ни «бездумным бунтом», ни актом вандализма. По всей территории, охваченной жакерией, крестьяне заявляли, что их цель - навсегда «выкурить» помещиков и сделать так, чтобы дворянские земли были оставлены крестьянам для владения и обработки.»

И вот исключительно важное наблюдение:

«Крестьянские действия были в заметной степени упорядочены, что совсем не похоже на безумный разгул ненависти и вандализма, который ожидали увидеть враги крестьян, как и те, кто перевозил крестьянскую жакерию. Восставшие также продемонстрировали удивительное единство целей и средств, если принимать во внимание отсутствие общепризнанных лидеров или идеологов, мощной, существующей долгое время организации, единой общепринятой теории переустройства общества и общенациональной системы связи» [3, с. 169].

Мы из нашей школьной истории не вынесли очень важного понимания того факта, что «усмирение» революции 1905-1907 гг. вовсе не было *победой* над революцией. Победа над ней уже была невозможна, второй этап революции мог быть предотвращен только путем разрешения главных противоречий – но для удовлетворительного их разрешения не было, как я старался показать выше, ни экономических и культурных сил, ни исторических условий. Приняв усмирение за победу, правительство не пошло на реформы, отвечающие интересам и взглядам большинства.

В 1908 г. Столыпин прикрикнул даже на октябристов, позицию которых посчитал слишком либеральной. На это А.И.Гучков ответил:

«По мере того, как отходили вдаль тяжелые для правительства воспоминания [о революции], росла и самоуверенность правительства, и те требования, которые оно находило возможным предъявить к Г. Думе» [7, с. 52].

Еще более определенно высказались кадеты, которые определили революцию и первые годы после нее как экзамен, которого правительство не выдержало. В своей речи в Госдуме кадет Маклаков сказал:

«Явилась надежда, что перед нами дальновидное правительство, правительство, которое, подобно историческим усмирителям революции, понимает, что задача мудрой реакции есть осуществление всего, что было здорового в революции, ибо, по известному изречению Бертье, «единственный способ предотвратить революции – это их сделать» [7, с. 56].

Призрак революции с тех пор все время присутствовал в России. Александр Блок написал в марте 1911 года:

*Раскинулась необозримо
Уже кровавая заря,
Грозя Артуром и Цусимой,
Грозя Девятым января...*

Ленские расстрелы 1912 г. вызвали возмущение даже в среде правых партий, а главное, они показали растерянность власти, по словам Гучкова в Госдуме, «обезумевшей от чувства личного страха». В стремлении «образумить власть, открыть ей глаза», Гучков предупреждал: «Пусть не заблуждаются относительно народных настроений, пусть не убаюкиваются внешними признаками спокойствия». Своими действиями власть готовила катастрофу будущей гражданской войны. При этом она, с одной стороны, вступала в конфликт со своей же социальной базой, ослабляя возможности противостоять революции, а, с другой стороны, отрезая своей социальной базе пути к поиску компромисса. Так, в сентябре 1913 г. в Киеве в помещении городской Думы проходил Всероссийский съезд представителей городов. Председателем был городской голова Киева. Но представитель полиции просто закрыл съезд. Поводом было выступление А.И.Гучкова, в котором он сказал:

«Дальнейшее промедление в осуществлении необходимых реформ и уклонение от начал, возвещенных Манифестом 17-го октября, грозит страшно тяжким потрясением и гибельными последствиями» [7, с. 76].

Февраль 1917 г. был продолжением революции 1905-1907 гг., а в нем уже был скрыт Октябрь. 1 марта 1917 г. Брюсов в стихотворении «Освобожденная Россия» отметил эту связь, вспомнив «зов» 1905 года:

*Кто, кто был глух на эти зовы?
Кто, кто был слеп среди долгой тьмы?
С восторгом первый гул суровый, -
Обвала гул признали мы.
То, десять лет назад, надлома
Ужасный грохот пробежал...
И вот теперь, под голос грома,*

Сорвался и летит обвал!

После Февральской революции именно солдаты стали главной социальной силой, породившей *Советы*. Вот данные мандатной комиссии I Всероссийского съезда Советов (июнь 1917 г.). Делегаты его представляли 20,3 млн. человек, образовавших советы - 5,1 млн. рабочих, 4,24 млн. крестьян и 8,15 млн. солдат. Солдаты представляли собой и очень большую часть политических активистов - в тот момент они составляли более половины партии эсеров, треть партии большевиков и около одной пятой меньшевиков.

Поначалу после Февраля «низы», и прежде всего солдаты, надеялись на мирное развитие событий и делали, как говорилось выше, множество символических жестов, чтобы найти возможность примирения даже со своими главными сословными противниками – помещиками. Люди простодушно лезли к «буржуазам» в друзья, как бы предлагая «забыть старое». В целом это не было понято. Пришвин негодует, пишет 3 июня 1917 г.:

«Обнаглели бабы: сначала дрова разобрали в лесу, потом к саду подвинулись, забрались на двор за дровами и вот уже в доме стали показываться: разрешите на вашем огороде рассаду посеять, разрешите под вашу курицу яички подложить».

Но ведь у чужого не попросят разрешения подложить под его курицу яички. На «языке жестов» эта просьба и означает предложение быть на врагами, а *соседями* (при все неудобствах соседства в общине).

То же самое М.М.Пришвин видит в городе: «Простая женщина подошла в трамвае к важной барыне и потрогала ее вуальку на ощупь.

- Вот как они понимают свободу! - сказала барыня».

Удивительно, насколько по-доброму, даже после тяжелой войны и разрухи, делали свои примирительные жесты люди, надеясь предотвратить драку. Вот, записывает М.М.Пришвин 16 июля 1917 г.:

«К моему дому приходят опять солдаты и, ломаясь, просят меня разрешить им в моем саду поест вишен. «Пожалуйста, сколько хотите!». Они срывают по одной ягодке, «нижайше» благодарят и уходят. Это, вероятно, было испытание - буржуаз я или пролетарий».

Отвергая все подобные жесты, дворянство и буржуазия совершили большую историческую ошибку. В своей сословной слепоте они не видели, что в сознании крестьян накопилось с избытком оснований для перехода на позиции ответного социального расизма.

М.М.Пришвин 13 декабря 1918 г. писал в дневнике об этом назревающем разрыве - либеральная интеллигенция полагала вместо диалога на равных и поиска общественного договора навязать трудящимся идеологию смирения, но время для этого уже ушло. Ведь об этом и предупреждал привилегированные сословия в самом начале века Л.Н.Толстой: одумайтесь, а то будет поздно. Вот как видел дело Пришвин:

«Кадеты-европейцы, разные народники и потомки славянофилов... хотят подойти к народу и даже слиться с ним... В то же время в народе зреет нарыв. Интеллигенция, бунтуя против царя, имеет готовый идеал жизни для народа, в сущности, христианский идеал смирения и всепрощения. Революционер из народа (большевик) молится и живет одною молитвой: «Помоги мне все понять, ничего не забыть и не простить!» Идеал такого человека движение, сдвиг, возмездие».

Действительность заключалась в том, что с 1902 по 1917 г. Россия именно пришла в *движение*, в ней начался глубинный, всемирного масштаба, *сдвиг*. Как показали первые же месяцы после Февраля, либералы с их проповедью смирения безнадежно опоздали, и с их стороны на арену вышел Корнилов с приказом «пленных не брать». Спасение России на целый исторический период состояло в том, что сложилась организованная сила, идеалом которой было *движение*, и эта сила сумела превратить энергию *возмездия* в энергию *строительства*.

Очень важен был тот факт, что большая часть солдат из крестьян и рабочих прошли «университет» революции 1905-1907 г. в юношеском возрасте, когда формируется характер и мировоззрение человека. Они были и активными участниками волнений, и свидетелями карательных операций против крестьян после них. В армию они пришли уже лишенными верноподданнических монархических иллюзий.

Ценная для нашей темы книга Т.Шанина «Революция как момент истины» (М., 1997) имеет подзаголовок: «1905-1907 ⇒ 1917-1922». Этот заголовок подчеркивает значение опыта революции 1905-1907 гг., во многом предопределившего характер гражданской войны. В книге есть глава «Коллективная память, ярость низов, историческое будущее». В этой главе ставится важный методологический вопрос - о коллективной памяти того *поколения*, которому довелось играть решающую роль в критический момент истории. Действительно, в такие моменты действуют не просто классы или сословия и не просто этносы (народы), а возрастные когорты классов, сословий и народов, взгляды и дух которых складывались в конкретных, в чем-то очень необычных исторических условиях. Историки отмечают, что особенными чертами отличается поколение, которое в момент политического потрясения находилось в состоянии формирования характера - было еще молодым, но уже достаточно зрелым.

Именно такое поколение сыграло решающую роль в 1918 г. Т.Шанин пишет:

«Тем, кому в 1905 г. было от 15 до 25 лет, в 1918 г. исполнилось, соответственно, от 28 до 38 лет. К этому времени многие уже успели отслужить в армии, стали главами дворов, т.е. вошли в ядро общинного схода. Основными уроками, которые они вынесли из опыта революции 1905-1907 гг., была враждебность царизма к их основным требованиям, жестокость армии и «власти», а также их собственная отчужденность от «своих» помещиков и городских средних классов».

Именно эти люди летом 1918 г. увидели против себя Белую армию, собранную бывшими властями, помещиками и городскими «средними классами». А люди эти, помнившие и обман власти, и карателей 1906-1907 гг., уже прошли империалистическую войну и имели оружие.

Хочу высказать еще одну мысль (хотя бы в порядке гипотезы) об особенностях того поколения, из которого вышли большевики Октября 1917 г. и непреклонные красные Гражданской войны. Суть в том, что крестьянских детей, в отличие от городских, воспитывали не родители, а деды и бабушки. Есенин заметил:

*И песни новые на старый лад поем,
Как нас учили бабушки и деды*

Поэтому каждое поколение крестьянской молодежи во многом складывалось под влиянием образа мыслей не родителей, не предыдущего поколения, а того, которое ему предшествовало – под влиянием образа мысли дедов. Подростков, которые входили в

юность с революцией 1905-1907 гг., воспитали деды, пережившие освобождение от крепостного права в 1861 г., впитали в себя и дух свободы, и ненависть к помещикам, оставившим крестьян без земли, и веру в идеальную монархию. Эти подростки, повзрослев, вернулись с оружием с войны в 1917 г., которая лишь укрепила заложенные в детстве установки. Они были гораздо более антилибералами, нежели их родители (те, став рабочими, в городах голосовали за меньшевиков). Они верили в «новое самодержавие» – Советы, и отвергали проект белых, которые предстали как коалиция либералов, помещиков и антимонархистов-западников. Но основой, конечно, был опыт 1905-1907 гг. Говоря о прямой связи между революцией 1905-1907 гг. и гражданской войной, Т.Шанин пишет:

«Можно документально подтвердить эту сторону российской политической истории, просто перечислив самые стойкие части красных. Решительные, беззаветно преданные и безжалостные отряды, даже когда они малочисленны, играют решающую роль в дни революции. Их список в России 1917 г. как бы воскрешает список групп, социальных и этнических, которые особенно пострадали от карательных экспедиций, ссылок и казней в ходе революции 1905-1907 гг...»

Перечень тех, против кого были направлены репрессии со стороны белой армии, во многом обусловившие поражение белого дела, столь же показательны, как и состав Красной Армии – двух лагерей классовой ненависти, и так же явно вытекает из опыта революции 1905-1907 гг.»

И дело было не только в казнях и репрессиях, но и в *оскорблении*. Ведь и «Манифест», и обещания свобод не могли быть восприняты основной массой русских людей иначе как издевательство. Массовые порки крестьян (иногда поголовно целых деревень), которых никогда не бывало в России в прошлые столетия, начались сразу за принятием закона, отменяющего телесные наказания. Казни крестьян без суда, зачастую даже без установления фамилии, так что казненных хоронили как «бесфамильных», вошли в практику как раз после «Манифеста».

Мы сегодня предельно чутки к страданиям дворян, у которых мужики сожгли поместья. Но ведь надо вспомнить, что было до этого - за волнения, для «урока», еще верно-подданных крестьян заставляли часами стоять на коленях в снегу, так что с отмороженными ногами оставались тысячи человек. Разве такие «уроки» забываются? Ведь это - гибель для крестьянского двора. Никогда американский плантатор не наказывал раба таким образом, чтобы причинить вред его здоровью - а что же делали российские власти с крестьянами!

Отношение крестьян к политике «успокоения» во время революции 1905-1907 гг. было вполне определенным. В наказе в I Госдуму крестьян Никольско-Азяского общества Успенской волости Мокшанского уезда Пензенской губ. сказано:

«А когда народ, доведенный до крайности, поднялся на защиту своих прав и стал добиваться лучшей доли, в помощь полиции и жандармам дали отряды казаков и солдат и тут же началось такое, чего и в татарское владычество не было. Засекали на смерть и расстреливали без всякого суда людей и грабили при обысках мужицкое добро. Сотни и тысячи людей выхватывались из деревень и накрепко засаживались в тюрьме. Лучшие люди, стоящие за народ, целыми вагонами, как груз, отправлялись на многие годы в Сибирь»» (2, с. 257).

Отсюда и вытекает важнейший опытный факт, известный историкам, объясняющий исход гражданской войны. Его так излагает Т.Шанин:

«Когда в 1918-1919 гг. крестьяне Юга и Центра России, которых «усмиряли» в 1905-1907 гг., должны были выбрать, на чью сторону им встать, они обычно предпочитали местные отряды «зеленых», которые формировались из их собственной среды. Когда нельзя было уйти туда, или когда страх перед будущим заставлял заново оценивать государственную власть и организацию, они скорее склонялись на сторону красных, чем белых офицеров или казаков».

Особое значение имел исторический опыт для тех, кто только-только вернулся из армии. Революция 1905-1907 гг. вообще оказала очень большое влияние на русскую армию как организм, обладающий «памятью». Армия, состоявшая главным образом из крестьян, тогда молчаливо наблюдала конфликт власти с крестьянством, проложивший пропасть между государством и главным сословием страны. Член ЦК партии кадетов В.И.Вернадский писал в июне 1906 г.: «Теперь дело решается частью стихийными настроениями, частью все больше и больше приобретает вес армия, этот сфинкс, еще более загадочный, чем русское крестьянство».

В июне 1906 г. серьезные беспорядки произошли в Преображенском гвардейском полку. Как заметил один генерал, там было полное отчуждение офицеров от солдатской массы - а ведь царь числился одним из батальонных командиров этого полка. В том же году помещики Дона обратились к министру внутренних дел с петицией против репрессий, говоря о карателях:

«Они разъярили всю Россию, заполнили тюрьмы невинными, арестовали учителей, оставив детей без школьного обучения... Потерпев постыдное поражение в войне с Японией, они сейчас мучают беспомощных крестьян. Каждый полицейский сечет крестьян, и из-за этих ублюдков наша жизнь, жизнь мирных дворян, стала невыносимой».

На какое-то время крестьян обнадежила I Дума: партия кадетов, чтобы предотвратить революцию, пыталась поставить вопрос о земле – из-за этого Думу через 72 дня, в июле 1906 г., разогнали. Были попытки восстаний в армии и на флоте, их подавили. Вспомним, как издевался генерал Адлерберг в 1906 г. при казни восставших матросов в Кронштадте.

Революция 1905-1907 гг. была переломным моментом – в глазах крестьян монархический строй утратил *легитимность* (авторитет). Восстановить его он уже не мог, идя по пути все более жесткой конфронтации с подавляющим большинством народа, что выразилось в реформе Столыпина. Начиная с завершения революции, с 1907 г. момент выступления против царского строя определялся только балансом сил. Даже правый либерал, кадет Н.А.Гредескул признал, что до революции русский народ был «за абсолютизм», а после нее «он стал против абсолютизма. Это уже не гадание или предположение, а это *факт, факт настоящего, а не будущего*» [50, с. 251].

В своих наказах и приговорах крестьяне разумно не упоминали самого царя, однако их отношение к монархическому бюрократическому строю выражалось вполне определенно. Вот, например, приговор крестьян деревень Назаровка и Ильинская Юрьевецкого уезда Костромской губ., направленный в Госдуму в июне 1906 г. В нем сказано о царской бюрократии так:

«Эта сытая, разжиревшая на чужой счет часть общества в безумстве своем роет сама себе яму, в которую скоро и впадет. Она, эта ненасытная бюрократия, как все равно утопающий, хочет спастись, хватаясь за соломинку, несмотря на верную свою гибель» (2, с. 236).

А вот наказ крестьян и мещан Новооскольского уезда Курской губ. в Трудовую группу I Госдумы (июнь 1906 г.). По степени холодной ненависти к правительству этот текст можно считать настоящей декларацией гражданской войны – пока еще в холодном состоянии. И поскольку подобные наказания, в огромном количестве поступившие в Государственную думу, были прекрасно известны правительству и не побудили его к поиску компромисса с крестьянством, следует считать, что и со стороны правящих кругов готовность к гражданской войне вполне созрела. Вот формулировки из упомянутого наказа:

«Само правительство хочет поморить крестьян голодной смертью. Просим Государственную думу постараться уничтожить трутней, которые даром едят мед. Это министры и государственный совет запутали весь русский народ, как пауков мух в свою паутину; мухи кричат и жужжат, но пока ничего с пауком поделывать нельзя» (2, с. 237).

Российские «мужики-рабочие» тоже получили после 1905 г. хороший урок исторической памяти. После Кровавого воскресенья царское правительство, чтобы заблокировать развитие революции, попыталось перейти к умеренно патерналистской политике в отношении рабочих. Министр финансов Коковцов подал царю программу мер, которые, по его словам, «убедили бы рабочий люд в попечительном отношении к нему правительства и содействовали бы постепенному отдалению рабочих от революционных элементов, внушающих им, что улучшение быта рабочего может быть достигнуто только с помощью насильственных действий» [8, с. 73].

Но фабриканты и заводчики отнеслись к инициативе правительства «равнодушно-спокойно». Объединения крупных фабрикантов после совещания с ними Коковцова ответили своими записками в правительство. В них они, с одной стороны, категорически отказывались идти на экономические уступки рабочим, а с другой стороны, возлагали вину на правительство, недооценившее политический характер выступлений рабочих.

В этих важных записках было изложено либерально-западническое кредо буржуазии. Она отвергала патерналистскую политику монархии, которая пыталась сохранить в России социальные структуры сословного «общества-семьи», а требовала перехода к «правовому государству» западного типа. Крупная буржуазия уже предпочитала не умиротворение рабочих с помощью государственного и предпринимательского патернализма, а освобождение арены для **классовой борьбы**.

В середине января крупнейшие заводчики Москвы и Московского района подали записку с требованием такого правового устройства, чтобы рабочее движение «могло бы вылиться в спокойные законные формы борьбы, как это наблюдается в Западной Европе и Америке, где от этого промышленность не только не пострадала, но достигла, наоборот, такого расцвета, которого далеко еще не наблюдается в России».

Таким образом, события 9 января наглядно обнаружили наличие принципиального («цивилизационного») противостояния между монархической государственностью России и новым поколением крупной буржуазии. В обзоре политического положения в России, составленном по распоряжению Витте, говорилось:

«Промышленность, класс у нас, как и везде, консервативный и боящийся всяких резких перемен, на этот раз в лице свои наиболее крупных

групп высказался за коренное изменение государственного строя и сделал это, очевидно, потому, что видел в происходящих событиях «грозное предупреждение» [8, с. 74].

Различение экономической и политической борьбы рабочих, вероятно, имеющее смысл в приложении к классовой борьбе на Западе, для России начала XX века имело не много смысла - трудно их было различить. Да и вообще, вряд ли точно выражаются понятиями «экономика» и «политика» то, ради чего решались крестьяне и рабочие выступить против власти.

После поражения революции буржуазия повела себя исключительно подло и злобно – как будто она вообще не думала о будущем. Сразу на 10-50% были понижены расценки зарплаты рабочих и увеличен рабочий день – по всей России. На многих заводах он стал продолжаться 12-13 часов. Была вновь введена отмененная в 1905 г. система штрафов. Вот сообщения профсоюзов (опубликованы в газете «Пролетарий, 1908, № 39):

«Штрафуют за случайный выход на лестницу, за питье чаю в 5 часов, за переход из одной мастерской в другую и даже за долгое пребывание в ватер-клозете (фабрика Хаймовича в Санкт-Петербурге). Штрафуют за мытье рук за 5 минут до гудка, за курению табаку от 1 до 2 руб. (Кабельный завод). Штрафуют за ожог, причиненный самому себе (Трубочный завод). Штрафуют за «дерзость», за «грубость», и штрафы превышают часто двухдневный заработок».

Были резко сокращены возможности для рабочих вести легальную борьбу за свои экономические интересы. 10 мая 1907 г. Департамент полиции издал циркуляр, ставящий профсоюзы практически в полную зависимость от хозяев и властей (например, в Москве по ходатайству городского головы Н.Гучкова были закрыты профсоюзы металлистов, коммунальных работников, текстильщиков, типографов, булочников). И все это сопровождалось *глумлением*. Директор Невского завода так сказал пришедшей к нему на переговоры делегации рабочих: «Господа, ведь вы же – марксисты и стоите на точке зрения классовой борьбы. Вы должны поэтому знать, что раньше сила была на вашей стороне, и вы нас жали, теперь сила в наших руках, и нам незачем церемониться».

Когда после разрыва хрупкого гражданского мира в 1918 г. белые начали войну, рабочие с полным основанием поступили с ними именно так, как сформулировал тот директор завода.

В ходе революции 1905-1907 гг. близость идеалов и интересов русских крестьян и рабочих была ясно, «умом» понята и рационально сформулирована. Особую роль в этом сыграло Кровавое воскресенье. Вот петиция частного собрания крестьян Юрьевского уезда Владимирской губ., посланная в Совет министров вскоре после расстрела демонстрации в Петербурге (в апреле 1905 г.):

«Рабочие всяких наименований – плоть от плоти нашей, и нет у нас ни одной семьи, которая не имела бы у себя одного или нескольких рабочих» (2, с. 259).

А в марте 1907 г. крестьяне Шелокшанского уезда Нижегородской губ. писали во II Госдуму:

«Мы, крестьяне, признаем фабрично-заводских рабочих за близких братьев и всегда присоединяемся к ним за их требования и вместе защищаем их от ига капиталов» (2, с. 260).

Нельзя не сказать, хотя бы очень кратко, еще об одном «фронте против белых», который был во многом подготовлен во время подавления революции 1905-1907 гг. – в национальных окраинах России. Дело в том, что когда посланные царским правительством каратели подавляли выступления «инородцев», их действия носили, как пишут историки, «особый привкус жестокости». Дело доходило до того, что с протестами против этих действий, в защиту местного населения выступали высокие чины царской же полиции и даже губернаторы. Во время подавления «Гурийской республики» губернатор Кутаисской губернии был даже арестован. В донесении его помощника сообщалось о поголовном изнасиловании, в качестве наказания, всех женщин деревни Махури, включая монахинь местного монастыря. Наказание это проводилось под наблюдением офицеров³⁴.

Возможно, и в подобных донесениях, и в протестах администрации была изрядная доля преувеличения, но дело в том, что эти официальные заявления становились общеизвестными, несли на себе печать достоверности, откладывались в исторической памяти и затем становились безотказным инструментом националистов.

Понятно, что население национальных областей, увидев в 1919 г. войска белых, в той же форме, с тем же знаменем и той же фразеологией, что и войска карателей 1906 года, подкрепляли свою рациональную враждебность момента исторической памятью, ставшей уже мощным преданием, черным мифом. Потому латышские стрелки были нестигаемыми врагами белых, что каратели в такой же форме жестоко подавили латышских батраков, выступивших против немецких баронов-землевладельцев.

Все социальные и национальные группы, которые стали объектом подавления и репрессий после революции 1905-1907 г., выступили в Гражданской войне как противники белых. Но выступили, будучи уже вооруженные опытом, знанием и винтовкой.

«Культура насилия» как пусковой механизм гражданской войны

Необходимым шагом, запускающим невидимый механизм гражданской войны является снятие запрета на *убийство ближнего*. К такого рода шагам относится демонстративное публичное пролитие крови – как властью, так и ее противниками любого рода. Убийство ближнего становится частью личного опыта всех, а у многих при этом в подсознание закладывается жажда мщения.

Важнейшим событием, имевшим прямую связь с Гражданской войной, стало в России *Кровавое воскресенье* 9 января 1905 г. По данным историков, при расстреле мирной демонстрации в Петербурге было убито около 1500 и ранено около 5000 человек. В коллективной памяти отложилась не только пролитая в большом количестве, в центре столицы, невинная кровь, а и поистине подлый, провокационный характер действий власти.

Факты таковы: в ожидании демонстрации, 6 января, на совещании приближенных царя было решено, что царь уедет из Петербурга, об этом будет сообщено рабочим, и шествие не состоится. Царь действительно уехал из города, но населению об этом не сообщили – напротив, над Зимним дворцом 9 января развевался царский штандарт, означавший, что царь находится во дворце. Войскам же выдали боевые патроны по максимальной

³⁴ Для тех романтических патриотов, которые уверены, что русские офицеры не могли такого допустить, надо напомнить, что каратели, направленные для «наказания» безоружных людей и не связанные идеологией солидарности, легко впадают в состояние аномальной жестокости. Тут русские не слишком отличаются от французов или американцев. Тем, кого лично не избивал в Москве русский ОМОН 1 мая или в начале октября 1993 г., можно посоветовать хотя бы внимательно посмотреть видеозаписи.

норме боевых действий - и до сих пор неизвестно, кто и когда принял решение о такой беспрецедентной мере.

Принятие царским правительством решения о расстреле мирной демонстрации рабочих - одна из загадочных страниц истории 1904-1905 гг. Трудно восстановить логику рассуждений, которые привели к этому необычному для российского государства решению, имевшему катастрофические последствия. Логика эта была явно неадекватна реальности, и это видно из такого мелкого, но красноречивого эпизода.

Вечером 8 января в редакции газеты «Наши дни» собралась группа либеральной интеллигенции, взволнованной назревающим кровопролитием. Без всяких формальностей собравшиеся попросили нескольких видных деятелей и литераторов (среди которых был М.Горький) переговорить с влиятельными сановниками, чтобы попытаться предотвратить бедствие. На другой день после событий все члены этой делегации были арестованы - полиция считала, что они были членами тайного временного революционного правительства.

Это нелепое предположение, ставшее впоследствии предметом шуток, в действительности было симптомом той дезориентации, в которой находились главные структуры государственной безопасности.

Принятие решения о расстреле демонстрации показывает также, что царский государственный аппарат оказался неспособен понять резкое изменение динамики общественных процессов - перейти в своем мышлении к принципиально иному восприятию времени. В период революционных сдвигов историческое время имеет совершенно иной масштаб, нежели в стабильный период, и многие привычные механизмы и нормы перестают действовать. Власть, которая продолжает опираться на эти утратившие свою силу нормы и механизмы, совершает тяжелые ошибки.

С точки зрения формально действующего права намерение рабочих придти с хоругвями к Зимнему дворцу и подать царю петицию было *преступлением*. Предводитель рабочих Гапон должен был быть арестован, а преступники должны были быть наказаны³⁵. Запрет на подачу петиций был одним из важных принципов государственного устройства царской России. Ранее только дворянство имело право ходатайствовать перед царем о словесных и государственных нуждах, но и это право было ликвидировано в 1865 г. Участие в составлении прошений, в которых можно было усмотреть постановку общественно значимых вопросов, по закону строго каралось, особенно если прошение предназначалось к подаче самому царю.

Исходя из этих формальных норм права, власти и решили не допустить демонстрантов с петицией в центр Петербурга. Но эта логика была несостоятельной, поскольку на деле право петиций уже было введено в России явочным порядком, что произошло, например, во время широкой «банкетной кампании» либералов в 1904 г., а позже в кампании наказов и приговоров крестьянских сходов. Право подать царю прошение быстро укоренилось в массовом сознании и, скорее всего, воспринималось рабочими как естественное право. Именно в этом смысле, видимо, правомерно называть Гапона *провокатором*. Он, скорее всего, знал о противозаконном, юридически, характере демонстрации, но в своей агитации за ее проведение скрыл эту сторону дела, представив демонстрацию как мирную инициативу верноподданных рабочих.

Таким образом, возникло резкое противоречие между представлением о праве у государственной верхушки и у рабочей массы, и после расстрела власть стала в глазах рабочих *антинародной*, а значит, нелегитимной. В свою очередь, и сам царь воспринял результаты расстрела неадекватно. По словам Лопухина, «жестокая решительность военных

³⁵ Решение об аресте Гапона было принято, но полиция не смогла его выполнить 8 января.

начальников и покорность войск, проявленные в этот день, вполне укрепили в нем уверенность в безопасности и его лично, и престола» [8, с. 65].

Но и сама жестокость расстрела демонстрации 9 января не была выражением определенной уверенной линии. 17 января А.С.Ермолов убедил царя издать манифест по поводу этих событий, принять депутацию рабочих и оказать помощь жертвам (манифест был подготовлен в трех вариантах, но так и не утвержден царем). Идея снять вину с царя и возложить ее на министров и военное командование, («отделить царя милующего от правительства карающего»), со всей очевидностью вносила в массовое сознание разрушительную для самодержавия идею о том, что царь не контролирует события – выходит, войска могут стрелять в народ без его приказа. Судя по протоколам совещаний, министры это прекрасно понимали, но было трудно определить, какое зло меньшее.

Прием царем «депутации рабочих» также принес больше вреда, чем пользы. По заранее составленным спискам благонадежных рабочих полиция неожиданно схватила отобранный группу, их обыскали, переодели и, запрещая переговариваться, привезли в Царское Село, где царь по бумажке зачитал написанную Треповым речь. Этот фарс только подогрел страсти и озлобил рабочих, переживавших трагедию³⁶.

Пойдя по пути демонстративного насилия, власти раз за разом предпринимали действия, создающие непреодолимый раскол в обществе и необратимо толкающие события по пути, ведущему к катастрофе. Причем разрушительные шаги делались зачастую ради ликвидации временной, конъюнктурной проблемы. Так, осенью 1905 г. в Петербурге стало нарастать стачечное движение. Когда 12 октября объявили забастовку железнодорожники, генерал-губернатор Петербурга Трепов распорядился расклеить по всему городу свой приказ, вошедший в историю: «Холостых залпов не давать и патронов не жалеть».

Начальник канцелярии Министерства двора генерал А.А.Мосолов (по рекомендации которого и был назначен Трепов генерал-губернатором Петербурга) пишет в воспоминаниях, что, увидев у Трепова черновик приказа, он спросил его: «В своем ли ты уме?» Трепов ответил: «Войск перестали бояться, и они сами стали киснуть. Завтра же, вероятно, придется стрелять. А до сих пор я крови не проливал. Единственный способ отвлечь это несчастье и состоит в этой фразе» [8, с. 221].

При том состоянии массового сознания, которое реально имело место в больших городах, этот приказ Трепова не только подхлестнул развитие революции, но и отложился в коллективной памяти как яркий символ царской власти - символ, сыгравший большую роль в созревании Гражданской войны.

С другой стороны, обыденная жизнь городов России начиная с 1905 г. была наполнена образами кровавого насилия вследствие *террора* радикальных революционных групп. Однако и этот террор был в большой степени связан с новой доктриной верховных властей Российской империи, а именно, ее полицейских властей. Суть видна из характера взаимодействия полиции с партией социалистов-революционеров, в большей степени, не-

³⁶ Акты массового кровопролития дестабилизируют массовое сознание, что ведет к размыванию культурных норм и запретов. Когда 4 февраля 1905 г. эсеры убили в Москве дядю царя, великого князя Сергея Александровича, ходила версия, что этот террористический акт боевики совершили как месть за Кровавое воскресенье. Одна кадетская деятельница писала в мемуарах о тогдашнем состоянии умов, что каким надо обладать воображением, чтобы решить, «что охранник Азеф помог революционерам убить дядю царя в отместку за то, что 9 января были расстреляны рабочие, которыми руководил священник, тоже агент охранки» [8, с. 115].

жели другие партии, превратившей террор в инструмент своей политической деятельности.

Партия эсеров была образована в 1902 г. из ряда подпольных групп, которые были остатками разгромленной в 1881 г. «Народной воли». Организация партии происходила под контролем охранки с 1899 г. Руководил этим контролем начальник московского охранного отделения С.В.Зубатов (в обиход даже вошло слово «зубатовщина»). Через провокатора Е.Ф.Азефа Зубатов организовал и подпольную типографию эсеров, благодаря Азефу были проведены и аресты эсеров по всей России в 1903 г., а потом в Петербурге. Однако полиция не справилась с растущей партией, она возродилась и завязала связи с другими революционными левыми организациями.

Эсеры считали себя наследниками революционных народников и тяготели к философии *боевого действия*. Один из основателей партии Н.К.Михайловский говорил другому ее видному деятелю, Н.С.Русанову:

«Дюринг, обосновавший теорию справедливости на чувстве мести, здорового возмездия, гораздо больше подходит к современной русской действительности, чем Маркс, который изучает явления только объективно и не обладает достаточно боевым темпераментом, чтобы понимать условия русской политической борьбы» [58].

Во время революции 1905-1907 гг. и перед ней эсеры совершили 263 крупных террористических акта, в результате которых погибли 2 министра, 33 губернатора, 7 генералов и т.д. В то время партия насчитывала 63 тыс. членов (для сравнения заметим, что социал-демократов всех направлений было тогда в России около 150 тыс.).

Как же откладывались семена будущей ненависти после 1905 г.? Столыпин ввел военно-окружные и военно-полевые суды, даже запретив в них участие юристов. Суд был «скорострельным», а потом широко стали использовать виселицу. Ежедневно газеты сообщали о казнях. Это сломало в общественном сознании России очень важный стереотип и запустило спираль насилия. Поклонникам Столыпина надо помнить, что только военно-окружными судами за 1906-1909 гг. было приговорено к смертной казни 6193 человека (из них повешены 2694 человека), военно-полевыми судами - более тысячи, да без суда и следствия, по распоряжениям генерал-губернаторов расстреляно 1172 человека. На каторгу были отправлены десятки тысяч человек (т.к. политические выступления крестьян проводили на судах как уголовные, точное число вычленив из 66 тысяч приговоренных к каторге трудно). Вот какими средствами велась «реформа сверху».

Сейчас сторонники Столыпина иногда утверждают, что казни 1906-1909 гг. были якобы направлены не против крестьян, а против террористов-эсеров, возглавлявших разгром имений или хутора. Это ошибочное мнение. Террористов не судили скопом и не казнили в 24 часа. Кроме того, эсеры после разоблачений Азефа вообще прекратили террористическую деятельность. А среди восставших крестьян их не было. Т.Шанин пишет:

«Полицейский розыск виновных и послереволюционная охота на революционеров из некрестьянских сословий, действовавших в деревне, которые якобы возглавляли крестьянский бунт в Центральной России, дали примечательно скудные результаты. Из протоколов допросов следовало, что крестьянское движение 1905-1907 гг. (как и 1902 г.) было в Европейской России спонтанным и руководимым самими же крестьянами делом».

Таким образом, эти казни «аграрников» были уже следствием реформы Столыпина, начатой в конце 1906 г. Крестьяне, стали сопротивляться навязанному правительством

и грозящего им катастрофой изменению их жизнеустройства доступными им методами – шли громить хутора и поместья. В ответ – военно-полевой суд, институт чрезвычайного, военного права. Иными словами, само правительство трактовало ситуацию как военную. Суд этот имел целью не наказание, а устрашение. Не выяснялась часто даже личность арестованных крестьян, их казнили и хоронили как «бесфамильных». В тот момент крестьяне бороться не могли и отыгрались лишь после Февраля 1917 г., когда вернулись с войны с оружием.

Толстой в статье «Не могу молчать», которая всколыхнула весь мир, отозвался на повешение 20 крестьян в Херсонской губернии. Он ужасался - до чего дошла Россия, еще в 80-х годах прошлого века на Россию был всего один палач, и по всей стране не смогли найти на эту должность второго. За 80 лет после 1825 г. в России казнили в среднем 9 человек в год.

«Теперь не то, - пишет Толстой в 1908 г. - В Москве торговец-лавочник, расстроив свои дела, предложил свои услуги для исполнения убийств, совершаемых правительством, и, получая по 100 рублей с повешенного, в короткое время так поправил свои дела, что скоро перестал нуждаться в этом побочном промысле, и теперь ведет по-прежнему торговлю» [59].

Глава 6. Выход России из войны: порядок из хаоса

Гражданская война, патриотизм и собирание России

В конце перестройки, а потом и на всем протяжении последних лет в общественное сознание нагнетается представление о Белом движении, начавшем гражданскую войну в 1918 г., как носителя русского государственного *патриотизма*. Согласно этому тезису, советский строй был если и не *антинациональным*, то во всяком случае *внеациональным*. При этом выдвигалось странное положение о том, что в России имелась возможность установления утопического межклассового согласия. Эта утопическая идея казалась настолько привлекательной, что на какое-то время в нее поверили даже руководители воссоздаваемой коммунистической партии. В ходу была такая формула:

«Воссоединив «красный» идеал социальной справедливости... и «белый» идеал национально осмысленной государственности..., Россия обретет, наконец, вождевленное общественное, межсословное, межклассовое согласие».

Культивировалась даже доктрина сплочения антиельцинской оппозиции как соединения «красной и белой идеи». «Красный» идеал в этом тезисе воплощен в советском проекте, а «белый» - в радикальном антисоветском Белом движении. Формула утверждала, что «красный» советский проект сосредоточился исключительно на идее социальной справедливости. Национальное чувство, государственный патриотизм, напротив, нашли, дескать, своего носителя в «белом» движении. Теперь, мол, пришла пора оба идеала соединить.

Вся эта концепция была основана на большом и ложном историческом мифе, который создавался в интеллектуальных лабораториях и, считаю, нанес очень большой ущерб нашему общественному сознанию. Миф этот строился через создание неверного образа «белого» проекта. Между тем Белое движение - вполне реальное историческое явление. Оно изучено довольно основательно, причем многими несоветскими и антисоветскими мыслителями.

Какие основания есть сегодня считать Белое движение носителем идеи «национально осмысленной государственности»? Что вообще понимается под этой идеей? Д.И.Менделеев, приступая к созданию «*россиеведения*», поставил в этой идее условие-минимум: «уцелеть и продолжить независимый рост» России. Это - именно минимальная, непреложная задача нашей государственности. Если же при этом Россия становится сильной развитой державой, значит, задача русской государственности выполнена не на минимальном, а на высоком уровне.

Какие фигуры воплощали суть Белого движения и какова была их установка по отношению к такой государственной идее? Лубочная перестроечная картинка представляет белых как корнетов и поручиков, вставших «за веру, Царя и Отечество» и в свободную от боев минуту со слезами на глазах певших «Боже, царя храни!». Эта картинка совершенно не верна, недаром генерал-лейтенант Я.А.Слащов-Крымский, покидая Белую армию, написал статью: «Лозунги русского патриотизма на службе Франции».

Приняв от Антанты не только материальную, но и военную помощь в форме иностранной интервенции, антисоветская контрреволюция быстро лишилась даже внешних черт патриотического движения и предстала как прозападная сила, ведущая к потере целостности и независимости России. Это во многом предопределило утрату широкой поддержки населения и поражение Белой армии. Антисоветский историк М.Назаров в книге «Миссия русской эмиграции» пишет: «Ориентация Белого движения на Антанту заставила многих опасаться, что при победе белых стоявшие за ними иностранные силы подчинят Россию своим интересам» (см. [14]). Напротив, Красная Армия все больше воспринималась как сила, восстанавливающая государственность и суверенитет России.

Антирусский и антигосударственный смысл буржуазно-либерального (в будущем «белого») проекта созрел и проявился, разумеется, достаточно задолго до начала гражданской войны, альянс с Западом в этой войне лишь подчеркнул этот смысл. Именно генералы-основатели Белого движения с поддержавшим их офицерством были «военной рукой» космополитических буржуазно-либеральных сил, сокрушивших монархическую государственность в феврале 1917 г. Что касается этого «буржуазно-либерального субстрата», на котором возросло Белое движение, то его принципиальная *антигосударственность* отражена и в «Вехах» и в «Из глубины», и В.В.Розановым, и очевидцами «окаянных дней» - Буниным и Пришвиным. Отражена почти с надрывом - как же можно ее не видеть.

Нелепо говорить патриотизме, который, якобы, был сосредоточен в буржуазно-помещичьей среде («белый идеал»). В «Окаянных днях» Бунина на каждой странице мы видим одну страсть - ожидание прихода немцев с их порядком и виселицами. А если не немцев, то хоть каких угодно иностранцев - лишь бы поскорее оккупировали Россию, загнали обратно в шахты и на барщину поднявшее голову простонародье. Читаем у Бунина:

«В газетах - о начавшемся наступлении немцев. Все говорят: «Ах, если бы!»... Вчера были у Б. Собралось порядочно народу - и все в один голос: немцы, слава Богу, продвигаются, взяли Смоленск и Бологое... Слухи о каких-то польских легионах, которые тоже будто бы идут спасать нас... Немцы будто бы не идут, как обычно идут на войне, сражаясь, завоевывая, а «просто едут по железной дороге» - занимать Петербург... После вчерашних вечерних известий, что Петербург уже взят немцами, газеты очень разочаровали... В Петербург будто бы вошел немецкий корпус. Завтра декрет о денационализации банков... Видел В.В. Горячо поносил союзников: входят в переговоры с большевиками вместо того, чтобы идти оккупировать Россию» и т.п.

А вот записи Бунина из Одессы:

«Слухи и слухи. Петербург взят финнами... Гинденбург идет не то на Одессу, не то на Москву... Все-то мы ждем помощи от кого-нибудь, от чуда, от природы! Вот теперь ходим ежедневно на Николаевский бульвар: не ушел ли, избави Бог, французский броненосец, который зачем-то маячит на рейде и при котором все-таки как будто легче».

А вот что М.М.Пришвин записал в дневнике 19 февраля 1918 г. о разговорах на Невском проспекте:

«Сегодня о немцах говорят, что в Петроград немцы придут скоро, недели через две. Попик, не скрывая, радостно говорит:

- Еще до весны кончится.

Ему отвечают:

- Конечно, до весны нужно: а то и землю не обсемят, последнее зерно выбирают.

Слабо возражают:

- Думаете, немцы зерно себе не возьмут?

Отвечают убежденно:

- Возьмут барыши, нас устроят, нам хорошо будет и себе заработают, это ничего».

Читаешь все это и вспоминаешь, как наша нынешняя патриотическая оппозиция, представляя белых носителями идеала государственности, поносит Советскую власть, которая в том феврале лихорадочно собирала армию, чтобы дать отпор немцам. А ведь синеглазый рабочий, воплощающий в записках Бунина враждебный ему окаянный «красный» идеал, выразил самый нормальный патриотизм, сказав на улице призывавшим немцев буржуям: «Раньше, чем немцы придут, мы вас всех перережем».

Вот, вполне представительная фигура белого движения - адмирал А.В.Колчак, «кондотьер» Запада, поставленный англичанами и США Верховным правителем России. Ни в коем случае не можем мы его считать носителем идеи «национально осмысленной государственности». О русском народе он писал буквально как крайний русофоб времен перестройки: «обезумевший дикий (и лишенный подобия) неспособный выйти из психологии рабов народ». При власти Колчака в Сибири творили над этим народом такие безобразия, что его собственные генералы слали ему по прямому проводу проклятья. Он - «дитя Февраля», ходил на консультации к Плеханову, после Октября патетически пытался вступить рядовым в британскую армию, имел при себе комиссаром международного авантюриста, брата Я.М.Свердлова и приемного сына Горького - капитана французского Иностранного легиона масона Зиновия Пешкова.

Сегодня у нас чуть ли не национальным героем делают Деникина - за то, что не стал помогать Гитлеру и желал победы Красной Армии (это у многих сейчас - уже верх патриотизма). Но ведь это на склоне лет, не у дел. А когда Деникин был практическим носителем «белого идеала», он сознательно работал на Запад, против российской государственности. Согласно выводу В.В.Кожина, «Антон Иванович Деникин находился в безусловном подчинении у Запада». Биограф А.И.Деникина Д.Лехович определил взгляды лидера белого движения как либерализм и надежды на то, что «кадетская партия сможет привести Россию к конституционной монархии британского типа», так что «идея верности союзникам [Антанте] приобрела характер символа веры».

Вообще, нынешние сторонники Белого движения совершают большую ошибку, отрывая его от иностранной интервенции – эти два фронта войны против Советской России связаны неразрывно. Во-первых, без западных поставок вооружения и материалов Белой армии просто не могло бы образоваться. В «Очерках русской смуты» Деникин писал о начале 1919 г.: «С февраля начался подвоз английского снабжения. Недостаток в боевом снабжении с тех пор мы испытывали редко». В другом месте он писал о февральских поставках: «Пароходы с вооружением, снаряжением, одеждой и другим имуществом, по расчету на 250 тысяч человек» [14].

А.И.Гучков, занимавшийся снабжением Белой армии, вел переговоры с правительствами Антанты с тем, чтобы они выделили войска для оккупации Украины, где находились большие склады с продовольствием и арсеналы с военным имуществом. Он негодовал на «государственный эгоизм стран антанты», на то, что «союзники не склонны расходовать сколько-нибудь значительную живую силу на поход в Россию», в то время как только их помощь «в форме большой живой силы, брошенной на активную борьбу с большевиками, могла бы изменить это положение».

В мае 1919 г. Гучков вел в Париже переговоры с президентом Франции Раймоном Пуанкаре о расширении военной помощи белым, затем в Лондон, где его восхитил военный министр Черчилль. На совещании некоторые английские генералы предложили использовать против красных химическое оружие, на что Черчилль ответил: «Конечно, мне бы очень хотелось угостить большевиков газом, если мы можем себе это позволить». Это ему не позволили, но Гучков писал из Лондона Деникину:

«По счастливой случайности во главе военного министерства в качестве военного министра стоит Уинстон Черчилль, вполне отдающий

себе отчет в мировой опасности большевиков, понимающий ту роль, которую будет играть Англия в качестве единственной спасительницы России» [7, с. 136].

Так что не будем строить иллюзий – сами организаторы Белого движения считали свою роль в Гражданской войне вспомогательной, а единственной возможной «спасительницей России» считали военную силу Антанты.

Но еще важнее, пожалуй, другое – вся «социальная база» Белого движения уповала именно на прямую поддержку Запада, на то, что именно он займется «обустройством» России. Белая армия рассматривалась лишь как передовой отряд крестового похода Запада против Советов. З.Н.Гиппиус записала в дневнике 2 сентября 1919 г.:

«На Деникина, вероятно, почти никто не надеется, несмотря на его, казалось бы, колоссальные успехи, на все эти Харьков, Орлы, на Мамонтова и т.д. Слишком мы здесь зрячи, слишком все знаем изнутри, чтобы не видеть, что ни к чему, кроме ухудшения нашего положения, не поведут наши «белые генералы», старые русские «остатки», - если они не будут честно и определенно поддержаны Европой».

При этом надо отметить, что как и царское правительство после революции 1905-1907 гг., так и вожди Белого движения после Гражданской войны, уже в эмиграции, не предполагали, в случае своей победы, идти на компромисс с трудящимися массами с тем, чтобы разрешить те противоречия, что привели к революции. На совещании в Париже 11 апреля 1922 г., где была сделана попытка объединить буржуазные организации в эмиграции, братья Рябушинские изложили свое видение будущей России, которая, по их видению, будет стоять на трех основаниях – торгово-промышленном классе, армии и интеллигенции. Даже Гучков в письме Врангелю заметил: «... куда девались крестьяне, куда девались рабочие – неизвестно» [7, с. 142].

Можно даже сузить проблему и поставить вопрос о патриотизме белых так. Когда разгорелся конфликт «красного» и «белого» идеалов, то офицеры русской армии, принявшие активное участие в этом конфликте, разделились почти поровну. Половина пошла в Красную, а половина - в Белую армию. В Красной Армии стала служить и ровно половина генералов и офицеров Генерального штаба, цвет армии. Какие же есть основания сегодня считать, что государственным чувством руководствовались именно те, кто оказался с «белыми», а не генерал А.А.Брусилов или М.Д.Бонч-Бруевич? Ведь по этому критерию все говорит в пользу именно тех, кто стал служить Советской власти, а не эфемерным мажоранским «правительствам». В Красную Армию царские генералы и офицеры пошли служить почти исключительно не из идеологических, а из патриотических соображений, в партию вступило ничтожно малое их число. Приглашая их к строительству новой армии, Советская власть взяла обязательство «не посягать на их политические убеждения».

Сегодня тот, кто вершит свой маленький «суд истории», обязан учесть доводы тех, кто *тогда* сделал свой трудный выбор. Давайте прочитаем то воззвание «Ко всем бывшим офицерам, где бы они ни находились», с которым обратилась большая группа бывших генералов русской армии во главе с Брусиловым 30 мая 1920 г., когда сложилось угрожающее положение на польском фронте:

«В этот критический исторический момент нашей народной жизни мы, ваши старые боевые товарищи, обращаемся к вашим чувствам любви и преданности к родине и взываем к вам с настоятельной просьбой забыть все обиды, кто бы и где бы их ни нанес, и добровольно идти с полным само-

отвержением и охотой в Красную армию и служить там не за страх, а за совесть, дабы своей честной службой, не жалея жизни, отстоять во что бы то ни стало дорожную нам Россию и не допустить ее расхищения, ибо в последнем случае она безвозвратно может пропасть, и тогда наши потомки будут нас справедливо проклинать и правильно обвинять за то, что мы из-за эгоистических чувств классовой борьбы не использовали своих боевых знаний и опыта, забыли свой родной русский народ и загубили свою матушку Россию».

Отвечая на обвинения «белых» однокашников, бывший начальник штаба верховного главнокомандующего генерал Бонч-Бруевич писал: «Суд истории обрушится не на нас, оставшихся в России и честно исполнявших свой долг, а на тех, кто препятствовал этому, забыв интересы своей Родины и пресмыкаясь перед иностранцами, явными врагами России в ее прошлом и будущем».

Да, сегодня суд Чубайса и всей его идеологической клики обрушился не на тех, кто в 1919 г. пресмыкался перед иностранцами, а на «оставшихся в России и честно исполнявших свой долг». Но это суд не истории, а тех, кто жиреет в момент Смуты.

При этом и белые офицеры, пошедшие в услужение Западу, и вся масса российской «белой кости», которая мечтала о приходе немцев или французов, прекрасно знали об отношении Запада к России. Никакого секрета это не составляло. Русофобия, сложившаяся как устойчивое культурное явление после победы России над Наполеоном, к началу XX века лишь усилилась. Даже Керенский, масон и западник, так начинал в эмиграции в 1942 г. свою рукопись «История России»:

«С Россией считались в меру ее силы или бессилия. Но никогда равноправным членом в круг народов европейской высшей цивилизации не включали... Нашей музыкой, литературой, искусством увлекались, заражались, но это были каким-то чудом возвращенные экзотические цветы среди бурьяна азиатских степей» [60].

Возьмем теперь случай посложнее - «Белую гвардию» (или, скорее, «Дни Турбиных») М.Булгакова. Прекрасная вещь, такая родная и близкая. Каких милых людей вышибла из колеи революция. Как спасителен дом Елены с кремовыми занавесками, поддержка людей своего круга. Много говорит пьеса о русском человеке, недаром Сталин, как говорят, тринадцать раз ее смотрел. Но ведь это - о той же катастрофе 1918 года, пьеса полна важными общественными идеями. И вот уже тридцать лет братьев Турбиных и их друзей представляют нам как носителей русской офицерской чести, как тот тип людей, с которых надо брать пример в трудные моменты истории. Как это возможно?

Давайте же называть вещи своими именами. Перед нами «белая гвардия» - офицеры и юнкера, стреляющие из винтовок и пулеметов в неких «серых людей». Кому же служат эти русские офицеры и в кого стреляют? Они служат немцам и их марионетке-гетману. Что они защищают? Вот что:

«И удары лейтенантских стеков по лицам, и шрапнельный беглый огонь по непокорным деревьям, спины, исполосованные шомполами гетманских сердюков, и расписки на клочках бумаги почерком майоров и лейтенантов германской армии: «Выдать русской свинье за купленную у нее свинью 25 марок». Добродушный, презрительный хохоток над теми, кто приезжал с такой распискою в штаб германцев в Город».

Кто же те «серые» люди, в которых стреляли (и очень метко) белые офицеры, защищая гетмана и немцев и мечтая о вторжении в Россию французов и сенегальцев? Эти люди, в которых стреляли Турбины - украинские и русские крестьяне и солдаты, доведенные господами до гражданской войны. И вот эти-то офицеры даны нам как образец чести и патриотизма? Это - расщепление сознания. Заметим еще, что многие реплики, смягчающие образ «белогвардейцев», были вставлены в пьесу под давлением цензуры и репертуарного комитета.

Конечно, треть белых офицеров перешла в Красную Армию, но это у Булгакова - за сценой. Красная Армия - это уже «не дни Турбиных». Представляя нам «белую гвардию» как образец, на никогда и не напирала на переход их в Красную Армию. Да и вспомним, с книгой в руках, почему Турбин распускает дивизион, почему тянется к красным Мышлаевский. Потому, что белые генералы продажны и потому, что сил у белых мало - не справиться с «мужичками». А если бы офицерам выдали полушубки и валенки, если бы немцев было побольше и подошло бы подкрепление сенегальцев, то и продолжали бы Турбины стрелять в «серых людей», не жалея патронов. Вчитайтесь сегодня в текст повести!

Как образец в массовое сознание «архитекторы перестройки» внедрили само *элитарное мышление* Бунина и Булгакова. Писатели и их лирические герои были даны как эталон достоинства, растоптанного красными и советским строем. Напротив, советский строй воплотился в образе «серых мужичков», атаквистических особей русского простонародья. Эти эталоны приняли и многие дети этого простонародья - и возненавидели дело своих отцов.

Вернемся к красным. Что же привлекло к Советской власти половину генералитета и офицерства вопреки эгоистических чувствам классовой борьбы? Именно ощущение, что здесь - спасение России как державы и как цивилизации. То, что речь идет в большинстве случаев именно об ощущении, которое даже противоречило видимости (лозунгам, декларациям и многим делам большевиков), только углубляет проблему. Ощущаемая сущность советского проекта касалась действительно вопросов бытия, а не политической и идеологической конъюнктуры - вот что важно, вот чего не видят многие наши патриоты, уткнувшись в цитаты Троцкого или Каменева. Генерал Бонч-Бруевич писал: «Скорее инстинктом, чем разумом, я тянулся к большевикам, видя в них единственную силу, способную спасти Россию от развала и полного уничтожения».

Потому у красного поэта Н.Клюева «Уму - республика, а сердцу - Мать-Русь». Напротив, вера в государственное чувство белых быстро таяла и иссякла совсем. В.В.Кожин приводит оценки двух идеологически совершенно чуждых большевикам человек, находившихся в «оке урагана» революционных событий. Великий князь Александр Михайлович видел безвыходность положения белых, ставших пособниками Запада: «на страже русских национальных интересов стоит не кто иной, как интернационалист Ленин, который в своих постоянных выступлениях не щадил сил, чтобы протестовать против раздела бывшей Российской империи».

Это и есть главное, что пытаются замазать сегодня наши «либералы-западники» в союзе с кое-кем из «патриотов» – именно большевики в гражданской войне стояли *«на страже русских национальных интересов»*. А белые – *на страже интересов Запада*. И это была пропасть глубже, чем пропасть социальная или политическая. По мере того, как офицеры Белой армии это понимали, они перетекали в Красную. В личном плане это была трагедия. Но глупо сегодня ее повторять, надо же на опыте дедов учиться.

Что же касается других народов России, то их национальные интересы совпадали с интересами русского народа, и потому не получили поддержки сепаратисты независимо от их политической программы – ни либеральные масоны на Украине, ни социалисты-меньшевики в Грузии, ни исламская буржуазия типа младохивинцев в Средней Азии. Везде воспринималась как *общая многонациональная армия трудящихся России*. А белые

и тут нажили врагов. При министерстве внутренних дел Колчака был, правда, создан «туземный отдел», но вряд ли он сколько-нибудь помог делу. На ходатайстве бурят о самоуправлении министр В.Пепеляев наложил резолюцию: «Выпороть бы вас».

Особая тема - практика национально-государственного строительства «красных» и «белых». О национальной политике Советской власти в период становления СССР наворочено столько мифов, что разбирать их в короткой брошюре невозможно. Надо читать специальную литературу. Но всем нам известен *результат*: в гражданской войне большевики нейтрализовали национал-сепаратистов предложением собраться в *Союз республик* с правом наций на самоопределение (которое сам Ленин относил к категории «*нецелесообразного права*») - так оно и воспринималось в СССР вплоть до героических усилий наших антисоветских «демократов»). Образовался Союз именно как единое государство, потому что сутью его политического устройства была система Советов (федерация как «республика Советов»). Это - особый тип государства, и втискивая его осмысление в понятия «правильных» западных государств, мы приходим к убогим выводам. В жизни прочность СССР была надежно проверена Отечественной войной. Эта проверка - факт, а не умозрительная оценка.

Перестроечная и нынешняя вязкая антиленинская кампания была очень недобросовестной и нанесла всему обществу огромный вред. В ней не было критики, и все действительно сложные проблемы так принижались, что мы отвыкли ставить вопросы хотя бы самим себе. Многие, в том числе из лагеря патриотов, обвиняют Ленина в том, что он предложил «неправильное» национально-государственное устройство СССР. Надо было, мол, создать вместо республик губернии - просто восстановить Российскую империю, и дело с концом.

Думаю, трудно найти образец более внеисторического мышления. Ведь результатом этой политики в действительности было *собрание* России, буквально разогнанной Февральской революцией (по сценарию, поразительно похожему на дело рук Горбачева и «беловежских путчистов» - вплоть до конфликта по поводу Черноморского флота). Третируя решение большевиков предложить народам России собраться в Советский Союз республик, нынешние критики не предлагают никаких хотя бы гипотетических альтернатив возрождения единой России в тех условиях.

Февральская революция «рассыпала» империю, так что гражданская война имела не только социальное, но и *национальное* «измерение». В разных частях бывшей Империи возникли национальные армии или банды разных окрасок. Все они выступали против восстановления единого централизованного государства. Что касается представлений большевиков о России, то с самого начала они видели ее как естественную, исторически сложившуюся целостность и в своей государственной идеологии оперировали *общероссийскими* масштабами (в этом смысле идеология была «имперской»). В 1920 г. нарком по делам национальностей И.В.Сталин сделал категорическое заявление, что отделение окраин России совершенно неприемлемо. Военные действия на территории Украины, Кавказа, Средней Азии, всегда рассматривались красными как явление *гражданской* войны, а не *межнациональных* войн. Это нисколько не противоречило идее «национальной справедливости», т.к. считалось, что собрание всех частей России в «республику Советов» решает и эту задачу.

Ленин предложил совершенно новый тип объединения - снизу, образуя промежуточные национальные республики. Но эти республики мягко, почти невидимо накладывались на единый скелет из Советов – и страна была именно единой. С этим предложением обратились к трудящимся, которые более всего страдали от своих князьков и были заинтересованы в воссоздании единого государства. При этом учреждение национальных республик, входящих в Союз, а не Империю, нейтрализовало возникший при «обретении независимости» национализм. Армии националистов потеряли поддержку, и ни в какой части России

не воспринималась как *чужеземная* армия. Таким образом, со стороны Советского государства гражданская война в ее национальном измерении была пресечена на самой ранней стадии, что сэкономило России очень много крови.

Сегодня специалисты (в том числе из лагеря «демократов») в общем сходятся на том, что иного пути собрать Россию и кончить гражданскую войну в тот момент и не было. Ценный материал для понимания всего спектра подходов к национальной политике в России того времени приведен в большом коллективном труде «Национальная политика России: история и современность» (М., 1997). Эта работа большого коллектива ученых, не свободная, конечно, от влияния злободневных политических пристрастий, содержит всем нам необходимые сегодня исторические сведения.

Напротив, национальная политика «белых» быстро кончилась полным крахом, и это во многом предопределило их поражение. Во-первых, выдвинув имперский лозунг единой и неделимой России, либеральные западники сразу вошли в непримиримое противоречие с собственной социальной программой. Высвободив капитализм из-под пресса сословного державного государства, Февральская революция не могла не породить мощного сепаратизма национальной буржуазии. «Политическая нация», стремящаяся к огосударствлению, есть неминуемое порождение буржуазной революции. Это надежно показано всей историей Запада (да это мы видим и сегодня).

В результате неразрешимой противоречивости всей своей доктрины, белым пришлось воевать «на два фронта» - на социальном и национальном. Они пошли напролом, как будто не зная России. Недаром эстонский историк сокрушался в 1937 г., что белые, «не считаясь с действительностью, не только не использовали смертоносного оружия против большевиков - местного национализма, но сами наткнулись на него и истекли кровью».

Когда я читаю о гражданской войне у Шолохова и Платонова, вспоминаю рассказы о ней матери, деда, дядьев и их сверстников, а потом читаю о том же нынешних политиков, мне кажется, что речь идет о двух разных планетах. Демократы, «белые» патриоты и их идеологическая клика - все о каких-то верхушечных делах, интригах и обидах. А в рассказах людей, которые на своем горбу вытягивали нашу жизнь из той катастрофы - бытие и его тектонические сдвиги и трагедии, строительство великой страны и глубокое религиозное чувство. Как сказал тогда даже сторонний наблюдатель, Дж.М.Кейнс, «Россия ближе всех в мире и к небу, и к земле». И главное, речь шла о творчестве действительно всего народа, а не какой-то одной партии и ее номенклатуры.

Красные и «обуздание революции»

Во время революции каждая политическая сила, имеющая конструктивный проект и претендующая на то, чтобы стать во главе строительства нового жизнеустройства всего народа, вынуждена в какой-то момент начать, помимо борьбы со своими противниками, *обуздание* того самого социального движения, что ее подняло. Возможно, это самый болезненный этап в любой революции, здесь – главная проба сил. Только то политическое движение, что отражает самые фундаментальные интересы (чаяния) своей социальной базы, способно выступить против ее «расхожих мнений», чтобы ввести ее разрушительную энергию в русло строительства.

Одной из важнейших программ, к которой приступили Советы сразу после Октябрьской революции, было *государственное строительство*. Оно неминуемо должно было войти в конфликт с освобожденной энергией революционных масс и с теми неформальными или квазигосударственными институтами, которые она породила и, строго говоря, которые и были инструментом революции. В условиях острой разрухи и острой политической борьбы в руководстве рабочих организаций даже очевидно необходимые действия по наведению порядка вызывали столкновение с частью несогласных – тем более, что многие

действия Советов сами отличались избыточным радикализмом, особенно там, где руководителями были левые большевики и левые эсеры.

Прежде всего, советское государство должно было восстановить монополию на *легитимное насилие*. Это означало необходимость ликвидации всех иррегулярных вооруженных сил партийной окраски. Один из самых красноречивых эпизодов – ликвидация *Красной гвардии*. Об этой операции мы ничего не знаем из официальной истории – она никак не вписывалась в упрощенную модель классово-борьбы. В Петрограде Красная гвардия была распущена 17 марта 1918 г., о чем было объявлено во всех районных Советах с предложением всем желающим записываться в Красную армию. Как сообщала оппозиционная печать, начальник штаба Красной гвардии И.Н.Корнилов был арестован [61].

Это и другие действия по «огосударствлению» революционного общества вызвали, конечно, сопротивление части рабочих даже в центре России. Так, наблюдался отток рабочих из Красной армии. Как сообщает Д.Чураков, к середине мая почти все рабочие с петроградского завода Речкина, ушедшие в Красную армию, вернулись на завод, так как не хотели, чтобы остальные рабочие смотрели на них «как на опричников».

Особенно трудное положение сложилось на Урале, где в Советах были сильны левые большевики и эсеры. Так, в городе Невьянске на большом артиллерийском заводе, где работали 7000 рабочих, 12-17 июня 1918 г. произошло восстание. Тогда все отряды рабочих, которыми руководили большевики, отбыли с завода на подавление белочехов, и единственной военной силой остался отряд «автомобилистов», эвакуированный из-под Петрограда. В нем заправляли правые эсеры и меньшевики. К восстанию присоединилась часть рабочих. 8 августа началось и продолжалось три месяца большое Ижевско-Воткинское восстание. После его подавления рабочие части повстанцев влились в сибирские армии белых, где числились среди самых боеспособных частей³⁷. Логика борьбы – жестокая вещь, и не всегда ее удается переломить, пролитая кровь гонит все дальше и дальше.

Конфликт Советской власти с рабочими не привел к разрыву вследствие фундаментальных причин. Антисоветские восстания, приводившие к власти, как правило, эсеров и меньшевиков, быстро показывали характер власти, альтернативной Советам. Д.О.Чураков пишет, что «переход реальной власти в руки чуждых рабочим элементов охладил пыл многих рабочих». Не менее важным было и четкое размежевание белых и красных в национально-государственном измерении. Вот вывод Д.О.Чуракова:

«В условиях иностранного вмешательства рабочие начинают отказываться от своих претензий к Советской власти и постепенно сплываются вокруг нее. Совершенно очевидно, что большевики, державшие власть в центре, несмотря на свои интернационалистские лозунги, воспринимались рабочими как сила, выступающая за независимость и целостность государства» [61, с. 138].

В целом же установка на максимально быстрое восстановление государственности, принятая Советской властью, хотя поначалу и создала очаги рабочих восстаний («гражданской войны среди своих»), стала фактором, подавляющим накал Гражданской войны в целом. Принцип *непредрешенчества*, принятый Белым движением (сначала победа, потом Учредительное собрание, потом строительство), означал для обывателя невыносимое затягивание хаоса.

³⁷ Гражданская война – трагедия, особенно для тех, кто воюет «не на той стороне». У многих таких бойцов происходит психологический надлом, что выражается в жестокостях и зверствах. Это было присуще и ижевско-воткинским повстанцам, и восстаниям 1921 г. (например, крестьянскому восстанию в Тамбовской губернии).

Нельзя не сказать кратко и об особом важном фронте Гражданской войны, отличном от войны между красными и белыми – фронте борьбы против «молекулярного» антицивилизационного и антигосударственного движения. Сказать о нем надо по той причине, что поворот к массовой поддержке красных во многом произошел потому, что они, в отличие от белых, показали себя силой, способной не то чтобы победить это движение, а «овладеть» им, придать его хаотической разрушительной силе направление, «ввести в берега».

Это движение называют по-разному. В.В.Кожин, например, называет его «русским бунтом». М.М.Пришвин ввел, следуя его полемике с А.Блоком относительно революции, слово «скифы». Для него Россия, охваченная революцией, стала «Скифией». Правильнее (и тоже условно) говорить о присущей этому движению психологии *гунна* – это понятие тоже использовал Блок, подчеркивая его отличие от *скифов*.

Установки белых в отношении «бунта гуннов», как и в отношении национального вопроса, можно характеризовать как *непредрешенчество*, унаследованное от Февраля. Как было сказано, они намеревались сначала добиться победы и получить власть, а потом уж строить государственность. Эта ошибочная философская установка оказалась фатальной уже для Временного правительства – государственность, ее матрица, строится в повседневном предъявлении программы при решении самых обыденных дел, тем более в условиях войны. Белые же вели «войну с гунном» конъюнктурную, в ней не проглядывала матрица будущей государственности.

Более того, вожди Февраля, именно вследствие своей оторванности от основной массы населения и неосознанного страха перед ним, потакали «революционной активности» антигосударственной стихии. К чему привело это потакание «гунну» со стороны либералов и эсеров? К тому, что вслед за сломом государственности началось «молекулярное» разрушение и растаскивание всех систем жизнеобеспечения России, и она «погрузилась во мглу»:

*Хлестнула дерзко за предел
Нас отравившая свобода*

Можно утверждать, что в столкновении с «белыми» советский проект победил именно потому, что в нем идеал справедливости был неразрывно спаян с идеалом государственности. «Черносотенец» Б.В.Никольский признавал, что большевики строили новую Российскую государственность, выступая «как орудие исторической неизбежности», причем «с таким нечеловеческим напряжением, которого не выдержать было бы никому из прежних деятелей». Будучи сами близки к этой стихии, большевики не испытывали к ней никакого уважения и трезво оценивали и ее силу, и ее слабые места. Когда надо, они ее использовали, а потом подавляли.

Водьмем главный лозунг советской революции. Что такое «Вся власть Советам!»? Ведь если им – *вся* власть, то государство рассыпается на множество общин-республик, каждая со своим полновластным Советом. Та же опасность грозила трудящимся города – фабзавкомы превращали свою фабрику, свой завод в целостную общину, микрокосмос, слабо связанный с большими социальными и производственными системами. М.М.Пришвин записал в дневнике 2 июня 1918 г.: «Вчера мужики по вопросу о войне вынесли постановление: «Начинать войну только в согласии с Москвою и с высшей властью, а Елецкому уезду одному против немцев не выступать». Похоже, в Елецком уезде было относительно более развито государственное чувство – ведь многие уезды не признали Брестского мира и считали себя в состоянии войны с Германией, независимо от Центра.

В советской идеологии история была искажена - вместо бунта «свято-звериной» русской души революция была представлена как разумное и чуть ли не галантное классовое столкновение (возможно, это умолчание было оправданным - не поминать лиха). Сказано

было: красные за социализм, белые за капитализм, победил прогресс - просто и понятно. А ведь главной, стихийной и страшной силой был бунт «гунна». Для него одинаково были чужды и белые, и красные - носители того или иного порядка. И это течение пронизывало все слои общества и было повсеместным, ползучим, «молекулярным».

Есть замечательная книга о Гражданской войне – Артем Веселый, «Россия, кровью умытая». Автор ее, сам участник и очевидец, сразу после войны напечатал в газетах просьбу к ветеранам – прислать ему письма с описанием реальных эпизодов, без прикрас и без рассуждений. Он получил огромное количество таких свидетельств и смог использовать лишь небольшую их часть – сгруппировал письма и сделал из них книгу как множество описаний конкретных случаев. Получилась мозаичная, но очень красноречивая книга.

Начинает ее Артем Веселый символическим эпизодом. Он возвращается в Россию весной 1917 г. с эшелоном солдат полудезертиров (основания для их возвращения домой были смутными). На остановке солдат раздобыл курицу, притащил ее к эшелону и собрался зажарить. Он не стал возиться, рубить ей голову, а просто откусил ее у живой курицы и выплюнул. Заметив наблюдающего эту сцену Артема Веселого, он подмигнул и расхохотался. С этого события начинается автор большое повествование о Гражданской войне.

В ходе Гражданской войны в России погибло очень много людей. Точно не известно, но с вескими доводами говорят о 12 миллионах человек. Отчего погибла эта масса людей? Не от прямых действий организованных политических сил, например, боев и репрессий. За 1918-1922 гг. в Красной Армии от всех причин погибло 939 755 красноармейцев и командиров. Значительная, если не большая часть их - от тифа. Точных данных о потерях белых нет, но они намного меньше. Значит, подавляющее большинство граждан, ставших жертвами революции (более 9/10) погибло не от «красной» или «белой» пули, а от хаоса, от слома жизнеустройства. Прежде всего, слома государства и хозяйства.

Главными причинами гибели людей в русской революции было лишение их средств к жизни и, как результат, голод, болезни, эпидемии, преступное насилие. Развал государства как силы, охраняющей право и порядок, выпустил на волю демона «молекулярной войны» - взаимоистребления банд, групп, соседских дворов без всякой связи с каким-то политическим проектом (но иногда с использованием какого-то знамени как прикрытия, как это бывало, например, у «зеленых»).

В.В.Кожин разделяет «бунт» и «революцию» как явления разной природы. На мой взгляд, это абстракция, годная лишь на первой стадии анализа. В русской революции, крестьянской в своей основе, «бунт» и стихийное массовое движение, не оформленное четко выраженной идеологией, были на определенном этапе едва ли не главным по своей энергии содержанием. Это и оттолкнуло от революции основную массу интеллигенции, что лишь усилило «гунна». М.М.Пришвин записал в дневнике 8 декабря 1918 г.: «Русская революция как стихийное дело вполне понятно и справедливо, но взять на себя сознательный человек это дело не может».

Овладеть этой волной, главным потоком революции, оказалось для Ленина самой важной и самой трудной задачей - хотя острая и прямая опасность исходила начиная с середины 1918 г. от белых. Поворот к «обузданию революции» происходит у Ленина буквально сразу после Октября, когда волна революции нарастала. Спасение было в том, чтобы согласиться в главном, поддержать выбранную огромным большинством траекторию. Для такого поворота к «обузданию» набирающей силу революции нужна была огромная смелость и понимание именно чаяний народа, а не его «расхожих суждений».

Партия большевиков уже в своей философии резко отличалась от других партий тем, что она открыто и даже жестоко подавляла «гунна» - она единственная была, по выражению М.М.Пришвина «властью не от мира сего». Почему Ленин решился и действительно смог прямо и честно выступить против «гунна», откуда у него был этот запас прочности?

Это можно объяснить только тем, что он обращался к глубоким чаяниям и не боялся идти на конфликт с «расхожими суждениями».

Когда читаешь документы того времени, дневники и наблюдения (в основном со стороны противников Ленина - его соратники дневников не вели), то возникает картина, в которую поначалу отказываешься верить. Получается, что главная заслуга красных состоит в том, что они сумели остановить, *обуздать* революцию и реставрировать Российское государство. Это настолько не вяжется с официальной историей, что вывод кажется невероятным.

М.М.Пришвин был противником большевиков, но хотя бы либералом. А вот ценное свидетельство человека более правых взглядов (близкого к октябристам) – Алексея Васильевича Бабина (1866-1930), в эмиграции Алексиса Бабине. В 1988 г. в Англии вышли его дневники под названием «Дневник русской гражданской войны. Алексис Бабине в Саратове. 1917-1922». Он эмигрировал в 1890 г., вернулся в 1910 г., а дневник свой писал на английском языке, уже для американского читателя. Ценность его дневника в том, что он отстраненно повествует о бытовой, фактологической стороне гражданской войны, вплоть до подсчета оружейных выстрелов и пулеметных очередей. Из его дневников становятся ясны масштабы «стихийного» насилия в обстановке хаоса, агонии старой государственности. Рецензенты этой книги отмечают:

«Разумеется, автор не смог скрыть своих политических симпатий. Они не на стороне большевиков... Но, странное дело, Бабин отмечает и оказываемую им поддержку со стороны «добропорядочных» граждан Саратова накануне перехода власти к Советам и неожиданные симпатии к новым правителям со стороны «ультраконсервативной» университетской профессуры».

На самом деле ничего странного в этом нет, об этом же говорил и Пришвин: большевики сразу проявили себя как сила, занятая *строительством государства*, и в этом была надежда на возрождение жизни. И у множества «ультраконсервативных» буржуа и профессоров инстинкт жизни пересиливал их классовую ненависть.

М.М.Пришвин и А.В.Бабин были людьми, мечтавшими о победе белых. А вот что читаем у крестьянского поэта Николая Клюева:

*Ваши черные белогвардейцы умрут
За оплевание Красного Бога.
За то, что гвоздинные раны России
Они посыпают толченым стеклом.*

Установка советского режима на «обуздание гунна» и восстановление общих условий жизни имела особый смысл именно в России как стране с существенным развитием периферийного капитализма, испытавшей резкое обеднение вследствие тяжелой мировой войны. Присущая периферийному капитализму *архаизация* значительной части хозяйственной жизни в условиях военной разрухи приводит к появлению обнищавших, выпавших из классово-укладных рамок масс (в большой мере вооруженных). Это ведет к распаду части общества и появлению радикальных деидеологизированных сил. В этой обстановке население склоняется к поддержке той политической силы, в которой чувствует способность остановить этот распад. В.В.Крылов пишет об опыте других стран того времени:

«Измельчание социальных интересов отдельных групп, примат фракционных интересов над общеклассовыми, эгоистических классовых целей над общенациональными ознаменовался в странах, где отсутствовал

прямой колониальный режим (Иран, Китай начала XX века), величайшим социальным распадом, засильем бандитских шайек и милитаристских групп, так что, например, для китайцев привлекательность русской революции была в том, что она создала могучий общественно-политический организм, воспрепятствовавший распаду этой великой державы на манер Австро-Венгрии или Османской империи» [62, с. 70].

Очевидно, что тот «могучий общественно-политический организм», что привлекал китайцев, тем более привлекал жителей России – даже тех, кому он был идеологически чужд. Для населения, например, очень важным был тот факт, который наконец-то признали историки: большевики смогли установить в Красной Армии более строгую дисциплину, чем в Белой. Дело тут и в идеологии, делающей упор на солидарности, и в самих философских установках – не потакать «гунну». В Красной Армии существовала гибкая и разнообразная система воспитания солдат и действовал принцип круговой поруки (общей ответственности подразделения за проступки красноармейца, особенно в отношении населения). Белая армия не имела для этого ни сил, ни идей, ни морального авторитета – дисциплинарные механизмы старой армии перестали действовать [63]. М.М.Пришвин, мечтавший о приходе белых, 4 июня 1920 г. записал в дневнике:

«Рассказывал вернувшийся пленник белых о бесчинствах, творившихся в армии Деникина, и всех нас охватило чувство радости, что мы просидели у красных».

Официальная мифология героизировала ту войну, и в тень ушли некоторые важные явления. Многозначительно явление, о котором советская история умалчивала, а зря – «красный бандитизм». В конце гражданской войны Советская власть вела борьбу, иногда в судебном порядке, а иногда и с использованием вооруженной силы, с **красными**, которые самочинно затягивали боевые действия, когда белые уже склонялись к тому, чтобы разоружиться. В некоторых местностях эта опасность для Советской власти даже считалась главной. Под суд шли, бывало, целые городские парторганизации, нарушившие общую политическую линию – они для власти уже «не были родственниками».

М.М.Пришвин пишет в дневнике 12 декабря 1918 г. «Самое тяжкое в деревне для интеллигентного человека, что каким бы ни был он врагом большевиков – все-таки они ему в деревне самые близкие люди...

«В четверг задумал устроить беседу и пустил всех: ничего не вышло, втяпились мальчишки-хулиганы... Мальчишки разворовали литературу, украли заметки из книжек школы, а когда я выгнал их, то обломками шкафа забаррикадировали снаружи дверь и с криками «Гарнизуйтесь, гарнизуйтесь!» пошли по улице. Вся беда произошла, потому что товарищи коммунисты не пришли, при них бы мальчишки не пикнули».

Из этого наблюдения ясно, что именно потому, что при «товарищах коммунистах» хулиганы бы не пикнули, и в учителях, и в тех же мальчишках, и в их родителях к большевикам стала попорачиваться та «часть души», что настроена на нормальную жизнь, на знание, на воспроизводство народа и общества. И в этих своих усилиях по «подавлению гунна» в каждом, большевики были той матрицей, на которой Советы собирались в государство. М.М.Пришвин записал в дневнике 28 декабря 1918 г.:

«Все вместе с Советом воруют для продажи в город дрова. Кулаки направляют бедноту на коммунистов тем, что коммунисты грабят, а

им не дают. Они рассуждают так, что стихнем коммунистов, а с бедной разделаемся... Нутро массы - всем недовольное, грабительское, та чернь, которой до времени пользовались большевики, теперь склоняется к кулакам (дрова - все воруют, коммунисты против)».

Повернуть к воспроизводству жизни это «нутро массы» было огромной и отнюдь не тривиальной задачей. М.М.Пришвин записал 18 января 1919 г. о том, как от инея обвисли провода и какая символическая картина возникла в его сознании:

«Телеграфно-телефонная проволока дугами в разных местах опустилась до земли, потом обрывалась и падала на дорогу, а скифы наши скатывали ее в крендели и развозили к себе по избышкам. Так во всем уезде у нас погибла телефонно-телеграфная сеть, и, когда остались только столбы, и то в иных местах покровленные, в газете было объявлено, что за украденную проволоку будет какое-то страшное наказание, вроде как «десять лет расстрелу»... Ораторы еще говорили «Граждане!» и призывали к коммунальному строительству государства, а скифы скатывали в клубочки оборванную инеем и бурей телеграфную проволоку и уносили ее домой по избышкам».

Символично это наблюдение и потому, что нынешний реванш гунна, снова разбуженного «либеральной революцией», даже радикальнее, чем всплеск его активности после 1917 г. – сегодня не скатывают в клубочки оборванную проволоку, а срезают ее с действующих столбов, вырывают из систем сигнализации и блокировки на железной дороге. Антисоветское движение разбудило жажду воли, хаоса – антицивилизационное чувство, приведенное в дремлющее, латентное состояние в ходе напряженной советской индустриализации, войны, упорядочения городской жизни в эпоху «застоя».

Тогда, в 1919-1920 гг. крестьяне и горожане качнулись к большевикам во многом потому, что в них единственной была искра власти «не от мира сего» - власти государственной, «без родственников». И этот инстинкт государственности проснулся в большевиках удивительно быстро, контраст с демократами хоть февральскими, хоть нынешними просто разительный. В государственном чувстве большевиков, у которых, по словам Ключева, «игуменский окрик в декретах», проглядывала будущая мощь России. Подводя итог революции, философ Н.А.Бердяев писал:

«России грозила полная анархия, анархический распад, он был остановлен коммунистической диктатурой, которая нашла лозунги, которым народ согласился подчиниться» [5, с. 109].

В 30-е годы, оценивая то, что удалось выполнить большевикам, лидер кадетов П.Н.Милюков писал, тоже в эмиграции:

«Когда видишь достигнутую цель, лучше понимаешь и значение средств, которые привели к ней... Ведь иначе пришлось бы беспощадно осудить и поведение нашего Петра Великого» [7].

В Гражданской войне Россия «кровью умылась», но советский строй сумел овладеть разбуженной энергией и направить ее на строительство, создать новый порядок. Это - поразительная историческая заслуга большевиков. Повторите-ка их опыт, господа ельцины да путины.

Почему белые потерпели поражение

И белый, и красный проект Россия сравнила не в теории, не по книгам, а на опыте, через тысячи больших и малых дел. Сначала, с февраля по октябрь 1917 г., сравнение проходило в более или менее мирных условиях сосуществования Временного правительства и Советов. Это соревнование проект Керенского проиграл вчистую. Новая государственность по типу либерального Запада не сложилась, а ее зачатки авторитета не завоевали и 25 октября без боя сдали власть Советам.

Однако под давлением и при активном участии Запада блок кадетов и эсеров попытался военным путем вернуть власть и продолжить свой проект. С середины 1918 г. сравнение обоих проектов происходило в форме гражданской войны. За ней наблюдала вся Россия, и это был второй этап «пробы на зуб». Военное соревнование, как известно, белые также проиграли вчистую. Антисоветский историк М.В.Назаров говорит определенно:

«При всем уважении к героизму белых воинов следует признать, что политика их правительств была в основном лишь реакцией Февраля на Октябрь - что и привело их к поражению так же, как незадолго до того уже потерпел поражение сам Февраль» [18, с. 185].

Этот факт мы должны себе объяснить и его затвердить, иначе дальше не продвинемся. Белые унаследовали остатки государственного аппарата, имели полную поддержку имущих классов России и большую поддержку (включая военную интервенцию) Запада. Поначалу у них был такой огромный перевес над красными, что они овладели практически всей территорией России за исключением маленького пятячка в центре.

Т.Шанин пишет: «Вожди старой России, социалистические конкуренты большевиков, а также иностранные специалисты были уверены, что красные не продержатся дольше нескольких недель». Даже М.М.Пришвин, исключительно проницательный наблюдатель, записал в дневнике 15 июня 1917 г. обо всех этих «марксистах, социалистах и пролетариях»:

«Мне вас жаль, потому что в самое короткое время вы будете опрокинуты, и след вашего исчезновения не будет светиться огнем трагедии... И я говорю вам последнее слово, и вы это теперь сами должны чувствовать: дни ваши сочтены».

Правда, пожив в деревне, он довольно быстро изменил эту оптимистическую точку зрения. Сразу после Октября, 7 ноября 1917 г., М.М.Пришвин записал в дневнике:

«Основная ошибка демократии состоит в непонимании большевистского нашествия, которое они все еще считают делом Ленина и Троцкого и потому ищут с ними соглашения».

Они не понимают, что «вожди» тут ни при чем и нашествие это не социалистов, а первого авангарда армии за миром и хлебом, что это движение стихийное и дело нужно иметь не с идеями, а со стихией, что это движение началось уже с первых дней революции и победа большевиков была уже тогда predetermined».

Иными словами, исход гражданской войны, как и ее начало, предопределили объективные, «массивные» факторы, которые даже воспринимались современниками как *стихийные*. Советский проект был в главных своих чертах выработан в сознании крестьянства

за время после реформы 1861 г. и совершенно определенно изложен во всех его главных срезках в наказах и приговорах 1905-1907 гг. Затем он был дополнен «сознательными рабочими», сохранившими общинное мироощущение, и четко выявился в период между Февралем и Октябрем 1917 г. в деятельности Советов и рабочего самоуправления. Научный социализм, развитый в приложении к России интеллигенцией самых разных политических оттенков, привнес в Советский проект идею модернизации и развития. В этом проекте вполне ясно просматривались главные черты будущего жизнеустройства.

Что же противопоставило этому Белое движение? Бессвязный набор идей, уже опробованных и отвергнутых обществом. И даже эти идеи они вынуждены были выражать исключительно смутно. Иначе и не могло быть – в противном случае вся эта мешанина политических течений, объединенных исключительно принципом «не уступить», просто рассыпалась бы. Попробуйте сегодня, когда опубликовано множество воспоминаний лидеров Белого движения, реконструировать его программу! Поразительно, но это в принципе невозможно. Есть лишь ощущение регресса и даже *«воли к смерти»*. Вот «Воспоминания террориста» Б.Савинкова, исключительно активного в Гражданской войне руководителя эсеров, человека университетски образованного и к тому же писателя. Ради чего он пролил море крови? Полный мрак – ни одного конструктивного утверждения. Ничего, кроме мечты об Учредительном собрании. Но ведь любой здравомыслящий простой человек в России в тот момент задавал себе вопрос: что же ты, Савинков, хочешь сказать в этом Учредительном собрании? Почему же вы, эсеры, отвергли в Учредительном собрании в январе 1918 г. Декреты Советской власти, которые очевидно были одобрены подавляющим большинством народа?

В 1991 г. был издан альманах «Русское прошлое» с документами революции и Белого движения [64]. В своей рецензии В.Старцев пишет:

«Как собирались «обустроить Россию» в случае своей победы белые? Поскольку у нас об этом толком не знает никто, познакомиться с квалифицированным резюме речей глав белых армий и их программных установок очень полезно. Его подготовил американский ученый Н.П.Полторацкий. Характерно, что, как ни старался он вычленив программу из приказов и речей Деникина, кроме фраз «За свободу и Россию» не обнаружилось ничего» [65].

Но, хотя гласной программы не было, крестьяне и рабочие очень хорошо ее понимали по тем красноречивым фигурам, которые двигались и в боевых порядках Белой армии, и в ее обозе. Почему же белые начали утрачивать завоеванные было территории и отступать перед Красной Армией, обутой в лапти? Ответ известен, но его у нас из головы вытеснили при промывании мозгов. А он таков. Образно говоря, красные победили потому, что крестьяне им *сплели миллион лаптей*. А белым не сплели, и им пришлось просить ботинки и обмотки у англичан.

Белая армия действовала в России как армия *завоевателей*, и ее продвижение сопровождалось восстаниями (по словам историка белых А.Зайцева, издавшего в 1934 г. в Париже большую книгу, вслед за белыми шла «волна восставших низов»). По выражению западных историков, в России тогда возникло «межклассовое единство низов», которые отвергли проект белых. Отвергли в целом, а не по мелочам и не из-за жестокостей и казней.

Очевидной и фундаментальной причиной полного разрыва крестьян с белыми была, например, ставшая явной угрозой, в случае победы белых, пересмотра того решения земельного вопроса, которое было закреплено Советской властью. Если же спуститься на уровень непосредственных причин, то можно сказать так. В гражданской войне любая ар-

мия снабжается тем, что удастся отнять у крестьян. Главное, что нужно для армии, это люди, лошади, хлеб и фураж. Конечно, крестьяне не отдавали все это своей охотой ни белым, ни красным. Исход войны определялся тем, как много сил приходилось тратить на то, чтобы все это получить. Это и есть важнейший для нас эксперимент. Причина победы красных была в том, что белым становилось все труднее и труднее пополнять армию, и в 1920 г. число новобранцев в Белую и Красную армии находились в отношении 1:5. Иными словами, красным крестьяне сопротивлялись намного слабее, чем белым. Под конец все силы у белых уходили на борьбу за самообеспечение - и война закончилась³⁸.

Отдельным важным этапом в экономической и социальной политике Советского государства, во многом повлиявшим на исход войны, был **военный коммунизм**. Он был даже больше, чем политикой, на время он стал образом жизни и образом мышления - это был особый, чрезвычайный период жизни общества в целом. Поскольку он пришелся на этап становления Советского государства, на его «младенческий возраст», он не мог не оказать большого влияния на всю последующую его историю, стал частью той «матрицы», на которой воспроизводился советский строй. Сегодня мы можем понять суть этого периода, освободившись от мифов как официальной советской истории, так и вульгарного антисоветизма.

Главные признаки военного коммунизма - перенос центра тяжести экономической политики с производства на *распределение*. Это происходит, когда спад производства достигает такого критического уровня, что главным для выживания общества становится распределение того, что имеется в наличии. Поскольку жизненные ресурсы при этом пополняются в малой степени, возникает их резкая нехватка, и при распределении через свободный рынок их цены подскочили бы так высоко, что самые необходимые для жизни продукты стали бы недоступны для большей части населения. Поэтому вводится *нерыночное уравнительное распределение*.

На нерыночной основе (возможно, даже с применением насилия) государство отчуждает продукты производства, особенно продовольствие. Резко сужается денежное обращение в стране. Деньги исчезают во взаимоотношениях между предприятиями. Продовольственные и промышленные товары распределяются по карточкам - по фиксированным низким ценам или бесплатно (в Советской России в конце 1920 - начале 1921 года даже отменялась плата за жилье, пользование электроэнергией, топливом, телеграфом, телефоном, почтой, снабжение населения медикаментами, ширпотребом и т.д.). Государство вводит всеобщую трудовую повинность, а в некоторых отраслях (например, на транспорте) военное положение, так что все работники считаются мобилизованными.

Все это - общие (*структурные*) признаки военного коммунизма, которые с той или иной конкретно-исторической спецификой проявились во всех известных в истории периодах этого типа. Наиболее яркими (вернее, изученными) примерами служит военный коммунизм во время Великой Французской революции, в Германии во время Первой мировой войны, в России в 1918-1921 гг., в Великобритании во время Второй мировой войны.

Тот факт, что в обществах с очень разной культурой и совершенно разными господствующими идеологиями в чрезвычайных экономических обстоятельствах возникает очень сходный уклад с уравнительным распределением, говорит о том, что это - единственный способ пережить трудности с минимальными потерями человеческих жизней. Возможно, в этих крайних ситуациях начинают действовать инстинктивные механизмы, присущие человеку как биологическому виду. Возможно, выбор делается на уровне культуры, историческая память подсказывает, что общества, отказавшиеся в такие периоды от солидарного распределения тягот, просто погибли. Во всяком случае, военный коммунизм как особый уклад хозяйства не имеет ничего общего ни с коммунистическим уче-

³⁸ Так же исчезла великолепная армия Наполеона - когда все силы у нее стали уходить на поиск пропитания и фуража в деревнях, и ничего не осталось для боев.

нием, ни тем более с марксизмом. Сами слова «военный коммунизм» просто означают, что в период тяжелой разрухи общество (*социум*) обращается в общину (*коммуну*) - как *воины*.

В последние годы ряд авторов утверждают, что военный коммунизм в России был попыткой ускоренного осуществления марксистской доктрины построения социализма. Если это говорится искренне, то перед нами прискорбное невнимание к структуре важного общего явления мировой истории. Риторика политического момента почти никогда верно не отражает сути процесса. В России в тот момент, кстати, взгляды кучки т.н. «максималистов», считающих, что военный коммунизм станет трамплином в социализм, вовсе не были господствующими в среде большевиков.

Серьезный анализ всей проблемы военного коммунизма в связи его с капитализмом и социализмом дан в книге видного теоретика РСДРП(б) А.А.Богданова «Вопросы социализма», вышедшей в 1918 г. Он показывает, что военный коммунизм есть следствие *регресса* производительных сил и социального организма. В мирное время он представлен в армии, как обширной авторитарной потребительской коммуне. Однако во время большой войны происходит распространение потребительского коммунизма из армии на все общество. А.А.Богданов дает именно структурный анализ явления, взяв как объект даже не Россию, а более чистый случай - Германию. Из этого анализа вытекает важное, выходящее за рамки истмата положение: структура военного коммунизма, возникнув в чрезвычайных условиях, после исчезновения породивших ее условий (окончания войны) сама собой не распадается. Выход из военного коммунизма - особая и сложная задача. В России, как писал А.А.Богданов, решить ее будет особенно непросто, поскольку в системе государства очень большую роль играют *Советы солдатских* депутатов, проникнутые мышлением военного коммунизма.

Соглашаясь с видным марксистом, экономистом В.Базаровым в том, что военный коммунизм - «ублюдочный» хозяйственный уклад, А.А.Богданов показывает, что социализм не входит в число его «родителей». Это - порождение капитализма и потребительского коммунизма как чрезвычайного режима, не имеющего никакой генетической связи с социализмом как прежде всего новым типом сотрудничества в *производстве*. А.А.Богданов указывает и на большую проблему, которая возникает в сфере идеологии:

«Военный коммунизм есть все же коммунизм; и его резкое противоречие с обычными формами индивидуального присвоения создает ту атмосферу миража, в которой смутные прообразы социализма принимаются за его осуществление».

К сожалению, уровень рассмотрения проблемы военного коммунизма в России в 90-е годы был намного ниже, чем в 1918 г. Ниже и уровень интеллектуальной ответственности: ни один автор, критикующий политику военного коммунизма в 1918 г., не сказал, каким образом следовало обеспечить город минимумом хлеба, не прибегая к такой мере.

Наиболее очевидной и всем понятной частью военного коммунизма были **чрезвычайные продовольственные меры**. Декретом ВЦИК 9 мая 1918 г. в стране была введена *продовольственная диктатура*. Наркомупродовольствия были предоставлены чрезвычайные полномочия. Хлебная монополия и твердые цены были введены еще Временным правительством. Первый министр земледелия Временного правительства кадет А.И.Шингарев уже 25 марта 1917 г. подписывает закон о введении хлебной монополии³⁹. Отныне владельцы продовольствия должны были весь хлеб, за вычетом того, что требуется для собственного потребления и на хозяйственные нужды, передавать в распоряжение государства. 20 августа 1917 г. Министерство земледелия выпустило инструкцию, которая пред-

³⁹ Германия приняла закон о хлебной монополии еще 25 января 1915 г.

писывала применять вооруженную силу к тем, кто утаивал хлеб. На практике эти постановления не выполнялись из-за полной неспособности правительства наладить дело – но здесь для нас важны именно установки.

Советский декрет был суров, он предусматривал применение вооруженной силы в случае оказания противодействия «отбиранию хлеба или продовольственных продуктов», и для этого у Советов была реальная сила в виде рабочих отрядов. Все организации и учреждения обязывались «безоговорочно и немедленно» исполнять все распоряжения наркома, касающиеся продовольственных вопросов. Крестьянам устанавливались нормы душевого потребления: 12 пудов зерна, 1 пуд крупы на год и т.д. Сверх этого весь хлеб считался излишками и подлежал отчуждению.

Летом и осенью 1918 г. Наркомпрод посылал в хлебные районы страны рабочие продовольственные отряды. Половина добытого ими зерна поступала предприятию, сформировавшему отряд, половина передавалась Наркомпроду. Был издан декрет, по которому в хлебных местностях 85% стоимости товаров, отпущенных кооперативам, крестьяне должны были оплачивать не деньгами, а натурой. Была также сделана попытка (30 октября 1918 г.) ввести *продналог*. Из нее ничего не вышло, поскольку вся система сбора налогов рухнула.

Предприятиям было также дано право получать земельные участки и создавать на них подсобные хозяйства (совхозы) для своих нужд. В условиях начавшейся войны широко такая практика применяться не могла. В Европейской части России (без Украины) в 1918 г. имелось 3100 совхозов, в 1919 г. 3500 и в 1920 г. 4400. Примерно половина совхозов была подсобными хозяйствами заводов. Продуктивность их была невелика, а главное, их появление враждебно встретили крестьяне, которые увидели в этом «восстановление помещиков под советским флагом». Директора совхозов занимали дома помещиков, а порой и сами бывшие помещики возвращались в свои дома в качестве директоров совхозов. Большой роли в снабжении городов совхозы не сыграли.

Докладывая на V Всероссийском съезде Советов, нарком продовольствия Цюрупа заявил, что для получения хлеба были использованы все обычные средства и «только когда ничего не получается, только тогда пускаются отряды». В отряды сначала рабочие посылались по очереди. Например, до января 1919 г. Петроградский Совет направил 189 отрядов общей численностью 72 тыс. человек. Эти отряды составили затем единую Продармию, которая к декабрю 1918 г. насчитывала 41 тыс. человек. Продармия была включена в состав войск внутренней охраны Республики (ВОХР).

11 января 1919 г. СНК принимает декрет о *продовольственной разверстке*, согласно которому все количество хлеба и фуража, необходимого для удовлетворения государственных потребностей, разверстывалась между производящими хлеб губерниями и дальше - между уездами, волостями, деревнями и дворами (использовался принцип круговой поруки). Крестьянам оставляли определенное количество продовольствия для питания, фураж для скота и зерно для посева. Все остальное зерно подлежало изъятию за деньги (т.к. деньги потеряли в то время свое значение, фактически у крестьян отбирали излишки хлеба бесплатно).

Эти чрезвычайные меры дали определенные результаты. Если в 1917/18 году было заготовлено только 30 млн. пудов хлеба, то в 1918/19 году - 110 млн. пудов, а в 1919/20 году - 260 млн. пудов. Угроза голодной смерти (но не угроза голода) в городах и в армии была устранена. Пайками было обеспечено практически все городское население и часть сельских кустарей (всего 34 млн. человек). Впервые система дифференцированных пайков (три категории) была введена в августе 1918 г. в Москве и Петрограде. В 1920 г. система пайков постепенно была заменена оплатой труда натурой. Пенсиями и пособиями (в натуре, продовольствием) были обеспечены 9 млн. семей военнослужащих.

За счет прямого вне рыночного распределения городское население получало от 20 до 50% потребляемого продовольствия (эта величина колебалась от губернии к губернии). Остальное давал черный рынок («мешочничество»), на который власти смотрели сквозь пальцы. В сентябре 1918 г. рабочим было разрешено привозить в город продукты питания в количестве до полутора пудов (мешочки даже стали называться «полупудовики»). Эта временная мера продлевалась, а потом негласно была узаконена. Было также разрешено заготавливать продукты заводам и фабрикам для своих работников. Очень большое значение имел и тот факт, что Советское правительство сумело наладить сотрудничество с имевшейся в России огромной сетью потребительской кооперации и через нее организовать прямой товарообмен. Вообще, реальная история того периода поражает разнообразием и изобретательностью тех подходов, которые пробовали и применяли и государственные органы, и предприятия, и граждане, чтобы организовать распределение жизненно необходимых продуктов и товаров.

В последнее время, особенно в годы перестройки, чрезвычайные продовольственные меры Советского государства трактовались в прессе крайне поверхностно и недобросовестно. Во главу угла при этом были поставлены идеологические мотивы, а это вредит познанию. Применение Советской властью чрезвычайных мер - вопрос большой и принципиальный, и продрозверстка заслуживает особого разговора.

Ни одно правительство не вводит чрезвычайные меры без крайней необходимости, ибо они дороги и вызывают недовольство большей или меньшей части населения. Идя на чрезвычайные меры, правительство тратит свой политический «капитал». Поэтому вопрос стоит так: что вызовет большие по масштабу страдания - применение чрезвычайных мер или отказ от них? Ответ на это может дать лишь конкретный, а не идеологический анализ.

Кстати, на словах Временное правительство было даже гораздо более радикальным сторонником мер военного коммунизма, чем впоследствии большевики. Так, министр труда М.И.Скобелев при вступлении в должность заявил:

«Мы должны ввести трудовую повинность для гг. акционеров, банкиров и заводчиков, у которых настроение вялое, вследствие того, что нет стимулов, которые раньше побуждали их работать. Мы должны заставить господ акционеров подчиняться государству, и для них должна быть повинность, трудовая повинность» [2, с. 106].

Твердые цены, запрет на спекуляцию, реквизиции хлеба - издавна известные меры предотвращения голода. В широких масштабах, как единая и всесторонне рассмотренная государственная программа, они были применены в 1793-1794 гг. во Франции. Этот опыт был хорошо изучен, из него был сделан ряд важных выводов для экономической теории. Он был известен и большевикам. Позднее, в 1928 г. был даже издан русский перевод книги ведущего историка Французской революции А.Матьеза «Борьба с дороговизной и социальное движение в эпоху террора» - скрупулезное описание французской «продрозверстки».

Вот главные ее уроки. Чрезвычайные продовольственные меры во Франции были введены сторонниками экономического либерализма, принципиальными противниками любого государственного регулирования рынка. Значит, дело не в доктринах и не в теориях. Меры были исключительно жесткими. Первым законом предписывалось реквизировать у земледельца лишь излишек урожая. Крестьянину оставляли «семейный запас» (достаточный для пропитания семьи в течение года) и семена для посева.

Позднее Конвент специальным декретом отменил семейный запас, и Продовольственная комиссия «превратила все продовольственные запасы республики в общую собственность». Проводились обыски домов и квартир, изымалось почти все продовольствие. Еди-

ной для всей страны нормы оставляемого жителям хлеба установлено не было, но она везде была очень мала. Например, в округе Шомон она составляла 1 пуд, то есть 16 кг на жителя, излишек он должен был сдать на военный склад в течение 5 дней. Реквизиции проводились национальной гвардией и часто сопровождалась боями. Были введены хлебные карточки и смертная казнь за спекуляцию. По словам А.Матъеза, результат был таков: «*правительство Робеспьера спасло рабочую Францию от голода*».

Известно, что государство царской России было добито нехваткой хлеба в городах в начале 1917 г. Предотвратить этот исход царское правительство пыталось теми же методами, что и во Франции. Когда в 1915 г. был нарушен нормальный товарооборот и, несмотря на высокий урожай, «хлеб не пошел на рынок», были установлены твердые цены и начались реквизиции. Они ударили только по крестьянам. 23 сентября 1916 г. правительство объявило продразверстку и ввело ее с 2 декабря. К 31 декабря она должна была быть доведена до каждого двора. Количество подлежащего сдаче хлеба составляло 772 млн. пудов. Как видим, вроде бы не имеющие никакого отношения к коммунистам министры царского правительства идут на меру, присущую военному коммунизму.

Очевидно, что введенная советским правительством продразверстка имела сравнительно небольшие масштабы: в 1914/15 г. правительственные заготовки составили, например, 302 млн. пудов. - при наличии к тому же нормального еще рынка, а в 1919/20 году - 260 млн. пудов⁴⁰. Продразверстка 1918-1920 гг. была весьма мягкой по сравнению не только с французской, но и с той, что была объявлена царским правительством на 1917 г.

Объявленная на 1917 г. продразверстка провалилась исключительно из-за слабости аппарата царского правительства, саботажа и коррупции чиновников. В феврале М.В.Родзянко подает Николаю II записку, в которой предупреждает о грядущей катастрофе: «Предполагалось разверстать 772 млн. пуд. Из них по 23 января было теоретически разверстано: 1) губернскими земствами 643 млн. пуд., 2) уездными земствами 228 млн. пуд. и, наконец, 3) волостями только 4 млн. пуд. Эти цифры свидетельствуют о полном крахе разверстки». Неспособность правительства осуществить продразверстку погубила Российскую империю.

Временное правительство, будучи по своей философии буржуазно-либеральным, тем не менее также, как было сказано выше, вводит хлебную монополию и объявляет все излишки зерна и были государственной собственностью. В литературе есть сведения, что большое количество продовольствия поступало после Февраля 1917 г. на рынок через потребительскую кооперацию (360 млн. пудов за 8 месяцев существования Временного правительства), но дело было в том, что для большей части населения рыночные цены были недоступны. За 1916 г. (до Февральской революции) цена на ржаной хлеб, главный тогда продукт питания в городах, выросла на 170%, между Февралем и Октябрем – на 258%, а между Октябрьской революцией и маем 1918 г. – на 181%.

Как пишет Н.Н.Суханов, 16 октября 1917 г. на заседании Предпарламента выступил министр продовольствия С.Н.Прокопович, который заявил, что «хлебная монополия, несмотря на удвоение цен, в условиях бестоварья оказывается недействительной и... при данном положении дел для хлебных заготовок придется употреблять военную силу». Таким образом, Временное правительство приходит к выводу о необходимости выполнения введенной еще царским правительством продразверстки уже с помощью *продотрядов* - но также не может провести продразверстку в жизнь из-за беспомощности государственного аппарата.

⁴⁰ Это менее половины довоенного экспорта зерна. Если учесть, что в те годы на экспорт хлеб не отправлялся, а на внутренний рынок поставлялся в малом количестве вследствие паралича транспорта, сама по себе продразверстка для села была не слишком обременительной. Важнее были связанные с ней неизбежные *эксцессы*.

Продразверстка, введенная Советским правительством, была успешной не из-за жестокости продотрядов (хотя эксцессов не могло не быть). Причина в том, что крестьянство, получившее от Советской власти землю и освобожденное от долгов, выкупных и арендных платежей, не пошло на конфликт с властью (хотя, разумеется, реквизициям сопротивлялись, нередко возникали и вооруженные столкновения). Обеспечить минимальное снабжение города через рынок при быстрой инфляции, разрухе в промышленности и отсутствии товарных запасов, очевидно, было невозможно. Реально покупать хлеб на свободном рынке рабочие не могли.

В 1990 г. в США вышла большая книга профессора Калифорнийского университета Ларса Ли «Хлеб и власть в России. 1914-1921». Он сравнивает продовольственную политику царского, Временного и Советского правительств. По мнению Л.Т.Ли, только большевики смогли создать работоспособный аппарат продовольственного снабжения и тем укрепили свою власть. Более того, вопреки созданному нашими демократами ложному представлению, продразверстка (из которой, а не *вопреки* которой вырос и продналог), укрепила авторитет большевиков и среди крестьян. Крестьяне, пишет Л.Т.Ли, «поняли, что политическая реконструкция [восстановление государства] – это главное, что необходимо для прекращения смутного времени, и что большевики – это единственный серьезный претендент на суверенную власть».

Напротив, действия белых в отношении голода, от которого страдало население России в целом, носили идеологизированный характер. Находившееся в Париже Русское политическое совещание, которое было учреждено Деникиным и провозгласило себя руководящим центром «белого дела» (его возглавил бывший председатель Временного правительства князь Г.Е.Львов), 4 мая 1919 г. выступило с протестом против плана оказания продовольственной и медицинской помощи бедствующему населению России. Речь идет о плане, предложенном в апреле норвежским ученым и путешественником Ф.Нансенем. Такие акции подрывали Белое движение.

При проведении продразверстки Наркомпрод некоторое время опирался на особые чрезвычайные организации - *комитеты бедноты*. Они были созданы по декрету ВЦИК от 11 июня 1918 г. Перед комбедами стояло две задачи: распределение хлеба, предметов первой необходимости и сельхозорудий среди сельской бедноты; содействие продовольственным органам в изъятии излишков хлеба у кулаков (за это часть зерна предоставлялась самим комбедам до 15 июля бесплатно, а затем с большой скидкой). В состав комбедов могли входить все жители села, кроме кулаков. В ряде губерний комбеды стали низовым аппаратом Наркомпрода, помогали продотрядам, вели борьбу со спекуляцией, создавали коммуны, общественные столовые, ясли и т.д.

Расчет был на то, что создание комбедов расколется деревню и приведет к изоляции кулака. В целом этот расчет не оправдался, поскольку удельный вес бедноты на селе резко снизился. Радикализм многих комбедов создал опасность конфликта власти как раз с середняками. Возникла напряженность между комбедами и Советами. Этот опыт был завершен тем, что в конце 1918 г. на комбеды было возложено проведение перевыборов Советов. Возникновение окрепших Советов сделало комбеды как чрезвычайные органы излишними, и они были упразднены в ноябре 1918 г. на VI съезде Советов. На Украине, где социальное расслоение на селе было более резким, чем в России, «комитеты незаможных крестьян» пережили даже введение НЭПа. На примере комбедов видно, как исторические мифы искажают общественное сознание. Комбеды просуществовали всего пять месяцев (а реально действовали еще меньше), но в массовом сознании было создано мнение, будто они вершили власть на селе чуть ли не вплоть до коллективизации.

* * *

Таким образом, победа белых, даже если бы им в первые месяцы удалось задушить Советскую власть, означала бы длительную тлеющую, со вспышками, гражданскую вой-

ну. Белое движение было отвергнуто крестьянами и рабочими, составлявшими более 90% населения России. А крестьяне в то время и умели, и обладали возможностями для сопротивления длительного и упорного. Рано или поздно, но они «сожрали» бы белых, как за два месяца сожрали Колчака в Сибири без всякой Красной Армии. Но до этого Россия была бы обескровлена несравненно больше, чем при организованном устранении белых Красной Армией. Даже страшно подумать, в какой хаос погрузились бы обломки России, если бы к власти пришла эта «мешанина кадетствующих и октябриствующих верхов и меньшевистско-эсерствующих низов». Это как если бы полную власть в нынешней России захватила, опираясь на штыки НАТО, мешанина из новодворских, немцовых, горбачевых и гусинских, но упоенных кровью и приведенных в иступленное состояние.

Ленин много сделал, чтобы гражданская война была закончена как можно быстрее и резко - без «хвостов». На это была направлена и военная стратегия мощных операций, и политика компромиссов и амнистий. Опыт многих стран показал, что часто гражданская война переходит в длительную «тлеющую» форму, и в этой форме, соединяясь с «молекулярным» насилием, наносит народу очень тяжелые травмы.

В целом гражданская война ленинского периода имела «два завершения» - решительную и резкую победу красных над белыми в Крыму и прекращение стихийного крестьянского сопротивления через переход к НЭПу. Это мы помним довольно четко, надо только задуматься над тем фактом, что завершение обеих войн было чистым. Это - вовсе не обычная и тривиальная в гражданских войнах вещь. Напротив, общим правилом является длительное изматывающее противостояние после номинального окончания войны.

После гражданской войны бывшие противники примирились на основе признания советской государственности. Всем уже было очевидно, что в этой оболочке восстановилась Россия и смогла укрепиться для большой войны с новым тевтонским нашествием. В этой Отечественной войне на взаимных обидах Гражданской был поставлен крест.

Те, кто снова начал растравливать раны и призывать к реваншу, на мой взгляд, являются самыми настоящими врагами народа – в самом простом и понятном смысле этого слова.